

АЛЕКСАНДР
БЫЧЕНИН

ОПЕРАЦИЯ «САФАРИ»

РАЗВЕДКА БОЕМ
БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ
ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ

Вселенная Сафари

Александр Быченин

**Операция «Сафари»: Разведка
боем. Бои местного значения.
Огонь на поражение (сборник)**

«АСТ»

2012, 2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Быченин А. П.

Операция «Сафари»: Разведка боем. Бои местного значения.
Огонь на поражение (сборник) / А. П. Быченин — «АСТ», 2012,
2017 — (Вселенная Сафари)

ISBN 978-5-17-102321-8

В жизни всегда есть место слепому случаю, способному перевернуть ее с ног на голову. Для капитан-лейтенанта Александра Тарасова, например, им стала операция по захвату «черного археолога». Кто бы мог предположить, что обнаруженная на борту ключ-карта от телепорта приведет к таким далеко идущим последствиям? Но одиночное «сафари» на планете, почти сто лет отрезанной от Федерации, без поддержки, с призрачными шансами вернуться на родную базу являлось лишь началом интриги. Разведкой боем по большому счету. Нашлись друзья и в таких условиях, а на миру, как говорится, и умирать легче. Вот только загадочные «люди с неба» на поверку оказались реальной угрозой. Теперь ставки слишком высоки, и любая ошибка может привести к потере целого мира. Но штурмовики не привыкли пасовать перед трудностями. После боев местного значения цель определена, остается лишь до нее добраться и открыть огонь на поражение.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-102321-8

© Быченин А. П., 2012, 2017
© АСТ, 2012, 2017

Содержание

Разведка боем	6
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	34
Глава 3	58
Глава 4	85
Глава 5	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Александр Быченин
Операция «Сафари»: Разведка
боем. Бои местного значения.
Огонь на поражение (сборник)

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Александр Быченин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Разведка боем

Пролог

Окрестности системы эpsilon Индейца

15 января 2535 года

Знаете, какая у меня мечта? Убить проектировщика абордажного модуля. Запихнуть в тесную бочку настолько некомфортные кресла мог только убежденный садист. Мне сейчас по долгу службы положено к бою готовиться, а я вместо этого затекающие конечности пытаюсь удобнее пристроить и одновременно умудряюсь изучать картинку со сканера наружного наблюдения. Достаточно типичную картинку: из темноты межзвездного пространства на меня медленно наплывал борт трехсотметровой громады старого камиона, перестроенного хитрым владельцем в рейдер. По сути, корабль представлял собой огромный топливный бак с запасом активного вещества на пару-тройку лет автономных действий в глубоком космосе. Что неудивительно – корыто, приблизившееся уже настолько, что стали видны усеявшие обшивку царапины, принадлежало черному археологу. При такой профессии не каждый месяц есть возможность зайти в порт для пополнения запасов. К тому же это довольно рискованное занятие – власти планет Федерации не приветствуют разграбление могил, и вояж в обитаемый мир легко может завершиться «посадкой» на нары. Да и вне планетных систем проще простого нарваться на флотский патруль, особенно здесь, на Фронтире. Доказательством тому – ваш покорный слуга, упакованный в бронекостюм второго класса защиты, навьюченный кучей оружия и специализированных приамбасов.

Абордажный модуль в направлении подозрительного корабля четверть часа назад отстрелила катапульта патрульного фрегата «Отважный». В ближайшие три минуты он прилипнет к камиону в районе пассажирского шлюза, и начнется работа, ради которой я и пятеро моих подчиненных теснимся в десантном отсеке бочки из композитного сплава.

Завязка истории с черным археологом донельзя банальна. На тянущий патрульную лямку «Отважный» поступил из Сети сигнал об обнаружении старого грузовика, маневрировавшего на границе эpsilon Индейца с явным намерением направиться к внутренним планетам системы. Что уже подозрительно, так как со времен Войны она покинута, и кроме обломков кораблей и развалин военных баз в ней нет ничего интересного. К тому же эpsilon Индейца закрыта для посещения – в плоскости эклиптики торчит гравитационная аномалия. Злые языки связывают ее происхождение с утерянным экспериментальным оружием Федерации, применявшимся в битвах более ста лет назад. Согласно альтернативной теории данная аномалия возникла вследствие использования гравитационной пушки легорийцами, а по третьей и вовсе является естественным природным образованием. Однако факт остается фактом: гражданским навигация в системе запрещена.

Вахтенный офицер «Отважного» послал на судно запрос через Сеть, но шкипер обращение проигнорировал и попытался скрыться в астероидном поясе. Вызванный по такому случаю на мостик командир «Отважного» кап-3 Дмитриев дал команду на перехват. Фрегат за полчаса совершил сверхмалый гиперпрыжок, догнал грузовик на границе астероидного поля и нанес удар из ЭМ-орудия. Электромагнитный импульс обрушил командные цепи маршевых двигателей камиона, и тот был вынужден резко замедлиться. Соваться в мешанину камней и кусков льда на неуправляемом корабле не отважился бы и самый безбашенный капитан.

Нарушитель сразу же был опознан. Название «Ловкач», выведенное по бортам десятиметровым шрифтом, не оставляло сомнений: рейдер принадлежит Рику Стражински, чело-

веку, объявленному Службой безопасности в розыск за многократные нарушения законов четырех систем Федерации в виде контрабанды, а также нелегальную археологическую деятельность.

В дело вступила абордажная команда, то есть я и еще пятеро бойцов – «элита морских пехотинцев Военно-космических сил Федерации», как пишут на сайте призывной комиссии. Идиотское название для частей силовой поддержки кораблей Флота. Какие мы, нафиг, морские пехотинцы! Многие из нас и моря-то ни разу в жизни не видели. Однако прижилось еще со времен США, да так и осталось, несмотря на абсурдность. Традиция!

Испещренный царапинами борт камиона навалился глыбой, обрезиненные магнитные захваты бесшумно вцепились в обшивку, из торца абордажного модуля выдвинулась гофрированная кишка переходного рукава, присосавшаяся чуть выше и левее основного пассажирского шлюза. В этом районе в бронеплите имелась глубокая каверна технического коридора, отделенная от холода космоса лишь листом композитной стали толщиной пять сантиметров.

Абордажники в строгом порядке, сотни раз отработанном на тренировках и в реальных условиях, просочились в «кишку». Четверо прижались к стенам, приготовив оружие. Пятый – сержант Черенков, штатный подрывник – распылил на люк раствор «симплекса». Пришлепнул миниатюрный взрыватель, отскочил на пару шагов назад и с криком «Бойся!» активировал подрывную машинку. Коротко пыхнуло, и кусок броневой плиты испарился, открыв доступ в технический коридор. В дыру нырнули бойцы первой двойки – в их задачу входила зачистка коридора от противника, если таковой обнаружится. Через минуту с небольшим сопение в переговорниках прервалось коротким: «Чисто», и в проеме скрылась вторая штурмовая пара. Пожалуй, пора. Я протиснулся в узкий лаз тоннеля, Черенков шагнул следом.

Герметичная дверь, отделявшая технический коридор от «предбанника» шлюза, была аккуратно вскрыта. В помещении пусто – бойцы убыли выполнять основную задачу: первая двойка должна захватить машинное отделение, вторая направилась в жилой сектор. Нам с сержантом осталась ходовая рубка.

Общеизвестно, что грузовик подобного типа не требует большой команды. Для навигации хватит и двоих: дежурного моториста в двигательном отсеке и пилота. Но космические полеты дело довольно длительное, поэтому служба несется восьми- или двенадцатичасовыми вахтами. При движении в гиперпространстве достаточно одного специалиста на рабочее место, при маневрировании же в обычном космосе посты как минимум удваиваются. Получается, для успешного управления судном необходим экипаж из одиннадцати человек: две вахты пилотов, две вахты мотористов, капитан, он же, как правило, штурман, медик и повар. Лоханка не военная, вооружена по принципу достаточности, и все оружейные системы максимально автоматизированы. Управление вооружением завязано на пост второго пилота, которому в случае необходимости остается лишь подать команду. Учитывая тот факт, что нарушитель – черный археолог и по совместительству контрабандист, можно с большой долей вероятности говорить о присутствии на борту собственно копателей, то есть людей, непосредственно занятых осмотром и грабежом старых обломков в космосе и на планетах. Обычно численность такой «артели» не превышает пяти- восьми человек. Сейчас, скорее всего, весь личный состав за исключением дежурной вахты сосредоточен в жилом секторе, так что второй двойке придется потрудиться.

Традиционно наибольшую опасность представляли обитатели ходовой рубки, поскольку они уже знали о нашем присутствии, и у них было время для подготовки к встрече. Поэтому захват центрального поста столь же традиционно осуществляли самые опытные члены абордажного отряда – командир, то бишь ваш покорный слуга, и его напарник, в данном случае сержант Черенков.

Черный археолог, пусть и не чурающийся контрабанды, далеко не пират, хоть и совершает противоправные деяния. Зачастую это образованный человек, не обделенный мозгами – тугодуму в этом бизнесе ничего не светит. Местоположение добычи еще нужно вычислить, а

значит, необходимо умение работать с информацией, сопоставлять и анализировать факты, с головой зарываясь в архивы. Даже освоенный человечеством сектор – песчинка на теле Вселенной – огромен, и если координаты крупных стычек и оборонительных поясов общеизвестны, то определить расположение конкретного корабля или орбитальной крепости та еще задачка. Поэтому подготовительная работа занимала вдвое больше времени, нежели рейд к вычисленному объекту и его грабеж. С одной стороны, с интеллигентными людьми дело иметь проще – вряд ли такой персонаж примется палить из автомата в представителей власти. С другой стороны, сложнее: нельзя просто закидать отсеки корабля гранатами и потом добить уцелевших, или тем паче расстрелять корыто из главного калибра фрегата. Черный археолог подлежит задержанию, а не уничтожению. А посему приходится действовать малыми абордажными группами.

Запускается отсчет времени – практика показывает, что затяжные операции не обходятся без жертв, а это не в наших интересах. Норматив для типовой схемы, задействованной в настоящий момент – не более десяти минут.

Вторая двойка сейчас размеренно движется по коридору жилого сектора, занятая привычной работой. Один боец с парализатором наготове контролирует возможные перемещения членов экипажа, другой вышибным зарядом проделяет в двери дыру и закидывает в каюту гранату-«глушилку». Немудреный ритуал повторяется энное количество раз, согласно числу «апартаментов». Попавшие в зону действия «глушилок» пассажиры теряют дееспособность примерно на полчаса. Этого времени с избытком хватает, чтобы нацепить на всех попавших под раздачу наручники и дожидаться стыковки с фрегатом. Далее в дело вступает призовая команда, волокущая пленников и трофеи на патрульный корабль.

Параллельно первая пара посредством спецкомпьютера взламывает замок люка в защитной переборке, проникает в реакторную и захватывает дежурную вахту мотористов.

Мы с Черенковым тем временем пересекаем «предбанник» шлюза и по длинному коридору от кают-компания доходим до центрального поста, где и упираемся в броневую плиту.

Прислонив спецкомп к замку, запускаю программу взлома. Через пару секунд в утробе люка что-то щелкает, и он скрывается в стенке. Тут же навстречу нам хлещут автоматные очереди. Не ожидающего такого приема Черенкова отбрасывает ударами двух пуль в грудь и третьей по шлему, я же распластываюсь на палубе, укрывшись за комингсом.

– Рик, ты чего творишь?! – в бешенстве ору я, лихорадочно нашаривая «глушилку». – Порву на британский флаг!!!

В ответ снова расчетливыми короткими очередями хлопает автомат.

Ну, я вам сейчас покажу, хлопчики!.. Свернув голову «глушилке», забрасываю ребристый цилиндр в рубку. Дожидаюсь яркой вспышки, смягченной поляризованным забралом шлема, и рывком закидываю тело в люк.

В момент броска баллистический компьютер активировал защитное поле. Ударов пуль я не ощутил, но на всякий случай плюхнулся на пузо и откатился с линии огня. За мгновение комп засек три цели, две из которых – в кресле пилота и на командирском месте – классифицировал как неопасные. Они были полностью дезориентированы и с трудом воспринимали происходящее. А вот третий человек воздействию «глушилки» не поддался. Скафандра на нем я не обнаружил, но однозначно была какая-то защита. Он меня видел, и ствол автомата поворачивался в мою сторону, пусть и не слишком уверенно. Сработав на опережение, всадил заряд парализатора ему в грудь, однако противник словно и не заметил попадания. Указательный палец на спусковом крючке напрягся, в этот момент я перекатом ушел вправо, выпустив из рук бесполезное оружие, и прыгнул. Ударил всем телом, впечатав оппонента в стену. Не дав опомниться, боднул шлемом в лоб и для верности воткнул колено в солнечное сплетение. Этого оказалось достаточно, и противник бесформенной массой сполз по стене.

Подошел к обработанному «глушилкой» Рiku и без заморочек вколол ему прямо через одежду стимулятор. Спустя несколько секунд тот перестал изображать эпилептика и с затаенным страхом и одновременно с каким-то облегчением уставился на меня.

– Что тут происходит? – поинтересовался я, пригвоздив археолога к креслу тяжелым взглядом. – Ты совсем страх потерял? Что это за тип с автоматом?

– Эт-то К-курт С-содерберг, – выдал тот, лязгнув зубами от страха. – К-к-кличка В-веревка...

– Успокойся!

– Он... Он мне угрожал, заставил идти в систему эпсилон Индейца, – зачастил Рик. – Надеялся найти тут что-то очень ценное. Я не знаю, откуда у него сведения, и не знаю, что он точно хотел обнаружить. Но последнюю неделю вел себя как сумасшедший – на людей кидался, начал таскаться всюду с автоматом и генератором поля...

Понятно, почему парализатор его не взял, да и «глушилка» тоже. Не ясно только, что его заставило так нервничать. А ну-ка, что это у него из кармана торчит? Карта, всего лишь древняя ключ-карта. Ничего особенного.

Ожил передатчик – лидеры штурмовых двоек доложили о выполнении задач. Н-да... Я таким успехом похвастаться не мог.

Приказав пленнику вытянуть руки перед собой, извлек из кармана «разгрузки» полосу одноразовых наручников. Тот, понятно, возражать не стал и терпеливо перенес экзекуцию. Затем я для надежности нацепил такие же браслеты на пилота и бесчувственного отморозка. Ключ-карта перекочевала в мой собственный нагрудный карман. Осмотрев Вереvку внимательнее, больше ничего стоящего не обнаружил – обычные мелочи, каких полно в карманах любого космонавта. Его автомат валялся рядом, и при ближайшем рассмотрении оказался «Манлихером» R-315, гражданской версией под слабенький унитар калибра 5,56 мм, но переделанным под фулл-авто. Что незаконно, кстати. Судя по всему, загадочный Курт «Вереvка» Содерберг пиратом не был. Он скорее походил на мелкого уголовника, умудрившегося натолкнуться на нечто ценное, и этим ценным отчаянно не хотел ни с кем делиться. Вот и нервничал, даже стрелять начал.

В коридоре что-то зашуршало, затем до слуха донеслась невнятная ругань – очнулся Черенков. Хотя в него и попали из гражданской игрушки, полновесные удары трех пуль даром не проходят – как минимум обеспечены компрессионные переломы нескольких ребер и сотрясение мозга. Хорошо, что жив остался. Будь у Вереvки что-то типа «вихря» – и кранты, насквозь прошло бы.

Со стороны правого борта послышался скрежет, затем короткий удар, и я облегченно выдохнул: фрегат «Отважный» пристыковался к плененному «археологу». Кавалерия прибыла.

Глава 1

*Система Вольф-1061, планета Бурная, база космофлота «Северная»
21 февраля 2535 года*

Привычно измерив шагами центральный коридор штаба дивизиона, в этот предполуденный час изрядно забитый спешащим по своим надобностям служивым народом, я вошел в уже ставший родным брифинг-зал и занял крайнее правое кресло в первом ряду, на спинке которого красовалась табличка «кап. – лейт. Тарасов А. А.».

На первый взгляд зал, рассчитанный на пятьдесят мест, пустовал, но более пристальное изучение полумрака помещения, предназначенного для предварительного инструктажа абордажных групп, выявило наличие еще четверых незнакомых военных. По извечной войсковой привычке в новом месте они стремились обратиться в невидимок – просто так, осторожности ради и сохранения возможности маневра для. Сам такой же. Это я местный, а потому и завалялся так нагло и уселся в именное кресло, никого и ничего не опасаясь. Хотя поводы для раздумий присутствовали. Судите сами: внезапный вызов в середине дня, да еще и без остальной команды; две недели, оставшиеся до отправления в патрульный рейд фрегата «Отважный», к каковому я, как офицер Морской пехоты ВКС Федерации, был приписан вкупе с вверенным подразделением; плюс полное отсутствие каких-либо слухов среди личного состава. По совокупности признаков можно смело утверждать, что намечается нечто из ряда вон. Впрочем, годы службы отучили строить какие-либо предположения. Проще дожидаться начальства, уж оно-то, родимое, снимет все вопросы. Или не снимет, это как получится. Зависит от степени секретности задания, настроения старшего по званию, тяжести похмельного синдрома капитана первого ранга Борщевского и множества иных, зачастую неочевидных, факторов.

Автоматическая дверь брифинг-зала скользнула в стену, пропустив в помещение того самого кап-1 Борщевского – командира второго патрульного дивизиона Флота-2, базирующегося на «Северной», – в сопровождении двух офицеров, затянутых в полевую форму управления «Космос» Службы безопасности Федерации. Один из вошедших безопасников пребывал в звании старшего лейтенанта, второй, в годах и с проглядывавшими из-под фуражки залысинами, – аж целого подполковника. С ним я уже был знаком.

Два дня назад капитан первого ранга Борщевский вызвал меня для приватной беседы. Завалившись к нему в кабинет, я застал там сутуловатого подполковника-безопасника и своего непосредственного начальника. Борщевский прервал на полуслове доклад о прибытии, буркнув что-то вроде «пообщайтесь», и из кабинета немедленно удалился. Безопасник окинул меня внимательным колючим взглядом и жестом предложил присаживаться. Я привычно занял гостевое кресло, в котором обычно сидели посетители, конечно, если не получали от Борщевского нагоняй. В этом случае полагалось стоять по стойке «смирно» в центре кабинета и пожирать начальство глазами, не опускаясь до оправданий.

– Капитан-лейтенант Тарасов, Александр Александрович?

– Так точно!

– Инспектор управления «Космос» СБФ подполковник Калинин. Мне бы хотелось побеседовать с вами, капитан, в, так сказать, неформальной обстановке... – Безопасник поерзал в кресле, устраиваясь поудобней, и уставился в монитор вмонтированной в стол информационной системы. – Вот тут у меня досье на вас. Родился в 2503 году, в двадцать шестом окончил Самарский технический университет, очное отделение факультета «Общее машиностроение». Призван во Флот в звании лейтенанта Технической службы, в двадцать девятом переведен в корпус Морской пехоты, подразделение силовой поддержки патрульного фрегата, с 2531 года командир взвода, с тридцать второго и по сей день – командир штурмового отряда. Все верно?

– Так точно! Что вы хотели уточнить, товарищ подполковник?

Я пока не смог понять, куда клонит собеседник, а потому решил плыть по течению и отвечать только на заданные вопросы. Оптимальная тактика, когда не знаешь, чего от тебя хотят. Проверено на опыте.

– У вас высшее техническое образование. Окончили очно гражданский вуз. Как же вы во Флот попали? – вздернул бровь подполковник.

– Все просто. – Я позволил себе легкую улыбку. – Закончил военную кафедру по специальности «Транспорт, техническое обеспечение и тяжелое вооружение малых штурмовых групп», военно-учетная специальность 02063. Попал под призыв, уклоняться не стал. Было любопытно попробовать себя во Флоте.

Ну да, с работой пролетел после выпуска, вот и не стал кочевряжиться. Обычно около двадцати процентов выпускников военных кафедр призывают в ряды, так сказать, вот я и попал под раздачу. Причем весьма удачно. Служба оказалась интересной и где-то даже захватывающей. Потому, отслужив положенный срок техником-оружейником, остался во Флоте, но уже по контракту.

– Срочную проходили в Технической службе?

– Да, техник-лейтенант патрульного фрегата, командир группы технического обеспечения штурмового отряда. Занимался обслуживанием abordажных ботов, тяжелого вооружения и индивидуального снаряжения бойцов.

– Значит, с оружием хорошо знаком, – удовлетворенно хмыкнул безопасник.

– Так точно. А когда контракт заключил, попал в штурмовой отряд, на место командира отделения техподдержки. Тут уже пришлось непосредственно в боевых операциях участвовать, корабли и базы штурмовать. Один раз в переделку угодили, на пиратской базе в системе Росс-128. Есть там планетка, Угрюмая называется. При высадке схалтурили, наврали на сопротивление. Челнок с командиром отряда ракетой разнесли, а взводных в самом начале штурма выбили. Пришлось принять командование. После той заварухи предложили вакантное место командира взвода. Я отказываться не стал. Общая тактическая подготовка была, еще коллеги поднатаскали, в общем, прижился на новой должности. А потом курс переподготовки прошел, подтянулся до необходимого уровня.

– Занятно, – кивнул безопасник, и что-то пролистал на мониторе. – Тут написано, что вы дважды проходили курсы повышения квалификации. Можно подробнее?

– Конечно. Через год после назначения меня отправили на стажировку в систему Барнарда, в Центр подготовки десантных войск.

– На Соллерсе? – оторвался подполковник от дисплея.

– Так точно. Там крупная база. Прошел курс полевой и общефизической подготовки офицера десанта. Полгода на шарике просидел – стрельбы, марш-броски, высадки-захваты и прочее в том же духе. У нас во Флоте специфика другая, но знания и навыки пригодились.

– А вторые курсы?

– Это в прошлом году, на Болле, система Росс-614. Тоже шесть месяцев, подготовительный офицерский курс корпуса Егерей. У нас всякие эксцессы случаются, и на планетах в автономных условиях, бывает, действуем. Так что пришлось озаботиться овладением навыками выживания в дикой природе, – улыбнулся я.

Да уж, бывает... Свежи еще воспоминания. Но это совсем другая история, может, и расскажу когда-нибудь.

– Любопытно... – выдал новое слово безопасник. – И как же вас командование за последние три года дважды на такие длительные сроки из действующей части отпускало?

– Понимаете, товарищ подполковник, у нас работа специфическая. Патрульный дивизион действует в основном против пиратов. Поэтому офицер штурмового отряда, а тем более командир, должен обладать навыками ведения боевых действий как в условиях космических

кораблей, так и в условиях наземных баз. Профессиональным военным это все преподается в академии, а у меня базовое образование гражданское техническое. Пришлось наверстывать. А так как в академию я уже ни по возрасту, ни по званию, ни по должности не прохожу, выход один – стажировки в профильных спецзаведениях, которые офицеры проходят. Поэтому мой уровень подготовки в смежных дисциплинах значительно выше, чем у среднестатистического офицера Морской пехоты.

– То есть можно сказать, что вы универсальный специалист, – заключил Калинин. – А увлекаетесь вы чем, помимо основного рода деятельности?

– Хобби?.. – Я на секунду задумался. – Вообще в жизни своей я занимался много чем, но страсти всего две – боевые искусства и история техники, особенно военной.

– Разрешите полюбопытствовать? – По лицу подполковника невозможно было понять, всерьез он интересуется или так, разговор поддержать.

– Боевыми искусствами я с детства увлекаюсь, посмотрелся старинных азиатских фильмов. Занимался всем понемногу, от бокса до самбо, в соревнованиях участвовал. А в университете серьезно занялся ушу. Да и сейчас помимо обязательных армейских комплексов практикую помаленьку.

– Холодным оружием владеете?

– Ножевой бой в рамках армейской программы. Немного занимался шестом, ножами-бабочками и саблей-дао для показательных выступлений, но серьезной подготовки не имею.

– А второе хобби? – напомнил безопасник.

– История военной техники? Тоже практически со школьной скамьи увлекся, отец заразил. Он кандидат исторических наук, директор Самарского филиала Оружейной палаты. Занимался изысканиями в области старинного вооружения. Книг по тематике дома множество, вот я и втянулся.

– Что ж, не смею больше задерживать. – Подполковник встал и протянул руку для пожатия. – Было приятно побеседовать.

– Мне тоже, товарищ подполковник...

Все это я припомнил, пока стоял по стойке «смирно» и пожирал глазами проходящего к президиуму Калинина. Занятно, как он выражается. Ну что ж, посмотрим, чем вторая наша встреча закончится. Прибывшие тем временем заняли места за командирским столом, причем лейтенант-безопасник сразу озаботился установкой инфора.

– Здравствуйтесь, товарищи офицеры! – поприветствовал Борщевский присутствующих, то есть нас.

– Здражлатащплкник!!! – отозвались мы в пять луженых плоток.

– Вольно, садитесь! – Командир дивизиона дождался, когда прекратится шум в зале, и продолжил: – Товарищи офицеры! Не буду вас долго держать в неведении, приступим к делу. Для начала познакомимся. Капитан-лейтенант Тарасов!

– Я!

– Командир штурмового отряда фрегата «Отважный», прошу любить и жаловать, – ухмыльнулся мой начальник. – Присаживайтесь, капитан. Капитан Гречко!

– Я! – поднялся сидевший ближе всех русоволосый крепыш.

Возрастом уже далеко за тридцать, роста чуть ниже среднего, широкоплечий. Стальной взгляд вкупе с тяжелой челюстью. Серьезный дядечка. Чувствовалась в нем стать опасного зверя вроде медведя.

– Третий полк Пятой гвардейской дивизии Десанта, командир разведроты. Присаживайтесь. Старший лейтенант Матвеев!

– Я!

– Командир взвода артиллерийской разведки Второй отдельной самоходно-артиллерийской бригады, Пятая гвардейская дивизия.

Поднявшийся с кресла в дальнем углу брифинг-зала офицер был полной противоположностью капитана Гречко. Такой же невысокий, но сухой и жилистый, он скорее походил на подростка, чем на побитого жизнью мужика. Да и молод был – лет двадцать пять на вид, не больше. Если от капитана веяло некой кряжистостью и крестьянской основательностью, то Матвеев подвижен как ртуть и невероятно ловок, если судить по плавности и грации движений. Этакий дикий кот на охоте. Оно и понятно: артиллерийская разведка как бы не хлеще войсковой, – мотаться ребятам приходится столько и по таким местам, что поневоле высохнешь.

– Присаживайтесь, старший лейтенант. Лейтенант Котов!

– Я!

– Сотрудник спецподразделения «Вымпел» управления «Космос» СБФ.

Ага, коллега безопасников. Совсем молодой парнишка со средней во всех отношениях внешностью: средний рост, среднее телосложение, незапоминающееся лицо ярко выраженного славянского типа, русоволосый... Полевой агент. Их еще рейнджерами называют. Специально подготовлен для длительных автономных действий в условиях населенных планет. Несмотря на возраст, тот еще волкодав.

– Присаживайтесь. И наконец, мичман Алексеев.

– Я! – поднялся со своего места полноватый мужик в форме флотского техника.

– Техническая служба Флота, специалист по коммуникационным системам и системам навигации среднетоннажных кораблей. Присаживайтесь.

Мичман Алексеев заметно выбивался из нашей компании. Уже немолодой, чуть за пятьдесят, он олицетворял образ флотского или армейского старшины – основательный, неторопливый. При этом чувствовалось, что опыта ему не занимать, и если потребуется всех нас, салабонов, на место поставит. Колоритный дядечка.

– Я, как вам всем известно, капитан первого ранга Борщевский. – Мой начальник обвел взглядом присутствующих, словно хотел убедиться, что до них дошел смысл сказанного. – Командир второго патрульного дивизиона Флота-2 и по совместительству комендант базы «Северная», где мы все в данный момент находимся. Я буду курировать операцию под кодовым названием «Сафари» со стороны Вооруженных сил Федерации. Со стороны Службы безопасности Федерации курирует операцию подполковник Калинин.

Безопасник привстал и коротко кивнул.

– Он подробнее расскажет о предстоящей операции. – Борщевский оставил трибуну и уселся на свое место за командирским столом. – Прошу, товарищ подполковник.

Калинин прокашлялся и приступил к инструктажу:

– Товарищи офицеры, начну с небольшого экскурса в историю... Или не нужно, сами знаете?..

Знаем, знаем. Еще из школьного курса. Как там в учебнике? Что-то вроде: «...космическая эра человечества началась в XXII веке с освоения Солнечной системы. Для этой цели использовались корабли на фотонной тяге, оснащенные термоядерными реакторами. Скорость перемещения в пространстве оставляла желать лучшего, но они позволяли в относительно короткие сроки добраться до внутренних планет...»

А в начале двадцать третьего века случилась очередная научно-техническая революция: люди открыли гиперпространство, позволившее достичь ближайших звезд. Навигация в гиперпространстве, согласно неким физическим ограничениям, суть которых даже я со своим техническим образованием не до конца понимал, могла осуществляться на скоростях, не превышающих десятикратной скорости света. При этом гипердвигатели современных кораблей были способны обеспечить скорость в тридцать, сорок, а новейшие экспериментальные модели и в пятьдесят раз больше скорости света. Из-за этого несоответствия покорение Пространства шло довольно низкими темпами. Несмотря на это, к середине века было обследовано и частично освоено около тридцати звездных систем в радиусе двадцати световых лет от Солнца.

Примерно тогда же был открыт принцип гиперпрыжка, дальность которого теоретически не ограничена. Тут тоже имелись сложности (куда ж без них): для осуществления гиперпрыжка необходимо знать координаты точки выхода, заданные с определенной точностью. Все было бы просто, представляй галактика неподвижный конгломерат. Однако все объекты Вселенной непрерывно движутся, и в связи с этим для вычисления координат любой планетной системы с необходимым допуском элементарно не хватало существовавших на тот момент, да и на сегодняшний день тоже, вычислительных мощностей. Прыжок же без известных координат места назначения превращался в лотерею. Выход нашелся – необходимо использовать маяки. С их помощью гиперскачок становился очень эффективным и надежным средством преодоления пространства. Единственная трудность – доставить маяк в нужную точку. С уже освоенными системами проблем не возникло, а вот дальнейшая экспансия была затруднена. Но наши предки были рисковыми людьми, и перед трудностями пасовать не привыкли. Они не побоялись отправить несколько новых кораблей в неизвестность. Суда несли маяки, которые и были установлены в каждой посещенной планетной системе.

– ...про Контакт вы тоже в курсе...

Ага, в курсе. Когда первопроходцы вернулись в метрополию, выяснилось, что метод прыжков наугад нерационален, потому что даже при перемещении на дальность до двадцати-тридцати световых лет погрешность выхода превышала пятнадцать процентов, что приводило к необходимости корректирующего скачка (либо нескольких) или длительного перехода на гипердвигателях. От дальнейших экспериментов было решено отказаться. Но силы и средства оказались потрачены не зря – первый из исследовательских кораблей, «Гелион», после стартового прыжка очутился слишком далеко от ближайшей планетной системы, поэтому вынужден был добираться до нее в гиперпространстве. При этом кто-то из команды без всякого умысла активировал радар, осуществлявший наводку на маяки, и случайно обнаружил чужой сигнал. А поскольку наши предки были... (см. выше), то крейсер совершил гиперпрыжок и попал в систему Каледо – форпост цивилизации Тау. Таурийцы попытались атаковать «Гелион», так как он не отвечал на запрос «свой-чужой», но быстро разобрались, что перед ними совершенно неизвестный им тип корабля. Любопытство победило, и состоялся обмен сообщениями со всеми вытекающими. Эта встреча вошла в историю двух цивилизаций под названием «Первый контакт». Таурийцы к тому времени уже давно поддерживали связь с цивилизацией Л'Хеу. Соответственно, представители человечества тоже вступили с ней в контакт, и вскоре был заключен союз, известный ныне как Триумвират.

На наше счастье, территории человечества, таурийцев и цивилизации Л'Хеу оказались разделены значительными – порядка двухсот световых лет – расстояниями и располагались в вершинах поистине космического равностороннего треугольника. Любые связи между ними, в том числе и торговые, возможны были только посредством гиперпрыжков. Триумвират подразумевал размещение в секторах держав специальных маяков, передающих кодированный сигнал, поэтому воспользоваться данным средством могли только корабли союзников. Таким образом военная экспансия была максимально затруднена. В результате трем гуманоидным цивилизациям оказалось нечего делить, и сегодня союз процветал к обоюдному удовольствию.

– ...конфликт с легорийцами изучали в академии...

И не только. Я в военной академии не учился, но тоже знал подоплеку. Порядка десяти-пятнадцати тысяч лет назад в нашем секторе галактики существовала могущественная цивилизация, о которой в настоящее время почти ничего не известно. В современной исторической науке она фигурировала под названием «Первые». И эти Первые примерно в тот же период с неизвестной целью переселили значительную человеческую популяцию с Земли на планету Легория. Та входила в семью одноименной системы, удаленной от Солнца на семьдесят три световых года. Перемещение целого народа не осталось незамеченным и получило отражение в мифе об Атлантиде. С тех пор и по настоящее время легорийская цивилизация шла по тех-

нологическому пути развития и к восьмидесятым годам двадцать третьего века освоила сферу пространства радиусом около тридцати пяти световых лет. Федерация на тот момент заняла аналогичную территорию, и первый контакт двух ветвей человечества произошел в секторе пространства, сейчас известном как Фронтир. На протяжении почти десятка лет общение было мирным. Выяснилось, что загадочные Первые поставили над легорийцами социологический эксперимент, направив их общественное развитие по пути идеализации сообщества. За тысячи лет легорийцы развили социум, устроенный по принципу термитника или муравейника – личность не значит ничего, значение имеют только отдельные особи-мыслители и популяция в целом. Что-то подобное было и на Земле, в виде коммунистического учения, но у нас данный строй оказался нежизнеспособным. Легорийцы же были подвергнуты Первыми неким изменениям, которые в конечном итоге привели к возникновению на планете коллективного разума. Каждый отдельный индивидуум вне общества осознавал себя личностью, наделенной определенной самостоятельностью. Но чем больше легорийцев собиралось вместе, тем сильнее становился коллективный разум и тем в меньшей степени самостоятельным каждый отдельный индивидуум. Коллективный разум позволил легорийцам решать труднейшие задачи еще до появления сложной вычислительной техники, однако эта же особенность данной цивилизации проложила глубочайшую пропасть между двумя ветвями человечества. Внешне почти неотличимые, ментально мы были абсолютно враждебны друг другу. Как и следовало ожидать, со временем все контакты между легорийцами и Федерацией были прекращены. Казалось, нам нечего делить. Но легорийцы придерживались другого мнения. Исползволь, не торопясь, они готовили вторжение, тайно доставив в миры Фронтира маяки. Преимущество первого удара осталось за легорийцами, и в 2407 году они осуществили массированное нападение на системы Федерации. Разгорелась война, длившаяся до 2413 года. Последствия этого конфликта человечество не преодолело до сих пор. За годы противостояния было потрачено столько ресурсов, что пришлось отказаться от так называемых Внешних миров – систем, лежащих на расстоянии более двадцати световых лет от Солнца. Миры Фронтира стали ареной многочисленных кровопролитных битв и в результате длительной позиционной войны были потеряны. Связь с дальними системами Фронтира отсутствовала уже более ста лет. Известно, что все они были атакованы в первый год конфликта, еще до того, как легорийцы потеряли темп, увязнув в нашей обороне, но что стало с населением этих планет после окончания боевых действий – большой вопрос. Однако не только мы понесли столь существенные потери. По донесениям разведки, в военный период легорийские миры после крупной наступательной операции объединенных флотов Триумвирата пострадали не меньше, и воцарилось хрупкое равновесие. Сколько еще времени оно будет сохраняться, никто не знал.

– ...и текущую обстановку примерно представляете, – закончил Калинин мысль и прервался смягчить горло глотком воды. – Переходим сразу к сути. История, интересующая нас, заключается в следующем. В самом начале конфликта у Федерации появилась технология, позволявшая совершать гиперпрыжки без маяка, с отклонением от точки назначения не более трех-пяти процентов. Согласитесь, увеличение точности прыжка в три-пять раз это существенный бонус. Были построены два экспериментальных корабля. Они направились в систему Ахерон, которая должна была стать отправной точкой для испытательного прыжка. Но в это же время система подверглась нападению легорийцев. Вся инфраструктура системы, в том числе и гиперпространственные маяки, была уничтожена. Связь с колонией прервалась. Корабли затерялись. До сих пор неизвестно, уничтожены они или нет. Сами понимаете, какой ценностью является эта технология, как для нас, так и для вероятного противника. Не так давно нам в руки попала ключ-карта к сети мгновенного внутрисистемного масс-транспорта, или телепорта, военной базы Ахерона. Наши специалисты попытались активировать транспортную ветку извне, и им это удалось. В настоящий момент мы можем открыть четыре станции в системе Ахерона. Ваша задача – проникнуть на базу и провести разведку.

– А почему бы не направить туда разведывательный корабль? – полюбопытствовал Матвеев.

– Даже если отправить корабль отсюда, преддверия Фронтира, ему понадобится преодолеть более пятнадцати световых лет. Это полтора года, – пояснил Калинин. – Идти придется через область гиперпространства, наспигованную всяческими сюрпризами типа гипермин. К тому же доподлинно неизвестно, что происходит в системе. Риск слишком велик, даже если не считать потерю времени.

– Единственный реальный вариант, – вступил в разговор Борщевский, – это гиперпрыжок. Для него нужен маяк. Здесь мы опять упираемся в тупик. Система Ахерон слишком удалена от обжитой территории. И ладно бы это было обычное пространство. Но это сплошное поле боя, товарищи офицеры! От обеих воюющих сторон осталось огромное количество смертоносных сюрпризов, как в гиперпространстве, так и в обычном космосе. Мы даже в близлежащие системы типа эпсилон Индейца не суемся, настолько там все захламлено. Плюс гравитамы. Искусственного, что характерно, происхождения.

Капитан первого ранга сморщился, как от зубной боли. Искусственные гравитационные аномалии стали результатом бездумного использования обеими сторонами гравиторужия – жутких установок, разрывавших и перемешивавших гравитационные силы. Такая аномалия для кораблей страшнее черной дыры, потому как расположение черных дыр хорошо известно, а сколько аномалий и где они – не ведал никто. Сверхмассивная звезда начинала притягивать корабль на достаточно большом расстоянии, поэтому было время предпринять попытку спасения. Аномалия же отличалась наличием огромного количества разнонаправленных гравитационных векторов, в итоге любой попавший в зону ее действия объект разрывало в клочья. Наш дивизион познакомился с аномалией как раз в системе эпсилон Индейца – в нее влетел малый разведывательный крейсер. Экипаж не успел среагировать. Нынешнее поколение кораблей внутрисистемную навигацию могло совершать на диких скоростях – до одной десятой световой, – поэтому пилот только испуганно вскрикнул, а потом треск помех в передатчике – и все... Даже обломков крейсера не нашли, они затерялись в океане других таких же, оставшихся с войны.

– Корабль на Ахерон можно послать, – вновь взял слово Калинин. – Специальный разведывательный рейдер, на котором установлен детектор гравитационных возмущений. Но идти он будет не полтора года, а все пять – с учетом маневрирования в опасной зоне. А сейчас у нас есть шанс проникнуть в систему очень быстро. Да, не спорю, с огромными затратами энергии. Внутрисистемный телепорт не предназначен для переброски объектов на расстояния в десятки световых лет. Но командование готово пойти на такие жертвы. Энергию можно восполнить. Потерю еще нескольких лет на ожидание результата – нет.

– Поймите, товарищи офицеры! – с жаром продолжил подполковник. – Впервые за сто с лишним лет появилась возможность узнать, что творится в системах Фронтира. Федерация оправилась от войны, появились ресурсы, которые можно использовать для восстановления потерянного. И мы обязаны воспользоваться представившимся шансом. Ахерон, помимо того что является планетой земного типа с почти идеальными для людей условиями, еще и форпост человечества. И этот факт будет иметь решающее значение уже в ближайшие десятилетия. Ведь если от войны оправились мы, то, вполне вероятно, то же самое произошло с легорийцами. Вам напомнить, кто был инициатором конфликта? А если удастся еще и экспериментальные корабли обнаружить? Или хотя бы какие-то о них сведения? Вы представляете перспективы?

– В общем, разведка в системе – вопрос решенный! – прервал полемику Борщевский. – Осталось уточнить некоторые детали. Техническая служба будет готова к переброске через двое суток. Сейчас идет процесс накопления энергии. Необходимо будет осуществить однократный переброс по четырем векторам. Прошу вас, товарищ подполковник.

Лейтенант-безопасник перестал возиться с информом и вывел на обзорный экран схему планетной системы.

– Система звезды Риггос-2, больше известная как Ахерон – по названию третьей планеты, – вновь поднялся со своего места Калинин. – Звезда того же класса, что и Солнце. Излучение для людей не опасно. В систему входят пять планет. Первая от звезды – Муспелльхейм, абсолютно не пригодна для жизни. Никаких искусственных объектов на ней не располагалось.

На экране вырос буро-коричневый шар планеты, но сразу же уступил место изображению сферы побольше, светло-коричневой с бурыми поперечными полосами.

– Вторая планета системы – Вальхалла. Несмотря на название, раем не является ни разу, – хмыкнул подполковник. – Ей бы скорее подошло название Хельхейм, но первооткрывателям виднее. А может, у них чувство юмора такое извращенное было. Климат чуть мягче, чем на Венере, но не настолько, чтобы активно ее осваивать. Имелось несколько военных и научных объектов.

– Третья планета системы – Ахерон. Полный двойник Земли, только спутников два – Локи и Тор. Оба примерно вдвое меньше Луны. – Подполковник кивнул помощнику, и тот вывел на экран изображение голубого шара, действительно весьма напоминавшего Землю. – До войны планета была довольно густо заселена. Численность гражданского населения превышала триста миллионов человек. В основном были освоены два материка из четырех – в Северном полушарии Нордланд и в Южном полушарии Ютланд. Как видите, первопоселенцы недолго думали, когда давали им названия. Оба материка лежат в зоне умеренного климата, потому и осваивались в первую очередь. Они расположены в Западном полушарии. В Восточном полушарии имеются еще два материка, вытянутые с севера на юг, – Зюйд-1 и Зюйд-2. Очертаниями похожи на земные Южную и Северную Америки. Климат не столь ровный, поэтому населенность незначительная – около пяти миллионов. Еще в некоторых доступных нам источниках упоминалось наличие на планете аборигенов гуманоидного типа, но никаких точных сведений на этот счет не сохранилось. На планете располагалось большое количество военных, научных и промышленных объектов. В довоенное время Ахерон был одним из крупнейших испытательных полигонов Федерации.

Шар планеты на экране уплыл вглубь, вокруг него образовались три концентрические окружности разных цветов.

– Непосредственно Ахерон был окружен тремя поясами оборонительных сооружений, – продолжил лекцию Калинин. – Первая сфера обороны представляла собой равномерно распределенные вокруг планеты автоматические орбитальные оружейные и ракетные платформы. Вторая сфера обороны включала орбитальные крепости, одновременно являвшиеся базами истребителей и перехватчиков, а также оружейные платформы. Здесь же на высоких орбитах располагались верфи. Третья сфера обеспечивалась истребителями планетарного базирования, крупнокалиберными батареями и ракетными шахтами, размещенными на поверхности планеты.

– Такой же серьезной обороной обладала четвертая планета системы – Мьёллнир. – Подполковник указал на каменистый шар, выросший на дисплее. – Аналог Марса в Солнечной системе. На нем располагалось значительное количество исследовательских и военных объектов, а также самые крупные в системе верфи.

– Пятая планета – Нифльхейм, газовый гигант на задворках системы.

На экране возникла обросшая бахромой атмосферных вихрей сфера, обрамленная кольцами и целым ожерельем естественных спутников.

– На нескольких лунах располагались передовые форты и станции дальнего обнаружения. Здесь же велась добыча водорода. Между Мьёллниром и Нифльхейм имеются два астероидных пояса, там добывали полезные ископаемые. Периферию Системы прикрывали два пояса минных полей. На момент нападения легорийцев здесь базировался Пятый флот в составе семи

линейных кораблей, тридцати двух фрегатов огневой поддержки и пятидесяти одного крейсера. Плюс корабли обеспечения. Плюс два авианосца. Планетарные силы насчитывали две дивизии десанта на Ахероне, полк морской пехоты на Мьёллнире, пять артдивизионов наземного базирования на Ахероне, три на Мьёллнире. Также на этих двух планетах были расквартированы два ракетных полка. Плюс силы планетарной обороны – экипажи орбитальных крепостей и истребительных подразделений. Всего в Системе присутствовало около двухсот тысяч человек личного состава Десанта и Флота, и силы самообороны, в случае необходимости способные поставить под ружье около миллиона бойцов из числа колонистов.

– Начало войны характеризовалось молниеносными операциями, проведенными силами космических флотов, – продолжил подполковник после краткой паузы. – Ахерон оказался на острие удара и был потерян на пятые сутки конфликта. По докладам вырвавшихся из Системы кораблей известно, что Пятый флот оказал отчаянное сопротивление и нанес противнику значительные потери. Но численный перевес был на стороне легорийцев. Судя по всему, они разгромили все сколько-нибудь крупные военные объекты в пространстве и на планетах, высадили десант на Ахерон и Мьёллнир и направились дальше, в глубь территории Федерации. Здесь их силы увязли в затяжных боях, шедших с переменным успехом. Некоторые данные позволяют предположить, что в систему Риггос-2 легорийцы больше не вернулись. Самые крупные сражения войны развернулись сначала во внутренних областях Федерации, потом перекинулись на системы легорийцев, а под конец конфликта противостояние вообще скатилось во всеобщий хаос, и лишь поддержка партнеров по Триумвирату позволила Федерации записать победу на свой счет. Близлежащие системы Фронтيرا превратились в пустыню, так как именно в них легорийцы тайно доставили маяки и туда же потом совершали прыжки корабли Флота. Пример – система эпсилон Индейца, лежащая в зоне ответственности вашего дивизиона. В этот период было впервые использовано гравитационное оружие. В самом начале войны наше командование применило тактику противника – из Внешних миров Фронтيرا были отправлены на территорию легорийцев корабли с маяками. К 2413 году они достигли внутренних миров врага. В этом же году по этим системам был нанесен массированный удар силами объединенных флотов Триумвирата. В других сражениях союзники не участвовали – они посчитали, что земляне способны довести дело до логического конца без дальнейшей помощи. Финальное сражение войны оказалось воистину жестоким – исчерпали ресурсы обе цивилизации, и конфликт затих сам собой. Сложился паритет сил, сохраняющийся до настоящего времени. В результате Внешние миры Фронтيرا попали в полосу отчуждения, отделенную как от Федерации, так и от легорийцев обширными поясами мертвых систем и пространством, засоренным минными полями и гравитационными аномалиями. Поэтому есть надежда, что какая-то часть населения Ахерона выжила, сохранив остатки инфраструктуры.

– Что касается предстоящей операции. – Подполковник Калинин кивнул коллеге-лейтенанту, и тот вывел на экран схему всей звездной системы. – В Системе сохранилось четыре действующих телепорта. Возможно, больше, но обнаружить их не удалось. Наличие рабочих станций говорит о том, что частично сохранились как минимум четыре военных объекта, и мы можем этим воспользоваться. Три действующих телепорта расположены на Ахероне. Два из них на Нордланде.

Лейтенант увеличил изображение планеты, затем масштабированием вывел на экран спутниковую фотографию какого-то города.

– Город Чесма. В пригороде размещалась станция мониторинга пространства и наземная батарея. Скорее всего, телепорт располагается на территории военной части. Сюда отправится капитан Гречко.

Лейтенант прокрутил карту, переместившись на другой край материка.

– База истребительного полка. Телепорт находится на территории диспетчерского пункта. Ближайший к базе город Чернореченск в трехстах километрах севернее. Между базой и горо-

дом располагался испытательный полигон Десанта. Сюда отправится капитан-лейтенант Тарасов.

Далее изображение переместилось на материк в Южном полушарии.

– Ютланд, город Калвертон, – прокомментировал Калинин. – Телепорт также на территории артиллерийской части. Сюда отправляется старший лейтенант Матвеев.

– И наконец, четвертая точка выхода – Мьёллнир, главная верфь. – Подполковник ткнул пальцем в экран, украшенный изображением суровой безжизненной планеты. – Здесь население с вероятностью девяносто девять процентов не выжило. Сюда отправляются лейтенант Котов и мичман Алексеев. У них будет свое задание, связанное с исследованием Системы в целом.

– В заключение хочу сказать следующее. – Подполковник обвел взглядом присутствующих и на миг задумался. – Трое из вас были выбраны с учетом универсальной подготовки, как военной, так и технической. Вам придется действовать автономно в условиях планеты с предположительно дружественным населением, как долго – неизвестно. У вас будет возможность поддерживать связь друг с другом и с группой на Мьёллнире. Однако рассчитывать следует только на себя. Командование надеется на вас. Дальнейший инструктаж будет проведен индивидуально непосредственно перед отправкой. Сегодня остаток дня – отдых, завтра подготовка снаряжения. Переброска через двое суток. Все свободны.

* * *

После сытного обеда в штабной столовой я вернулся в жилой кубрик и в нарушение всех уставов развалился на кровати. Сегодня можно проигнорировать режим дня, вон какое высокое начальство разрешило. А потому я, не мудрствуя лукаво, решил отоспаться.

Как ни странно, сон не шел. В голове роились мысли... Да знаю я, что офицер-абордажник и мысли – две вещи несовместные. Избитая шутка, давно уже не смешно. Мысли именно роились, по-другому не скажешь. Беседа с командованием наводила на размышления.

Например, почему на Мьёллнир отправляются два человека – техник со специфической профессией и безопасник? Что они собираются там искать? Что-то, с чем может справиться специалист по навигационным системам? А безопасник в нагрузку и обеспечения секретности для? Получается, их миссия самая важная? А что такого особенного в телепорте на территории Ютланда? Почему туда направляют разведчика-артиллериста, способного неделями шататься по глухотам? Любому рейнджеру фору по части марш-бросков даст. Что-то тут нечисто. Скорее всего, командованию известно больше, чем довели до нас. Хотя чего это я возмущаюсь, когда было иначе? Не припомню такого. Исполнителей как всегда информируют по принципу достаточности: меньше знаешь – целее шей. А то, что от недостатка информации в поле может серьезно пострадать задница одного исполнителя, командование как всегда не колышет.

Или вот дела давно минувших дней. Из школьного курса истории любому гражданину Федерации известно, что легорийцы начали войну. Но ни в одном из серьезных трудов – а прочитал я их, видит бог, немало, спасибо отцу – не сказано о причинах конфликта. Такое впечатление, что никто из ученых их просто не знает. Хотя в основе любого военного противостояния должно лежать пересечение чьих-то интересов... Сам собой возникает вопрос: а был ли мальчик? Судя по результатам, был, но вот найти бы его. Возможно, в будущем удастся избежать повторения подобной бойни. По ходу конфликта стало ясно, что легорийцы готовились к вторжению едва ли не с первого контакта. Почему? Или они предвидели будущее, или по каким-то еще причинам. В общем, тайна сия великая есть.

Даже если абстрагироваться от первопричины, возникает второй вопрос: чего они достигли? Заперли нас в сфере радиусом двадцать световых лет? Затормозили технический прогресс? Породили демографический кризис? Так ведь и с ними случилось то же самое. Вос-

пользоваться оставленными человечеством Земли территориями они не сумели. Патовая ситуация.

Уже более ста лет нет связи с системами Фронтира. Что стало с их населением – неизвестно. К концу войны ресурсы Федерации настолько оскудели, что не осталось возможности обеспечивать развитие Внешних миров. Парламент принял решение эвакуировать людей во Внутренние системы, благо места хватало. Вне Фронтира тогда существовало семь развитых колоний, которым нападение легорийцев не грозило, но располагались они достаточно далеко от метрополии. Планировалось вывезти народ и промышленные мощности, которые могли бы стать значительным вкладом в восстановление подорванной войной экономики. План сорвался – поселенцы вовсе не стремились покинуть насиженные места. Когда из Внешних миров ушли регулярные войска, власть там захватили промышленные олигархи. Им показалось, что синица в руках в виде власти над колонией куда лучше, чем журавль в небе – сомнительное удовольствие от игр на политической арене Федерации. Население, что характерно, их поддержало.

Внешние миры оказались предоставлены сами себе. Правительство каждой колонии думало лишь о собственной выгоде, в результате возникло семь замкнутых систем, варившихся, фигурально выражаясь, в собственном соку. Закономерный итог – локальные войны, в которых выжили самые сильные, жестокие и наглые. Они навели порядок на центральных планетах, частично восстановили экономику, начали понемногу торговать между собой, наладили кое-какие контакты с Федерацией. Вроде все утряслось.

Но были другие – чуть менее жестокие, но не менее наглые, выжившие в мясорубке. Их оттеснили на периферийные планеты, в большинстве своем безжизненные. Нет сельского хозяйства. Война – синоним разрухи, а когда разрушена промышленность, что остается делать? Правильно, идти на большую дорогу. Семь пиратских кланов стали головной болью не только Внешних миров, но и Приграничья. Хо́да им не было только во Внутренние системы, где были сконцентрированы основные силы метрополии.

Особенности навигации в глубоком космосе при переходе из одной системы в другую как минимум дважды ставили корабль в уязвимое положение. Уйти в гиперпрыжок в зоне действия гравитационных сил звезды с ее планетарной семьей не представлялось возможным – мощности реактора не хватало. Сначала необходимо добраться до точки перехода либо на эволюционных внутрисистемных двигателях, либо на маршевых в гиперпространстве. Причем что в плоскости эклиптики, что под углом к ней – без разницы. В эклипнике даже энергетически выгоднее: векторы воздействия звезды и планет лежат в одной плоскости, поэтому тягу сфокусировать легче.

Второй способ был возможен не только в теории, но на практике возникали значительные трудности – нырок в гипер сопровождался искажением пространства, что было чревато повреждением весьма развитой в человеческих мирах космической инфраструктуры, да и наличие в непосредственной близости массивных тел превращало навигацию в гиперпространстве в лотерею. Потому и вынуждены были корабли выходить за пределы Системы на относительно небольших скоростях. Тут-то их и поджидали пираты.

Второй удобный для нападения момент – выход корабля из гиперпрыжка. Само собой, хоть и наводился корабль на маяк в Системе, вываливался он в обычное пространство на значительном удалении от внешних планет. До пункта назначения шел на эволюционниках и в этот период представлял собой заманчивую цель, чем пираты и пользовались беззастенчиво.

В начале Изоляции, как стали называть послевоенный период обитатели Внешних миров, флибустьеры предпочитали атаковать корабли на подступах к собственным системам. Правительства отделившихся планет не справлялись с напастью, так что вконец отчаявшиеся перевозчики и торговцы на свой страх и риск образовали конвойные войска, которые и прижали наглецов к ногтю.

Тогда пираты обратили внимание на Приграничье – окраинные системы Федерации. Из них в основном и пролегали торговые пути во Внешние миры. В качестве ответной меры Федерация создала Патруль – восемь флотов, каждый из которых отвечал за неприкосновенность своей части границы. Я, стало быть, служил на корабле, входившем в состав Флота-2. Область нашей ответственности включала половину Фронта. Оставшуюся часть контролировал Флот-3. Кораблей и личного состава в Патруле было более чем достаточно, однако возникла другая проблема – колоссальные расстояния между системами Приграничья. Чтобы обойти контрольную зону, обычному патрульному фрегату требовалось порядка шести-восьми месяцев движения в гиперпространстве. А оттуда много не навоюешь.

Решение нашлось быстро – система маяков-ретрансляторов позволила боевым кораблям прибывать в зону деятельности посредством гиперпрыжков и уже на месте вести патрулирование, двигаясь либо в гипере, либо на эволюционниках. Раскинувшуюся в Приграничье паутину назвали Сетью, и со временем она охватила всю территорию Федерации. На сегодняшний день в ее состав входило около ста тысяч маяков, являвшихся одновременно автоматическими станциями слежения и ретрансляторами сигналов связи. Эта инфраструктура создавалась почти двадцать лет и легла в основу информационной сети Федерации. В далеком XXI веке на Земле существовали системы навигации, использовавшие принцип позиционирования по трем и более спутникам, находящимся в зоне доступа. Сеть по такому же принципу позволяла определять координаты корабля с точностью, достаточной для совершения гиперпрыжка на сверхмалые расстояния. В результате патрульный фрегат мог появиться в нужной точке пространства в течение двадцати-тридцати минут и перехватить нападающих на месте преступления. Вскоре после завершения строительства Сети пиратов удалось на какое-то время утихомирить, но после недолгого затишья нашлось немало безбашенных психов, готовых рискнуть жизнью, лишь бы пощипать жирных торговцев-федералов. Львиная доля этих авантюристов выявлялась Сетью и становилась жертвами Патруля еще на подступах к трассам, но некоторым везло – они успевали взять на бордаж гражданский корабль и избежать возмездия. Смертельная игра, которую с переменным успехом вели обе стороны, продолжалась по сию пору.

На Фронтире проблема пиратов стояла не столь остро, но и сюда изредка забирались особо отчаянные флибустьеры – наличие Сети помогало преодолевать гигантские расстояния в короткие сроки не только Патрулю. Куда больше хлопот в нашем секторе доставляли черные археологи, подрабатывавшие еще и контрабандой.

Испокон веков рука об руку с человечеством шествовали две болезни: жадность и коррупция. Везде, где собиралось более трех человек, начиналась борьба за власть и кусок послаще. В наше просвещенное время власть опирается на два столпа – деньги и информацию. А информация, как правило, всегда является оборотной стороной чьей-то тайны. Тайны же притягательны, особенно когда за них хорошо платят. Есть тайны грязные, политические, сам факт обладания которыми подвергает человека смертельному риску. Есть тайны не менее грязные, но более приземленные, например, инопланетные технологии либо утерянные во время Войны разработки. И если первым типом тайн интересуются в основном достойные люди – политики, то второго типа не чурается и всякое отребье – мечтающие о мировом господстве олигархи, планирующие разжиться чудо-оружием пираты, и просто правители-диктаторы. Известный экономический закон гласит: спрос рождает предложение. Есть люди, готовые платить за тайны космоса. Как результат, появились люди, готовые этими тайнами торговать. Отчаянные парни, которые не боятся соваться в самые гибельные места, обшаривать мертвые системы, мародерничать на останках великих флотов прошлого и потрошить корабли-призраки в мешках гравитационных аномалий. Настоящие стервятники наших дней, чью деятельность приходилось пресекать нашему дивизиону.

Тут, конечно, есть нюансы. Юридически черные археологи, не в пример тем же пиратам, не объявлены вне закона, так что расстрелять такой корабль без предупреждения не получится,

ибо чревато трибуналом. К тому же сами по себе раскопки не являются противоправным действием. В отличие от перевозки и продажи обнаруженных ценностей третьим лицам – для этих целей существует государственная Компания. Поэтому пренебрегшие услугами официальных скупщиков корабли-«археологи» полагается задерживать с использованием достаточно жестких методов. Арестованные экипажи отправляются во Внутренние системы и предаются суду. И если за ними не тянется шлейф криминала, то получают год тюрьмы за вандализм, в особо тяжелых случаях до трех лет за мародерство, но чаще всего отделяются условными сроками или штрафами. На контрабанду федеральные судьи предпочитают закрывать глаза – нельзя же, в конце концов, пересаживать всех археологов по серьезным статьям. Люди из Компании неправильно поймут. После отбытия наказания копателям еще приходится выкупать корабли со штрафстоянки, что выливается в приличную, но не критичную для большинства этой братии сумму. Оказавшись на свободе и выкупив корабль, черный археолог, как правило, возвращается к своему занятию. Среди экипажей Патруля одно время даже бытовала шутка про круговорот археологов на Фронтире – некоторые знаменитые личности типа Рика Стражински попадались неоднократно, часто одному и тому же экипажу. В результате флотские и археологи чуть ли не дружили командами. Мнится мне, что подобное положение дел немыслимо без весомой поддержки сверху. Да и пиратов наверняка подкармливает кто-то из политической верхушки, не может такой инструмент влияния без хозяина обойтись. Ладно, не о них сейчас речь.

Мысли вновь завертелись вокруг предстоящего задания. Интересно, почему цветущую планету земного типа называли Ахероном? С чем ассоциировалось у первооткрывателей это не самое веселое название? Обнаружили на шарике нечто ужасное? Вряд ли мне кто-то ответит, придется выяснять самому. Равно как и выживать в незнакомых условиях. Не готов я к подобному, все-таки я флотский офицер-силовик, а не ученый. И уж тем более не сорвиголова из корпуса Егерей. Утомленный абстрактными размышлениями, я незаметно для себя уснул.

*Система Вольф-1061, планета Бурная, база космофлота «Северная»
22 февраля 2535 года*

Весь следующий день я провел в хлопотах. Пока передал дела в отряде заместителю, пока прибрал кубрик, разобрался с текучкой – подошел обед. А после обеда меня нашел давешний лейтенант-безопасник, напарник Калинина, и пригласил на склад получать снаряжение. В обиходе мы обычно использовали более емкое название данного заведения – каптерка.

Каптерка представляла собой внушительный ангар, разделенный внутренними перегородками на несколько отсеков-«лабазов». В одном хранилось тяжелое пехотное вооружение, в другом – броня и обмундирование, в третьем – средства связи и прочие электронные приблуды. Четвертый «лабаз» отводился под контейнеры с ручным оружием и боеприпасами, а пятый совмещал ремонтную мастерскую и «примерочную» – искомое помещение для подбора и подгонки снаряжения. На месте нас дожидались остальные бравые разведчики. Компанию им составлял пожилой старший прапорщик из наземного персонала базы. Прапор был местным владыкой вся лабаза, и именно у него нам предстояло разжиться снарягой.

Местного завскладом я прекрасно знал – имел возможность познакомиться за несколько лет службы. Звали прапора Леонтий Палыч Скупой, и он полностью соответствовал своей «говорящей» фамилии.

– Здравия желаю, – вежливо поздоровался я с присутствующими.

Те отреагировали вяло, только Палыч пожал руку как старому знакомому и ехидно хмыкнул:

– Опять разорять пришел, ирод!

– Побойся Бога, Палыч, когда я тебя разорял? – ушел я в глухой отказ.

– Кхе-кхе... Товарищи офицеры, минуточку внимания! – вклинился в разговор безопасник. – Я старший лейтенант Офиногенов, управление «Космос» СБФ. Отвечаю за техническую сторону подготовки операции. Сейчас я познакомлю вас с некоторыми особенностями снаряжения, которое вам предстоит использовать при выполнении задачи. Прошу за мной.

Вслед за Офиногеновым мы прошли к закрытому стеллажу высотой в рост человека. Лейтенант провел электронным ключом по замку, и двери-жалюзи разъехались, явив нашим взорам ниши с бронекомбедами. На первый взгляд ничего особенного, стандартная защита класса А. Костюмов примелькавшегося темно-серого цвета в наличии оказалось ровно два, что наводило на размышления.

– Начнем со снаряжения лейтенанта Котова и мичмана Алексева, – объявил Офиногенов. – Как вы можете видеть, это скафандр А-класса. Он позволяет носителю находиться в безвоздушном пространстве до пяти часов. Особенностью данной модели является увеличенный ресурс патронов-регенераторов, а также повышенная емкость энергоблоков, что в совокупности позволит действовать в условиях отсутствия атмосферы в течение десяти часов. Также в шлемы встроены передатчики, способные установить кодированную связь на расстояние до одной астрономической единицы. Скафандры оснащены экзоскелетом и легким антигравом. Задача группы известна: проникнуть через грузовой масс-терминал на территорию планетарной верфи Мьёллнра. Вместе с людьми будет отправлено спецоборудование, при помощи которого необходимо восстановить энергоснабжение и обеспечить герметичность одного из отсеков промышленного комплекса с последующим развертыванием временной базы. Терминал верфи высокой грузоподъемности, поэтому планируется переброска персонала и двух контейнеров с припасами одним рейсом. Более подробно задачи будут доведены непосредственно перед отправлением. Остальное оснащение и вооружение стандартное флотское, получите у прапорщика Скупого. Вопросы?

– Никак нет! – отчеканил лейтенант Котов, а мичман помотал головой.

– Вот и замечательно. Тогда можете приступать к подгонке снаряжения. А мы, товарищи офицеры, пойдем дальше.

Безопасник провел нас в противоположный конец «лабаза», в небольшой закуток, отделенный от прочих помещений пластиковой перегородкой.

– Ваше снаряжение, товарищи офицеры. – Лейтенант жестом волшебника указал на длинный стол, заваленный разнообразным шмотьем. – Как видите, ничего особенного, стандартная десантная оснастка. Тип камуфляжа соответствует местности, в которой предстоит действовать. По крайней мере, мы надеемся, что за сто лет на планете климатические пояса местами не поменялись. Особенности снаряжения заключаются в наличии в шлемах мощных передатчиков-декодеров, при помощи которых вы сможете связаться друг с другом, а также с группой на Мьёллнре. Коды доступа содержатся в баллистическом компьютере костюма. Кроме того, в него интегрирована навигационная система с картами всей планеты. Само собой, карты довоенные, современный Ахерон мог до неузнаваемости измениться. Плюс в забрало шлема встроена постоянно функционирующая микрокамера, записи сохраняются в специальном инфоблоке, вот он на поясе. Постарайтесь не потерять, все добытые вами сведения будут иметь большое значение. К сожалению, следить за происходящим в реальном времени у нас нет возможности, поэтому позаботьтесь о сохранности регистрирующего оборудования. Мы не можем предположить даже приблизительно, сколько времени вам предстоит действовать автономно, поэтому придется взять с собой тройной запас энергоблоков. С оружием определяйтесь сами, исходя из личных предпочтений, – завершил лейтенант спич. – Если нет вопросов, можете приступать к подгонке. Все недостающее получите у прапорщика Скупого. А мне бежать нужно, дела, знаете ли.

Мы все трое не сговариваясь подошли к столу со снарягой. Перепутать комплекты было проблематично, благо размеры у всех значительно отличались, так что я последовал примеру

соратников, и, скинув повседневный комбинезон и ботинки, принялся облачаться в обновку. Камуфляжный костюм из усиленной металлокерамической ткани со встроенным экзоскелетом состоял из усеянных карманами куртки на молнии под горло и штанов. Кстати, заметил, что у Десанта в полевой форме никогда не используются собственно комбинезоны, хотя ее и называют так. Причина проста: попробуйте походить в комбезе несколько дней кряду, да еще увешанные кучей прибабасов. Посмотрим, насколько удобно вам будет справлять естественные надобности. Костюм, как и любая полевая форма, был слегка мешковат, брюки с широкими штанинами, но при этом не стесняющие движений. В комплекте шли десантные ботинки с высоким берцем и самозатягивающимися застежками, изготовленные из какого-то неубиваемого синтетического материала, с металлизированными подошвами. В таких можно в лужу концентрированной серной кислоты залезть, и ничего им за это не будет. К тому же они являлись составной частью экзоскелета. При этом что костюм, что ботинки удивительно легкие. Под внешний усиленный камуфляж обычно поддевалось специальное термобелье, утилизирующее пот и нейтрализующее запах. Еще одним несомненным плюсом являлась возможность регулировать теплообмен с окружающей средой, добиваясь комфортной температуры тела. Вещь просто незаменимая, особенно при длительных переходах либо марш-бросках.

Дополнялось снаряжение бравого десантника композитными наколенниками и налокотниками, которые интегрировались в экзоскелет костюма и служили в нем суставами. Плюс боевые перчатки, пояс с энергоблоками и медицинским комплексом, а также наплечники, которые в активированном состоянии вкупе со шнурами экзоусилителей, протянутыми вдоль рук, ног и по бокам тела, образовывали силовой каркас. Связующим звеном между усилителями в куртке и штанах являлся пояс. Управлялась эта конструкция баллистическим компьютером, встроенным в шлем.

Тело десантника обычно защищает легкий бронежилет, а глухой сферический шлем довершает композицию. Поверх бронежилета надевается модульная подвесная система, на которую навьючивается боекомплект. В шлем встроены воздушный фильтр и патроны-регенераторы, так что при нужде можно и под водой просидеть какое-то время. Активированный боевой костюм полностью закрывает бойца, образуя герметичный кокон, и не оставляет ни одного кусочка незащищенной кожи. Еще в активированном состоянии включается защитное силовое поле, генератор которого встроен в пояс. При наличии достаточного запаса энергии костюм в боевом режиме держит удары десятиграммовых автоматных пуль, разогнанных магнитными полями до бешеных скоростей в три-четыре тысячи метров в секунду, и при этом частично гасит кинетическую энергию удара, что дает подставившемуся под выстрел балбесу шанс выжить. Экзоскелет позволяет вдвое увеличить мышечное усилие бойца.

Облачившись в комплект, я полюбовался собственным отражением в зеркале. Зрелище оказалось забавным, не привык я себя ощущать этакой пятнистой гориллой, флотское снаряжение обычно однотонное темное. А тут даже шлем в зеленых пятнах (только забрало матово-черное), и берцы у ботинок камуфлированные.

– А чего это у шмоток цвет такой странный? – бросил я в пространство, на ответ в общем-то и не надеясь.

– Нормальный цвет, правильный, – подал голос капитан Гречко. – «Выцветшая флора» называется. Считаю, на все случаи жизни подходит, особенно если местной растительности сверху навешать. И в городе не сильно в глаза бросается. Для нас лучше не придумаешь.

Ну да, тут он прав. В автономке с включенным «хамелеоном» не побегаешь, энергозапас не вечен. А основам маскировки я обучен, придумаю что-нибудь на месте.

С обмундированием все ясно. Для полного счастья нужно получить у Скупого пару комплектов нижнего белья с носками, да на всякий пожарный полевую форму: вдруг придется отдыхать в приемлемых условиях, в деревне какой-нибудь, а там боевой костюм будет явно не к месту.

Осталось определиться с оружием и боекомплект. Для начала неплохо бы узнать, в какой местности предполагается действовать будущему посланцу Федерации на землях Норд-ланда. Проблему решил элементарно – активировал боевой режим костюма и спроецировал на внутреннюю поверхность забрала трехмерную карту Базы-7, как, оказывается, официально назывался пункт моего назначения на планете Ахерон. Центральная часть материка, лесостепная зона – типичная картина русской средней полосы: ровные поля перемежались листовыми массивами, изредка попадались мелкие речушки, почти ручьи, и небольшие озера, обрамленные кольцом деревьев, поразительно похожих на ивы. Никогда не думал, что в баллистический компьютер боевого костюма можно запихнуть такую прорву данных – в интерактивной карте были даже довоенные фотографии местности. Сама база располагалась на обширном поле, имела форму вытянутого с севера на юг прямоугольника километров десяти длиной и чуть более пяти шириной. С трех сторон взлетная полоса окружена заросшими лесом высотками, на которых наверняка в свое время располагались зенитные батареи. Лишь с юга имелся относительно удобный доступ на территорию по широкой асфальтированной дороге. С этой же стороны располагались гарнизонные корпуса с КПП и солидные оборонительные сооружения. Трудно сказать, какая часть инфраструктуры сохранилась до наших дней, но, судя по наличию функционирующего телепорта, как минимум один из ангаров-складов на северной стороне уцелел. Ладно, на месте видно будет.

Укрупнив масштаб и пробежавшись глазами по окрестностям, я выяснил, что похожая местность тянулась во всех направлениях километров на сто пятьдесят – двести, и только после полигона, официально именовавшегося, как это ни смешно, Полигон-1, переходила в дремучие листовые леса, кое-где пересекавшиеся нитями дорог. Город Чернореченск со всех сторон окружен чуть ли не дикой пущей, которая уступала людскому напору лишь вблизи пригородов. Сто лет назад город имел население около двухсот тысяч человек, в нем располагалось несколько серьезных производств типа нефтеперерабатывающего завода и ремонтной базы истребительных сил планетарного базирования, а промзона занимала едва ли не половину городской территории. Хотя по тем временам городок не особенно крупный, да и военных объектов, кроме рембазы, в нем не было. Вряд ли он стоял на первых местах в списке орбитальных ударов, а потому мог частично сохраниться. Деактивировав карту, я снял шлем и задумался. Местность не самая легкая, однако бывало и хуже. Стоит серьезно отнестись к подбору вооружения и дополнительной экипировки.

Начал со снаряжения. В качестве основного холодного оружия выбрал стандартное армейское мачете с сорокасантиметровым прямым клинком, предназначенное для прорубания проходов в джунглях. В полый трубку рукояти содержался любопытный набор мелочей, как то: зажигалка, моток лески, крючки, нитки, игла – в общем, стандартный комплект для выживания. Весьма полезная штука – шест вырубить, дрова опять же заготавливать удобно, да и как оружие ближнего боя не худший вариант. Ножны пустил вдоль левого бедра, закрепив на два ремня. Мачете расположил режущей кромкой по ходу движения, чтобы относительно удобно было доставать правой рукой. Примерился, пару раз выхватил и вернул на законное место – вроде терпимо, хотя и довольно медленно. Но это не принципиально. Кусты и дрова от меня никуда не убегают, а в бою, буде возникнет такая надобность, я гораздо быстрее извлеку и использую по назначению штатный боевой нож «стерх» – обоюдоострый, с удобной обрезиненной рукояткой и темным покрытием клинка, чтоб не бликовал. Расположил я его на груди, прицепив ножны к соответствующим креплениям на «разгрузке», рукояткой вниз – предпочитаю нож в правой руке прямым хватом. Люблю тычковые удары на контратаках.

Теперь рюкзак. Стандартный десантный, повышенной емкости, со встроенным бурдюком для воды. В нем разместятся запасное белье, полевая форма, средства гигиены, сухой паек на пять дней, пищевые концентраты, а также дополнительный комплект унитаров в пачках. Слева сбоку прицепим малую саперную лопату – вещь во многих случаях незаменимую. Здесь же

разместим смотанный в бухту двадцатиметровый тонкий трос. Компактный подъемник займет законное место в гнезде на поясе. В карман на левом бедре – комплект инструментов для ремонта снаряжения в полевых условиях. Сюда же ЗиП к наладоннику. Еще кое-какую мелочовку типа индивидуального перевязочного пакета, дезинфицирующих салфеток и таблеток на все случаи жизни рассуем по мелким карманам на рукавах и груди. В правый набедренный карман идеально вписался комп-наладонник – друг и товарищ, без которого я не мыслил жизни. Нужно будет вечером загнать в него всю имеющуюся информацию по Ахерону, чисто на всякий пожарный.

Взгромоздив рюкзак на спину, я подтянул лямки и нажал кнопку активации. Мой переносной склад за мгновение интегрировался в боевой костюм: крепления с легким щелчком утонули в защелках, а трубка от бурдюка проросла в горло комбеза, объединившись с его системой жизнеобеспечения. Теперь даже в полностью задраенном обмундировании я в любой момент мог глотнуть воды либо тоника на выбор, не отвлекаясь на дополнительные действия. Удобно. Попрыгал на месте, прислушиваясь. Вроде ничего не гремит, что не может не радовать, однако основная часть груза на меня еще не навьючена. Не снимая рюкзака, я прошествовал в секцию вооружения.

Здесь заправлял другой прапор – Серега Акимов, с которым я был на короткой ноге. Он меня уважал и выделял среди других офицеров за глубокое знание оружия, а также за умение в боевых условиях реанимировать самый безнадежный ствол. Ничего удивительного в данной способности не было – технический вуз и два года службы главным оружейником штурмового отряда и не такому научат. К тому же я то и дело захаживал к Акимову по вопросам снабжения отряда, а так как отряд был действующим, то боеприпасов и принадлежностей мне требовалось много и часто. На этой почве мы с Серегой и сошлись.

– Здражлатцкаплеит! – поздоровался он, едва я зашел в помещение. – Что, опять твои дармоеды все унитары по черным археологам высадили?

– Черных археологов мы бьем прикладом по хребту, – ответил я на подначку. – Не хватало еще на них боекомплект жечь!

– Варвары... – притворно огорчился прапор. – Вам бы все по хребту. А может, они приличные люди и к такому обращению не привыкли. Нет бы просто пристрелить, чтоб без мучений...

– Добрый ты, Сережа. – Я по-хозяйски уселся на Серегин рабочий стол. – На дело иду, в автономку. Надо боекомплект подобрать.

– Примерный круг задач? – моментально подобрался Акимов.

Специалист он хороший и к делу относился ответственно, без приколов.

– Один на землеподобной планете, предположительно дружественное население, лесостепная и степная местность типа средней полосы. Зверье соответствующее. Наличие дополнительных пунктов боепитания весьма сомнительно.

– Стволы?

– Думаю стандартные взять, не буду изобретать велосипед.

– Чудненько, – ввернул любимое словечко Серега и зарылся в шкаф с боеприпасами. – Я думаю, надо тебе в основном УС затариваться. Пару пачек УУ и пару магазинов к автомату снарядить. УОД вряд ли тебе пригодятся, по кораблям шариться ты вроде не собираешься. К пистолету бери пятьдесят на пятьдесят УУ и УОДов, стандарт не бери. С УУшками ты в случае чего не хуже чем из автомата пальнешь, а для ближнего боя в помещении УОДы.

Помявшись для виду, я все же решил согласиться с Серединой точкой зрения. УС – это «унитар стандартный», то бишь безгильзовый патрон в виде пули, объединенной с энергобатареей. Такой боеприпас использовался для стрельбы из оружия на основе эффекта Гаусса. Выпущенный из автомата стандартный унитар прошибал около пяти сантиметров стали или пару сантиметров композитной брони, обеспечивал прицельную дальность до километра,

высокий темп стрельбы и приемлемую кучность, несмотря на незначительную массу – всего десять граммов. Пистолетный УУ – «унитар усиленный» – лишь чуть уступал автоматному УС по основным показателям, тогда как стандартный пистолетный унитар уже вдвое слабее. Нечего им затариваться. Рюкзак с «разгрузкой» не резиновые, лучше автоматных боеприпасов взять больше.

Минимум автоматных УУ – они на десять граммов тяжелее, с урановым сердечником и повышенным энергозарядом, потому и вылетают из ствола с большей скоростью, летят дальше и попадают точнее. Но от них отдача удвоенная, очередями особо не постреляешь. Нужны будут, когда кого-нибудь издали снять понадобится. Ну и УОД – унитары «увеличенного оставляющего действия» – для пистолета в самый раз: они при выстреле раскрываются тремя лепестками, обнажая тупой стальной сердечник. Удар такой пулей слона с ног сшибает, человека в бронежилете и с силовым полем отбрасывает на несколько метров, а незащищенного вовсе рвет на куски. По здравом размышлении дробовик решил не брать, и так уже немерено на меня навьючено.

– С гранатами что посоветуешь?

– Бери пару десятков оборонительных ВОГов, – предложил Серега. – Из подствольника если палишь, то на значительную дистанцию, так что осколков можно не жалеть. Пяток ручных гранат, наступательных, и будет чудненько.

– Добро, – согласился я. – Сам примерно так и предполагал. Только ты мне еще пару брусков «симплекса» дай, да взрывателей дистанционных десятков.

– Вот, – принялся выкладывать передо мной боеприпасы прапор, – как заказывал. Два бэка к автомату: восемь магазинов УС, два магазина УУ, четыреста УэСок и восемьдесят УУшек в пачках. К пистолету четыре магазина УУ, четыре магазина УОДов, двести патронов обоих видов в пачках, поровну. ВОГи для подствольника, оборонительные осколочные – двадцать штук в лентах. Пять ручных наступательных гранат ГРН-3. Два бруска пластичной взрывчатки типа «симплекс», десять дистанционных детонаторов. Спрей нужен?

– Давай баллончик, пригодится.

Хорошая штука спрей – однородная смесь «симплекса» с жидким наполнителем. Распылил на какую-либо поверхность, приляпал детонатор, одно нажатие кнопки – и препятствие испарилось без шума и пыли. Идеальное средство для вскрытия дверей и люков.

– Получите, распишитесь.

Я рассовал магазины по карманам «разгрузки», подвесил гранаты к поясу, а ВОГи затолкал в специальный подсумок. Скинул рюкзак, сложил патроны в пачках, туда же закинул баллончик со спреем. И ощутил себя выучным животным – только боекомплекта на мне было больше двадцати кило. Вся надежда на экзоскелет, своими силами, если на марше, и не сдюжить. Вроде как все. Личное оружие в кубрике в сейфе хранится, мне как офицеру положено.

– Бывай, Серега! – попрощался я и с кряхтением взвалил на плечо разом потяжелевший рюкзак.

– Смотри, не надорвись, – позлорадствовал в ответ прапор.

Собственно, сборы можно считать законченными. Офиногенов относительно дальнейших планов ничего не сказал, поэтому я прошел в «предбанник» и сгрузил добытое снаряжение в персональный шкаф. Все равно завтра мимо не пройду, а в кубрике все это добро хранить опасно. Скинул заодно и боевой комбез, переодевшись в повседневный синтетический, да и ботинки старые обул. Нахлобучил на голову пилотку. Наладонник не забыл переместить в правый набедренный карман – традиционное его место. Тут и боевые товарищи нарисовались, снова облаченные в полевой камуфляж, судя по лицам, весьма довольные посещением прапорщика Акимова. Они незамедлительно последовали моему примеру, заняв два соседних шкафчика.

– Капитан, какие планы на вечер? – поинтересовался вдруг Гречко.

– Да ничего особенного не планировал. Оружие приготовлю и спать завалюсь, – честно признался я.

– Есть предложение, и не только мое, посетить вечером офицерский клуб, отдохнуть перед выходом. – Гречко кивнул на старшего лейтенанта. – Матвеев тоже идет. Котов вроде как согласен, а мичмана и спрашивать не надо – правильный мужик, жизнь тонко чувствует.

– В принципе, я не против. Во сколько?

– В восемь, в «Эполете».

Кто бы сомневался. Офицерский клуб на базе один.

– Заметано.

* * *

Кубрик на базе мне, как командиру штурмового отряда целого фрегата, полагался индивидуальный (в отличие от борта, где я делил жилище со своим заместителем, Мишкой Ивановым, жизнерадостным старшим лейтенантом). Комнатушка три на четыре метра, отделенная от коридора небольшим тамбуром, зато с окном, нормальной койкой, рабочим столом с информсистемой и стеной-экраном. В углу втиснут встроенный шкаф с отделением для обмундирования и оружейным сейфом. Посреди комнаты кресло на колесиках, которое я вечно задевал. Еще один несомненный плюс – наличие крошечного индивидуального санузла, объединенного с душевой кабиной. Хочешь – справляй естественные надобности, хочешь – мойся. Как ни крути, это лучше, чем общие удобства, размещенные в конце коридора.

Оказавшись в родных стенах, первым делом подключился к Сети, законнектил с информсистемой наладонник и поставил на закачку массив информации по Ахерону, который, как выяснилось, подготовили предусмотрительные безопасники. Офиногенов доступ к инфе открыл по первому требованию, сэконобив мне приличное количество времени и нервов, а посему воздадим хвалу мудрости и дальновидности начальства, да не поразит его запор. Потом посредством электронного ключа вскрыл шкаф и извлек на свет божий стандартный оружейный кофр цвета металлик. Откинув крышку, полюбовался содержимым. В кофре я хранил личное оружие: штатный автомат системы Михайлова АМ-2515 «Вихрь» и автоматический пистолет конструкции Сергеева АПС-17 в набедренной кобуре.

Вот уже более трехсот лет в индивидуальном ручном оружии используется принцип Гаусса – пуля в стволе приводится в движение не энергией пороховых газов, а магнитными полями, как в ускорителях частиц. Подобный тип вооружения превосходит огнестрельное большей убойностью и точностью, а различные виды энергетического – относительно малым энергопотреблением и сложностью изготовления защитных средств. Любой энергетический заряд, будь то лазерный луч, электрический разряд или стужок плазмы, обрушивает всю мощь на первое же встретившееся препятствие, стремительно теряя в убойной силе. Грубо говоря, запреградное действие таких систем стремится к нулю. Разогнанный же до бешеных скоростей магнитными полями кусочек металла с легкостью прошивает что пластик, что композиты, что сталь, не говоря уже про незащищенное человеческое тело. Лазер, в принципе, теоретически тоже может пробить любое препятствие, но тут все упирается в мощность излучения и время воздействия. Всю вторую половину XXI века военные ведомства разных стран пытались разработать ручное лазерное оружие, но результаты этих попыток так и остались на уровне опытных партий и в серию не пошли. «Бластерам» или не хватало мощности, или они получались слишком громоздкими для индивидуального применения.

Замену им быстро нашли в виде гауссовок. Первоначально они были гладкоствольными и стреляли металлическими шариками, которые разгонялись магнитными ускорителями, кольцом охватывавшими ствол оружия. Питание ускорителей осуществлялось отдельной батареей. После выстрела приходилось ждать восстановления заряда в конденсаторах магнитной

системы, поэтому скорострельность оставляла желать лучшего и была на уровне винтовки с продольно-скользящим затвором. К тому же оружие отличалось сильной отдачей. Об автоматическом огне речь даже не шла. В середине XXII века русский конструктор Петр Иванович Кирилленко предложил использовать в качестве боеприпаса унитар – объединенные в одно целое заостренную пулю и индивидуальный конденсатор, содержащий энергию ровно на один выстрел. Идею удалось реализовать на практике: винтовка Гаусса, оснащенная механизмом подачи боеприпасов, как в легендарных автоматах прошлого, позволяла вести непрерывный огонь. С отдачей справились, сделав ствол нарезным и подвесив его в магнитных опорах – при выстреле часть энергии унитара затрачивалась на нейтрализацию импульса ствола, который по всем законам физики в момент вылета из него пули стремился переместиться в противоположном направлении, а вращение пули в нарезах придавало ему крутящий момент. Это комплексное движение использовалось для привода автоматики. Также стандартным стал приклад с гидрокompенсатором по типу накатника древних артиллерийских орудий. Такая схема индивидуального автоматического оружия прижилась и уже почти двести лет не подвергалась изменениям. Совершенствовались боеприпасы, магнитный контур, но не компоновка и принцип действия.

Сходное со старинными пороховыми автоматами устройство породило подобие в эргономике и дизайне. Лежавший передо мной «вихрь», созданный совсем недавно, всего пару десятков лет назад, внешне мало отличался от разработок начала двадцать первого века. Калибр, правда, больше – 11,5 мм, и пуля вкупе с конденсатором весила целых десять граммов. Отсутствие механических прицельных приспособлений компенсировалось компьютерной системой наведения, интегрированной в шлем боевого костюма, а при ее отключении использовался съемный коллиматорный прицел. Питание автомата осуществлялось из традиционного тридцатизарядного отъемного магазина. Конструкция предусматривала три типа огня: одиночными, короткими очередями с отсечкой после третьего выстрела и полностью автоматический режим. Несмотря на относительную сложность конструкции магнитного контура, автомат отличался высокой надежностью и неприхотливостью в эксплуатации, за что, собственно, и был принят на вооружение. Мой экземпляр еще был оснащен двадцатипятимиллиметровым подствольным гранатометом, а в ЗиПе хранился десятикратный оптический прицел – сделали мне его по индивидуальному заказу, чисто на всякий случай.

В качестве вспомогательного оружия я предпочитал АПС-17, двадцатизарядный автоматический пистолет калибра 9 мм. Хороший, мощный и надежный, разве что очередями из него стрелять все же не рекомендовалось – отдача уводила ствол влево-вверх. Лучше одиночными, в самозарядном режиме, или, если совсем припечет, сдвоенными – «дабл тап» очень эффективен в ближнем бою. К тому же именно под этот режим оптимизирована программа наведения баллистического компа.

Несомненным достоинством современного личного оружия являлась его низкая шумность: отсутствовали грохот от сгорания пороха и лязг металлических деталей. Акустическое воздействие осталось только от резкого заполнения канала ствола воздухом через сверления по мере перемещения и вылета пули, что напоминало не слишком громкий хлопок в ладоши.

Оружие, неоднократно побывавшее в деле, доказавшее свою надежность. Будем надеяться, что не подведет и впредь. А посему еще раз осмотреть, протереть и вернуть в шкаф.

Запиликал наладонник, извещая об окончании закачки. Устроившись в кресле перед стеной-дисплеем, я отсоединил КПК от информсистемы, спрятал в набедренный карман и обратил внимание на значок нового сообщения в командной строке. Занятно... Кто бы это мог быть? Развернул окно icq-клиента, увидел знакомый ник – Freya, и прочитал сообщение следующего содержания: «Тарасoff, до меня дошли слухи, что ты нас покидаешь на неопределенный срок. Давай встретимся и урегулируем некоторые вопросы интимного свойства:)».

Тарасoff: «Когда и где?»

Грега: «Жди меня в “Эполете” около десяти вечера».

Абонент разорвал связь, оставив меня в легком недоумении. Чего это она удумала? Место и время вполне приемлемы – в восемь там же намечено распитие спиртных напитков с новыми коллегами. Так что я не стал терзаться лишними раздумьями и завалился спать, поставив будильник на полвосьмого.

* * *

В «Эполет» я появился без пяти восемь, но, как выяснилось, опоздал. Все четверо новых сослуживцев уже сидели за столиком в дальнем от входа углу. Впрочем, опоздал не сильно: красовавшаяся на столе бутылка водки «Гвардейская» еще не вскрыта, а из закусок присутствовали лишь тарелки с консервированной мясной нарезкой и столь же консервированными огурчиками.

– О, Тарасов! Присаживайся, только тебя и ждем, – поприветствовал меня верховодивший за столом Гречко.

Хваткий мужик, ничего не скажешь.

Я уселся на единственный свободный стул – что характерно, спиной к входу, что меня несколько нервировало, – и пододвинул стопку из небьющегося стекла.

– Наливайте, что ли...

Следующие два часа незаметно пролетели под чинную беседу на вечные армейские темы – кто, где и с кем служил, в каких передрягах побывал, чем планирует заняться после армии – с неизбежным переходом на незамысловатые философствования о смысле бытия. Сопровождалось оное действие неторопливым потреблением крепких спиртных напитков под горячее – шашлык из свинок, выращенных на подсобном хозяйстве базы.

Выяснилось, что у капитана Гречко схожая с моей судьба: гражданский вуз, военная кафедра, срочная служба, потом контракт и переход в Десант. Только родился и вырос он не на Земле, как я, а на старейшей колонии – планете Артемида в системе Вольф-359. Климат на ней посуровее, да и сила тяжести слегка превышает стандартную, что и отразилось на внешности капитана. Он уже больше десяти лет женат, имеет двоих сыновей, а последним местом службы была как раз родная Артемида, откуда подразделения Пятой гвардейской убывали в боевые командировки по всему Приграничью. В общем, и пороху понюхал бравый капитан, и жизнь повидал.

Старший лейтенант Матвеев, сослуживец Гречко, наоборот, был профессиональным военным. Окончил Академию СБ по программе рейнджера, но попал не в силовые подразделения СБФ, а в действующие войска, в артиллерийскую разведку. Надо полагать, немалую роль в этом сыграло его происхождение – родился и вырос он на планете Фергюссон в системе Росс-614. Почти вся ее поверхность была занята одним большим континентом с ровными, как стол, пространствами: экваториальные саванны сменялись степями средней полосы, которые плавно переходили в тундру в окрестностях полюсов. Лесов было мало, практически все они представляли собой мелкие перелески либо обширные заросли кустарников, типа южноафриканских бушей. С детства увлекавшийся охотой Матвеев в таких условиях превратился в неутомимого ходока, способного преодолеть немыслимые для обычных военнослужащих расстояния. Миниатюрный, сухой и жилистый, он обладал удивительной выносливостью. Семью еще не завел, хотя кандидатура имелась.

Единственный среди нас представитель Службы безопасности – лейтенант Котов – как оказалось, два года назад выпустился из Академии СБ, где обучался по программе подготовки полевого агента. Не ошибся я в нем – с этого факультета те еще волкодавы выходят. Хотя служил почему-то в «Вымпеле», антитеррористическом спецназе, а не в «поле». Родился и

вырос на Земле, в Костромской области. Семей не обременен – молод еще. А так родители и сестра в Костроме.

Больше всех запомнился мичман Алексеев. Родом с Брода – суровой планеты в системе эпсилон Эридана. На ней самым комфортным для жизни являлся экваториальный пояс, очень схожий с Сибирью. Такие же суровые зимы, короткое лето, необъятная тайга – здешние деревья напоминали земные хвойные породы. Мир неприветливый, требующий полного напряжения сил для выживания. И народ соответствующий: упертый, кряжистый и хозяйственный. Вот и вырос Петр Кузьмич Алексеев, потомственный охотник, целеустремленным, знающим себе цену мужиком. Окончил училище связи, а дальше попал под призыв и оказался в Технической службе Флота, где и провел последующие тридцать с лишним лет. За годы службы овладел профессией в совершенстве, благо натура соответствовала – если уж берешься за дело, то доводи его до конца. Офицером не стал только ввиду отсутствия высшего образования, о чем не очень печалился. Жизнь принимал такой, какая она есть, не терпел излишней суеты и был – самую чуточку – философом.

– Жизнь, ребята, такая стерва, – неторопливо вещал он, поигрывая стопкой, – что всегда найдет куда тебя кунуть. Неважно, плывешь ли ты по течению или из кожи вон выпрыгиваешь, чтобы изменить свою судьбу. Вот, допустим, живет человек, активно участвует в общественной деятельности, планы строит, рвется наверх изо всех сил, видит себя если не президентом Федерации, то уж сенатором точно – а тут раз, и влетел в аварию на личном авто, что характерно, со смертельным исходом. И осталась после него куча едва начатых дел, а ничего толком завершить он в свои тридцать не успел. И пропали все его усилия зря. Все потому, что взвалил на плечи слишком тяжелую ношу, не оценил силы собственные. А вот другой: вроде и не полный балбес, но вбил себе в башку, что все само собой обустроится, а потому и лежит целыми днями на диване. Ждет, когда соотечественники вспомнят, что есть такой, допустим, Сеня Жуков – алмаз негнанный, талант непризнанный. А сам и пальцем не шевелит, чтоб чего-то добиться. И доживает такой человечешко до ста лет. Умирает. А после него даже семьи не остается – лень ему в свое время было от дивана задницу оторвать, с девушками пообщаться. А все потому, что вовсе никакой ответственности на себя принимать не захотел, решил, что кто-то за него все сделает.

– Я это к чему все, ребята, – продолжил он после принятой стопки, – надо ценить и на все сто процентов использовать каждый прожитый миг. Любой человек ценен на своем месте. Работаешь ты на заводе – работай так, чтоб потом не было стыдно. Не прыгай, как кузнечик, с места на место. Не оставляй за собой хвост из неоконченных дел, и тогда, сколько бы ты ни прожил, после тебя останется добрая память. Пускай у одного человека, но она будет. И помянет он тебя не раз от чистого сердца. А нет памяти – считай, и не было человека. Для чего жил, зачем – не понятно.

– Я вот не боюсь смерти как таковой, – рассуждал он дальше, – хорошо пожил, достаточно сделал, семья, опять же, неплохая – и сын есть, и дочь, и даже внук намечается. А боюсь я подохнуть глупо, не поменяв жизнь свою на что-то стоящее – хотя бы на жизнь врага. Или на жизнь друга, если смерть моя поможет ему спастись и отомстить. Но в жизни всякое случается, бывает, кирпич на голову упадет, и готово, пожалте в деревянный полушубок! Никто от такого не застрахован. Потому бояться безносую глупо и бесполезно, надо относиться к ней как к мошеннице и быть готовым ее обмануть, как она нас обманывает. Цену настоящую когтями выцарапывать, зубами выгрызать. И не бояться ее, ни при каких обстоятельствах.

Самурай доморощенный, блин. Философ из глубинки. Хотя в чем-то прав, надо признать. Да и импонирует мне его подход к жизни – кремень-человек, сказал – сделал. Настоящий мужик. Такому собственную спину в бою можно доверить не задумываясь. А с другой стороны, упертый и упрямый до невозможности. Как с ним начальство ладит, ума не приложу.

Сидя со стопкой в руках, я наблюдал за сослуживцами и не устал удивляться профессионализму военных психологов: так точно подобрать исполнителей для нашей миссии надо умудриться. Насчет себя ничего не скажу, со стороны виднее, но вот остальные... Гречко и Матвеев при всей своей непохожести напоминали братьев-близнецов, которые даже мыслят одинаково. Разве что Гречко опытнее и мудрее. Мичман Алексеев служил идеальным противовесом для пылкого и излишне инициативного молодого лейтенанта Котова. Тот в свою очередь мог кипучей энергией расшевелить старшего товарища, что в некоторых обстоятельствах будет полезно. Эти задачу выполняют либо подохнут в процессе. Но не сдадутся и не вернутся побитыми собаками. А я, интересно, смогу так? Время покажет...

Сидевший напротив меня Гречко вдруг округлил глаза и вытянул губы трубочкой, как будто собирался присвистнуть. Но не успел – за спиной послышались легкие шаги, и на плечо мне легла узкая ладошка. Сослуживцы дружно вскочили с мест и отвесили галантный поклон.

Поднявшись со стула, я обернулся и встретился с ней взглядом. Бездонные синие глазища приковывали, манили и заставляли тонуть в них, забыв обо всем на свете. Банальные слова, но по-другому я свои мысли и чувства выразить не в силах. Над этими-то неделю думал, пока сформулировал внятно. Помню, как первый раз случайно пересекся с ней в диспетчерской. Это было как выстрел, как хук в челюсть, как адреналиновый выброс. Мы знакомы уже больше года, но каждая встреча как первая. Никак не могу привыкнуть к ее присутствию. Наверное, кто-то скажет: влюбился как мальчишка. И не стыдно, тридцатник мужику! Но это как раз тот случай, когда дела индейцев шерифа не интересуют. Мне плевать.

– Здравствуйте, товарищи офицеры! – поприветствовала она всех сразу. – Боюсь, мне придется лишить вас общества некоего капитан-лейтенанта.

Тут я вышел из ступора и решительно взял ситуацию в свои руки.

– Господа! – Легкий наклон головы. – Разрешите представить: Ольга Нефедова, лейтенант диспетчерской службы Флота. Капитан Гречко, старший лейтенант Матвеев, лейтенант Котов, мичман Алексеев.

Сослуживцы реагировали на присутствие Ольги так же, как и я когда-то, то есть пребывали в состоянии обалдения. Разве что мичман Алексеев хитро шурился – мол, молодец, не упускай такую краю.

Посмотреть действительно есть на что: небольшого роста стройная брюнетка с короткой – до плеч – стрижкой, пронзительными синими глазами и правильными чертами лица. Чуть вздернутый нос, чувственные губы, смуглая кожа... само совершенство. Лет двадцать пять на вид. Знойная женщина. Э-э-э... по крайней мере, в моем понимании.

Представьте мое состояние, когда она с месяц назад вдруг проявила ко мне интерес. Причем отнюдь не профессиональный, а как к мужчине. Началось все, правда, несколько ранее – примерно три месяца назад – с разговора во флотском чате. Меня привлекли высказывания девушки с ником Freya о счастье. Уж очень они отличались от обычного девичьего бреда о любви, второй половинке, семье и доме.

Freya: «Счастье – когда человек, которого ты провожаешь в путь, возвращается живым. Счастье – когда ты сообщаем окружающим, что он вернулся. Когда наблюдаешь за их лицами, видишь на них радость и радуешься сама от осознания того факта, что это ты доставила им это счастье. А еще большее счастье видеть лицо вернувшегося живым человека».

Тарасoff: «А как же любовь? Чувства? Романтика? Семья? Дом? Хм... ничего не забыл?»

Freya: «Глупости. Бред гражданских дурочек. На войне счастье вполне конкретно, и лично для меня оно такое. Я диспетчер».

Мы проболтали несколько часов, вечер незаметно перетек в ночь, а спать я лег под утро. Я тогда не знал, что Freya та самая девушка с синими глазами, что так запала в душу. Через два месяца она предложила пересечься в реале. Сюрприз удался на славу.

Потом она призналась, что сразу поняла по нику, кто ее собеседник. И постепенно заинтересовалась мной всерьез. Вот уже месяц мы встречаемся. У нас романтический период: прогулки по зоне отдыха, совместные посещения развлекательных мероприятий в «Эполете», поцелуи под местной луной, правда, в оранжерее – вне базы не очень-то пошатаешься, планету недаром называли Бурная. Процесс терраформирования только запущен, это лет через пятьдесят здесь будет более-менее приемлемый климат.

– Пойдем, – потянула она меня за руку.

– А может... посидите с нами немного? – отчаянно краснея, спросил оробевший Котов.

– Извините меня, но нам нужно обсудить кое-какие вопросы личного характера, – отрезала похитительница и потащила меня к выходу.

Мне не оставалось ничего иного, как виновато улыбнуться собутыльникам и направиться за ней. Хотя я и не сопротивлялся, если честно.

Ольга привела меня в оранжерею, на наше обычное место. Не представляю, как можно в таком крошечном искусственном садике отыскать укромный уголок, но ей это удалось. В самом дальнем углу, на стыке двух стен и крыши из прозрачного пластика, несколько земных туй, обвитых боллианскими лианами, образовали небольшой растительный грот. Здесь можно было с некоторым трудом усестись вдвоем, особенно если прижаться друг к другу. И кусок местного сурового неба в просвете крон. Сейчас как раз один из редких моментов, когда тучи разошлись и проступил рисунок звезд, неестественно ярких в еще только формирующейся атмосфере колонизируемого мира...

Устроившись на мягкой траве, я приобнял спутницу за плечи и принялся изучать созвездия над головой. В кои-то веки я не знал, что сказать. Ольга сидела обняв колени и о чем-то думала.

– До меня дошли слухи, что ты завтра уходишь... – произнесла она вскоре. – Мне кажется, мы так и не успели сделать нечто важное... Иди ко мне.

Бывают такие моменты, когда лучше подчиниться женщине. Она на инстинктивном уровне чувствует, что сейчас будет правильно, а что не очень, и умудряется не разрушить волшебное очарование таких мгновений неуклюжими попытками что-то сказать или предпринять. Я просто поддался ее порыву, и, ощутив вкус ее губ, прижал к себе разгоряченное тело.

Мы долго не могли оторваться друг от друга, но наконец Ольга устало выдохнула и уперлась мне в грудь ладошками, отстраняясь.

– Хватит здесь маячить, – сказала она, загадочно сверкнув глазами. – Пошли к тебе.

И потянула меня за руку к выходу из оранжереи.

Много позже мы лежали в обнимку в моей холостяцкой койке, тесно прижавшись друг к другу, и я тихо блаженствовал. Невыразимо приятно было ощущать бархатистость ее кожи, вдыхать запах волос, слушать биение ее сердца. Так вот, оказывается, какое оно – счастье...

– Помнишь наш первый разговор в сети? – вдруг спросила она.

– «Счастье – это когда человек, которого ты провожаешь в путь, возвращается живым», – процитировал я по памяти, зарывшись лицом в ее волосы.

– Да... Возвращается живым... Мой муж два года назад не вернулся. Я думала тогда, что не смогу дальше жить. Но теперь у меня есть ты... И я прошу тебя, нет, умоляю – вернись! Вернись живым! – сорвалась она на крик.

И замолчала, как будто перегорело что-то внутри.

– Я буду ждать... Ждать до конца, – прошептала она.

Мне показалось, или мне только что... А, не важно.

– Вернусь, обещаю, – кивнул я со всей возможной убедительностью.

И даже сам себе поверил. А почему бы и нет? У меня теперь такой мощный стимул...

Глава 2

Система Вольф-1061, планета Бурная, база космофлота «Северная»

23 февраля 2535 года

– Товарищи офицеры! Через десять минут начнем процедуру переброски, – известил нас лейтенант Офиногенов и склонился над громоздким пультом, соединенным толстенным кабелем с рамкой внутрисистемного грузового телепорта.

Я стоял и маялся в ожидании, загрузив мозги проверкой списка снаряжения. Вроде ничего не забыл, даже на всякий случай к «вихрю» тактический фонарь прицепил, а на пояс повесил флягу с коньяком – лишним не будет. Нервы, они ведь не железные. Рядом точно так же маялись полностью экипированные капитан Гречко и старший лейтенант Матвеев. Парни вчера допоздна засиделись в «Эполете» и сегодня страдали похмельем, но не настолько сильно, чтобы это угрожало заданию. В общем, нормальное для военного состояние. В руках Гречко сжимал аналогичный моему автомат, а из кобуры на правом боку торчала рукоятка мощного RugerPRO-7 калибра 11,5 мм. Матвеев в качестве основного оружия предпочел снайперскую винтовку «Кобра-М» под зверский четырнадцатимиллиметровый унитар. Отдача у нее будь здоров, не представляю, как миниатюрный старлей с ней управляется. Для ближнего боя у него был припасен компактный ПП «Викинг» калибром 9 мм, и стандартный АПС-17, благо боеприпас оба ствола потребляли одинаковый. Серьезно подготовились парни к походу, ничего не скажешь.

Вообще день двадцать третьего февраля начался буднично: никто не выдергивал нас из постелей, не орали сирены по всей базе, а суета в коридорах не превышала обычный свой уровень. И оркестра с толпой провожающих у входа в грузовой терминал не наблюдалось. Даже обидно как-то.

Я дисциплинированно поднялся по будильнику в восемь утра, поцеловал сладко спящую Ольгу. Привел себя в порядок, озаботился завтраком для двоих, оставив ее половину на подносе в кресле. Затем влез в повседневку и отправился на вещевой склад, загруженный оружейным кофром. Ольгу будить не стал, все самое важное сказано ночью, а затягивать прощание не хотелось.

На складе под присмотром прапорщика Скупого облачился в подогнанное вчера снаряжение, навьючился рюкзаком, увешался оружием и убыл в сторону грузового терминала. Здесь я столкнулся с сослуживцами в лице Гречко и Матвеева, а также с начальством числом двое: капитаном первого ранга Борщевским и подполковником Калинин. Офиногенов тут же колдовал над аппаратурой. Наручные часы показывали половину десятого утра. Нормально, отправка намечалась на десять ноль-ноль.

– Здравия желаю! – поздоровался я сразу со всеми.

– И тебе не кашлять, – буркнул Борщевский. Он у нас, когда в хорошем настроении, и пошутить может, но далеко не все его шутки можно назвать безобидными. – Скоро начнем уже, садись, не мельтеши.

И правда, рядом с рамкой телепорта нашлась парочка свободных стульев. Поэтому я не стал упрямствоваться и уселся на ближайший.

Кому-то может показаться, что у нас не военный объект, а чуть ли не гражданский порт – судя по бардаку и демократичному распорядку дня. Но это не так. Патрулирование ведется вахтовым методом: две недели в пространстве, в консервной банке фрегата, потом две недели на базе. Пребывание на базе, хотя и считается отдыхом, является неотъемлемой частью службы. Потому и дисциплина среди личного состава поддерживается строгая, и распорядок выполняется неукоснительно. Просто по сравнению с рядовым и младшим командным составом, оби-

тающим в казармах, офицеры во внеслужебное время обладают куда большей свободой. Это как на работу в офис, например, ходить – отбыл с восьми до пяти и свободен. В будни офицер Морской пехоты вместе с бойцами занимается учебой, тренировками и подготовкой оружия и снаряжения. Охрану базы несут специально для этого предназначенные подразделения, так что выполнять не свойственные задачи нам не приходится. Плюс персональное распоряжение коменданта базы отдыхать до отправки. Так и получилось, что последние два дня я был занят блаженным ничегонеделанием. Ну, почти, если не считать брифинги и посещения вещевого склада. Ах да, забыл, еще в медблок пришлось заглянуть, на прививки. И вот «час X» практически наступил.

Подполковник Калинин поднялся со стула и окинул нас сосредоточенным взглядом:

– Товарищи офицеры! Заключительный инструктаж никто не отменял. Ваша задача – проникнуть на планету Ахерон и провести первичную разведку. Задача-минимум – разведать пункт назначения и ближайшие окрестности. Постараться вывести телепортационное оборудование из режима «сна», подключить источник энергии. Тогда мы сможем организовать более устойчивый и менее энергоемкий канал для вашего возвращения. Если этого сделать не удастся, вам необходимо установить связь с группой на Мьёллнуре. Котов и Алексеев благополучно совершили переход два часа назад. В их задачу помимо активации маяка для приема разведывательного крейсера входит и ваша техническая поддержка. Задача-максимум – вступить в контакт с местным населением и собрать как можно больше сведений о текущих делах в системе. Приоритетным также является проникновение в базы данных военных объектов, если таковые сохранились. Любые сведения о положении на момент начала конфликта с легорийцами обладают высочайшей ценностью, особенно места базирования кораблей флота, а также боевые приказы первых часов войны. Более всего нас интересует местонахождение экспериментальных крейсеров «Гордый» и «Персей» или любые, повторяю, любые сведения об их судьбе. Связь с базой будете держать через группу на Мьёллнуре, с вероятностью более семидесяти процентов им удастся в ближайшее время наладить стабильный канал переброски. Также каждый седьмой день в 13.00 по федеральному времени мы будем открывать канал для старшего лейтенанта Матвеева, в 13.10 для капитана Гречко, а в 13.20 для капитан-лейтенанта Тарасова. В активном состоянии каналы будут держаться в течение пяти минут. Это основной путь эвакуации. Чаше осуществлять связь посредством телепорта не представляется возможным. Шесть суток – минимальное время для пополнения энергозапаса. Вопросы? Вопросов нет, – закончил речь Калинин. – В таком случае желаю удачи.

Лейтенант Офиногенов оторвался от пульта и переключил внимание на нас.

– Товарищи офицеры, готовность пять минут! – возвестил он. – Первым отправляется старший лейтенант Матвеев, потом около пяти минут на перенастройку точки выхода, и уходит капитан Гречко. Затем еще корректура, и совершает переход капитан-лейтенант Тарасов. Вопросы есть?

Какие тут могут быть вопросы... Я вообще в теории телепортации мало смыслю, хоть и технарь. Как удалось умникам из техотдела СБ вклиниться во *внутрисистемный* телепорт через такую бездну пространства, а тем более активировать его извне – за гранью моего понимания. Но, видимо, трудности тут есть, и значительные, иначе такой способ перемещения из системы в систему вовсю бы использовался уже не один год. Все упирается в энергозатраты, Калинин на брифинге это упоминал.

– Вопросов нет, – вместо лейтенанта резюмировал Борщевский. – Не буду напоминать вам, ребята, как много от вас зависит. Не мальчики уже, сами понимаете. Просто постарайтесь уцелеть. С Богом!

– Начинаю обратный отсчет, – произнес Офиногенов. – Пять! Четыре! Три! Два! Один! Канал открыт!

В раме телепорта возникла зеркальная поверхность, изредка бегущая рябью. Где-то под нами натужно загудели энергоблоки, по балкам портала пробежали синие искры, и пространственное окно сменило цвет с серебристого на непроницаемо-черный. Впрочем, через забрало активированного шлема в бледно-зеленом свете можно было разглядеть в раме очертания какого-то порядочно захламленного помещения.

– Матвеев, пошел! – скомандовал Офиногенов.

Тот не стал медлить и решительно шагнул в черный провал. Поверхность перед ним спружинила, вытянулась, как мембрана из эластичной пленки, и наконец поддалась. Матвеев провалился сквозь измененное пространство телом и провалился куда-то в темноту. Края мембраны моментально срослись, и перед нами вновь возникла рябая зеркальная поверхность.

– Переход осуществлен в штатном режиме, – прокомментировал лейтенант Офиногенов. – Перенастраиваю координаты точки выхода. Готовность пять минут.

Признаться, я немного мандражировал, наблюдая за отправкой Матвеева. Почему-то до конца не верилось, что все пройдет как надо и лейтенанта не распылит на атомы в момент перехода. Но обошлось, и я украдкой облегченно выдохнул.

Офиногенов тем временем с пулеметной скоростью барабанил по клавиатуре навигационного комплекса. Выражение лица хоть и сосредоточенное, но без признаков беспокойства, что не могло не радовать.

– Начинаю обратный отсчет! Пять!.. Четыре!.. Три!.. Два!.. Один! Канал открыт!

Капитан шагнул к раме телепорта.

– Переход осуществлен в штатном режиме, – вновь доложил лейтенант. – Перенастраиваю координаты точки выхода. Готовность пять минут.

Это у него прямо мантра. Успокаивает себя так, или, может, по инструкции положено? Наверное, все-таки по инструкции, без них у нас ничего не делается... Поймал себя на том, что мысли скачут галопом. Думаю обо всем и ни о чем одновременно, лишь бы не фокусироваться на предстоящем прыжке сквозь бездну пространства. Страшно до жути. Даже стыдно.

– Канал перенастроен, – опять завел песню Офиногенов, – начинаю обратный отсчет: пять... четыре... три... О черт!!!

Энергоблоки загудели особенно натужно, с надрывом. По зеркалу телепорта побежала крупная рябь, по раме вились светящейся змейкой искры. Не нравится мне это!..

– Канал не стабилен, канал не стабилен! – завокнулся Офиногенов, изменившись в лице.

– Осуществляем переход, – спокойно произнес подполковник Калинин, впери в меня тяжелый взгляд.

– Как скажу «один», резко впрыгивай в окно! – проорал Офиногенов, в бешеном темпе молотя клавиатуру. – Не бойся, исходов может быть только два: или уйдешь в систему Ахерона, или здесь выбросит. На куски не разорвет, прецеденты были. Сейчас, еще чуть-чуть...

Я подошел вплотную к мерцающей раме, напрягся в ожидании команды...

– Один!!! – рывкнул лейтенант, и я ласточкой нырнул в провал, изо всех сил оттолкнувшись ногами.

Не знаю, что наблюдали провожающие, но в момент прорыва мембраны я ощутил, как меня сжимают огромные тиски. Тут же в тело вонзился заряд энергии колоссальной мощности, заставив каждую клетку завопить от боли. А затем сознание померкло. Но перед самым уходом в небытие я почувствовал удар обо что-то твердое...

Система Риггос-2, планета Ахерон, База-7

23 февраля 2535 года

Сознание возвращалось медленно, словно нехотя. Первые пару минут я не ощущал абсолютно ничего, даже сомнение закралось – а не в отключке ли я до сих пор? Затем все встало на

свои места: в мозгу будто щелкнул выключатель, и накатила волна дикой боли. Тело мое непроизвольно выгнулось дугой, а потом застыло в скрюченной позе. Ощущение было такое, словно меня окунули в чан с крутым кипятком, и он впитался в каждую пору кожи, по капиллярам проник в кровеносную систему и добрался до костного мозга. Наверное, так себя чувствуют мученики, которых в аду на сковородках поджаривают. Я заорал, попытавшись заглушить жжение, но помогло это слабо. Оно даже усилилось, отбив желание дергаться, перегрузило нервные центры, и наконец я снова провалился в забытие...

Повторное возвращение из глубин беспмятства далось легче. Боль не исчезла, но стала значительно слабее – настолько, что я смог сдержать стон. Вернулась способность конструктивно мыслить, что позволило заняться анализом собственного состояния. Приказав себе забыть о раздраженных рецепторах, прислушался к ощущениям. Забавно, но кроме осознания, сообщившего, что лежу на чем-то твердом, остальные чувства служить отказались. Я ничего не слышал – тишина нарушалась только звоном в ушах; ничего не видел – одни лишь цветные пятна перед глазами, какие бывают, если неосмотрительно взглянешь на солнце без темных очков. Еще очень хорошо ощущалось пересохшее горло, а язык напоминал наждачную бумагу. И еще я дышал. Затхловатый воздух с отчетливым пенициллиновым привкусом благодатным потоком вливался в легкие, минуя патроны-регенераторы. Зацепившись за данный факт, мысли побежали веселее. Какие мы можем сделать выводы из вышеизложенного? Во-первых, я не в открытом космосе, иначе не лежал бы, а парил в невесомости. Во-вторых, меня окружает пригодная для дыхания атмосфера, а значит, я на поверхности планеты или в каком-то помещении с вентиляцией. На заброшенных космических объектах неоткуда взяться атмосфере, а если и есть, то не может там воздух, бесконечно циркулирующий в регенераторах, пахнуть плесенью. В-третьих, я относительно цел, то есть руки-ноги в комплекте, о чем не позволяет забыть жжение в конечностях. И, в-четвертых, что-то стряслось с боевым костюмом.

Собственно, думать уже достаточно, пора переходить к действиям. Чем я и занялся, с трудом переместив тело из лежачего положения в сидячее. Переждал приступ головокружения, глотнул тоника из трубки в шлеме. Стало чуть легче. По крайней мере, горло уже не походило на Сахару, а язык из крупной наждачки превратился в мелкую шлифовальную бумагу. Затем ощупал голову и решительно стянул шлем, сразу же услышав шорох собственной одежды. Глухо стукнуло забрало, зацепившись за магазин в кармане «разгрузки». Где-то недалеко капала вода. Зрение тоже вернулось – позади меня располагался слабенький источник света, который не позволял толком различить детали обстановки, зато сам легко фиксировался глазом. Обернувшись, я разглядел раму телепорта, на которой светился синий диод – стандартный сигнал подключенного питания. Это радует, даже очень: помещение не обесточено, значит, должно работать хотя бы аварийное освещение. Чтобы осмотреться, мне и его будет достаточно. Осталось только найти рубильник.

Медленно и осторожно поднявшись на ноги, дабы во что-нибудь не въехать головой, я нашарил на правом плече автомат и включил тактический фонарь. Не зря все-таки озабочился его установкой, сразу же пригодился. Пошарил ярким лучом по раме телепорта, пультам и близлежащей стене, но ничего похожего на рубильник не обнаружил. Крутнулся вокруг оси, разрезав лучом многолетнюю тьму. Подсвечивая под ноги, пошел направо и в скором времени уперся в боковую стену. Судя по размеру телепорта, терминал был небольшим. Прием массивных габаритных грузов здесь не предусматривался, а потому и зал должен быть довольно скромных размеров. Так оно и оказалось. Уже через пару десятков шагов я уперся в торцовую стену, оснащенную воротами с широкими раздвижными створками. Здесь же в простенке располагался распределительный щит аварийного освещения с искомым рубильником. С опаской повернул рычаг, замер в ожидании удара током. Ничего не произошло. Неужели резерв сдох? Досадно... В этот момент в стенке натужно загудело, мигнули пару раз и зажглись тусклые

диодные лампы, развешанные по периметру на высоте чуть выше человеческого роста. Я с облегчением выдохнул и выключил фонарь. Теперь можно и поглазеть по сторонам.

Первичный осмотр помещения выявил в нем отсутствие живых существ, за исключением меня самого. Внушительные ворота закрыты, щели между створками нет, так что можно какое-то время чувствовать себя в безопасности. В остальном терминал не отличался от аналогичных помещений на любой базе – прямоугольный зал метров десяти длиной и около пяти шириной. Дальняя торцовая стена занята рамой телепорта примерно два на два метра. Рядом громоздкий пульт системы управления, перед ним кресло оператора. Боковые стены уставлены невысокими стеллажами, в ближнем левом углу отгорожен закуток для складирования мелких грузов – в общем, все как обычно. За исключением того факта, что все поверхности, кроме разве что потолка, покрыты толстым слоем рыхлой пыли. Да и в воздухе ощущалась приличная концентрация, особенно после того, как взрыл ее хождениями – на полу остались глубокие следы. Чувствуется, что помещение не использовалось уже давно, десятки, если не сотни, лет. А я, наивный, подумал, что лампы тусклые! Да они просто пылью заросли.

Не обнаружив в зале ничего интересного, я проковылял к стене с телепортом, по пути чихая и отплевываясь от забившей носоглотку мелкой трухи. Скинул рюкзак, аккуратно положил автомат на сенсорную клавиатуру навигационного компьютера – у Офиногенова на пульте, помнится, такая же была – и осторожно опустился в кресло оператора. Провалился самую малость: обивка за много лет успела истлеть, но пластиковое сиденье держалось крепко. Ну вот, теперь можно и о себе позаботиться, а то достало уже противное жжение во всем теле. Стянул перчатки, пошарил в нарукавном кармане и извлек на свет божий упаковку универсального «пейнkillера». Сжевал таблетку, с удовольствием ощутив, как уходит боль, оставляя взамен легкую слабость и головокружение. Но и это скоро пройдет – побочный эффект от лекарства. Тоника бы сейчас, но «сидор» ворочать лень. А посему я дотянулся до фляги на поясе и с удовольствием глотнул коньяка. Подумал чуточку и извлек из потайного кармана маленькую плитку шоколада. Под закуску живительная влага пошла еще веселее. Но увлекаться не стоило, так что я ограничился еще парой глотков и спрятал емкость.

Посидев несколько минут в расслабленной позе, решительно поднялся и приступил к осмотру снаряжения. Поверхностный анализ выдал неутешительный результат. Оружие и боеприпасы целы, но баллистический компьютер приказал долго жить. Вот почему я ничего не видел и не слышал в шлеме. По этой же причине не сработала аптечка. С экзоскелетом тоже можно было попрощаться – без компьютера он превратился в бесполезные эластичные жгуты. Равно как и с активной защитой, несмотря на достаточный заряд в энергоблоках. Чем же меня так приложило во время перехода? Сдается мне, тут причина всех бед...

Взгляд зацепился за пульт телепорта. Под толстым слоем пыли ничего не было видно, но, когда я положил на него автомат, а затем и перчатки бросил, целостность покрытия нарушилась. Теперь на нем можно было различить мерцание какого-то сенсора. Я сгреб в сторону свое имущество, смахнул пыль и получил доступ к контрольному монитору, который, собственно, и мигал диодом. Ткнул в сенсорный экран пальцем, пробудив его к жизни. Прямо по центру торчала большая табличка с предупреждением: «Критический уровень энергии! Возможны сбои в работе! Рекомендуется включить основное питание!»

Вот все и прояснилось. За сотню лет энергонакопители почти сдохли, и если на поддержание системы управления в ждущем режиме, а также аварийное освещение, энергии хватало с избытком, то на активацию телепорта и переброску груза уже нет. Тем более на такие расстояния. Вот в момент перехода и произошел сбой. Мне еще повезло, что выбросило в пункте назначения целиком, а не фрагментами, что бы там Офиногенов ни говорил. Всего лишь под энергопробой угодил, но всей активированной электронике хана приснилась. И каждые седьмые сутки обратный канал теперь не откроют, это сто процентов. Со связью даже в пределах

планеты очевидная проблема – передатчик в шлеме, а он сдох. Как говорит один мой знакомый прапор, мы не ищем проблем, они сами нас находят.

А как обстоят дела относительно хороших новостей? Из снаряжения ничего не потерял – уже хлеб. Есть инструменты, есть оружие и боеприпасы. Это не электроника, магнитные контуры экранированы, чтобы здоровью не вредить. Есть запас энергии в батареях, есть сухпай. Временное убежище тоже в наличии. В общем, жить можно. И самое главное – есть комп-наладонник с массивом нужной, а теперь даже жизненно необходимой информации. Достав девайс из набедренного кармана, я нажал кнопку включения, заледенел на секунду от дурного предчувствия, но вскоре радостно выдохнул – экран тускло засветился, возвестив о загрузке системы.

Первым делом вывел на дисплей схему Базы-7 и отыскал расположение грузового терминала. Картинка порадовала. Судя по плану, убежище располагалось в складском комплексе в стороне от взлетно-посадочной полосы и ангаров с истребителями. Комплекс большой по площади, но невысокий – два этажа вверх и подвал, в котором устроен телепортационный узел. Даже если в него попали при обстреле, завалить намертво не должно. Согласно схеме, от грузового терминала до ближайшего выхода на первый этаж около десяти метров. Что в общем-то логично – многие грузы требовали немедленной доставки в мастерские или другие отделы, а потому далеко таскать их нерационально. Весь остальной подвал выделен под склад длительного хранения. На первом этаже размещались складские службы и грузы, хранящиеся до использования не более тридцати суток, – так называемый активный резерв. На втором держали имущество, которым этот резерв восполнялся, то есть большие партии однотипных изделий. Если строение не разрушено, можно будет тут пошариться, может, что полезное найду. Но это потом. Сейчас перекусить и спать. А после отдыха нужно будет ремонтом заняться.

* * *

Проспал я больше четырех с половиной часов, судя по таймеру в наладоннике. Кстати, наручные часы тоже при переходе накрылись – теперь у меня даже компаса нет. Нужно с этим что-то делать. Я в подвале вечно сидеть не собирался, еды всего дней на пять, при самой жесткой экономии. Есть еще концентраты, но их жрать можно, только если совсем припрет. Вода нужна, ее у меня немного – сколько в бурдюк в рюкзаке умещается. Литров пять примерно. Придется вылезать наружу, а там проблема ориентирования на местности будет актуальна.

Но первым делом надо привести себя в состояние хотя бы минимальной боеспособности. Для начала осмотрел шлем. Баллистический комп сторел, превратив дисплей на внутренней стороне забрала в черную светонепроницаемую поверхность. С этой проблемой я справился легко – обрезал шлейф видеовыхода и подсоединил к силовым жилам питание напрямую от батареи, воспользовавшись спецкабелем с «крокодильчиками» из набора инструментов. Дисплей ожил, пленка жидких кристаллов начала светлеть, пока не стала прозрачной. В левом верхнем углу высветилась иконка отключения изображения. Ткнул в нее пальцем, дождался прекращения мигания значка активации и отрубил питание. Забрало осталось прозрачным изнутри и матово-черным снаружи, но это уже просто поляризованное покрытие – антибликовое и одновременно светофильтр. Шлем превратился в элемент брони – электронная начинка в нем частично погорела, частично отключена. Теперь я лишен компьютерного целеуказания и наведения, равно как и системы навигации. Жаль, конечно, но не смертельно.

Порылся в рюкзаке, извлек подсумок с ЗиПом к автомату. Заглянул внутрь, удовлетворенно хмыкнул. Как говорил Филеас Фогг – «используй то, что под рукой, и не ищи себе другого». Раз компьютерный прицел накрылся, будем пользоваться коллиматорным, закрепив его над стволом, благо специальная «рельса» почти над самым цевьем имеется. Так он десятикратнику, который устанавливается на ту же верхнюю рельсу, мешать не будет. Быстро и удобно.

Оптика довольно компактная – три сантиметра диаметром и около десяти длиной, и хранить ее можно в специальном кармане «разгрузки». Оба прицела пристреляны еще на базе, а качество изготовления и жесткость крепления избавляли от необходимости повторения этой процедуры после каждого демонтажа. Но если я их на другой автомат нацеплю, тут уж ничего не поделаешь – придется повозиться.

Готово. Приложился пару раз к автомату, навел точку в рамке коллиматора на рубильник в дальнем углу, резко повернулся несколько раз, выцеливая трубки ламп на стенах, – вроде нормально. Оптику потом проверю, когда на поверхность выберусь.

С экзоскелетом пришлось повозиться дольше. Защиту и «разгрузку» я перед сном скинул, чтоб хотя бы с минимальным удобством улечься. А теперь еще и боевой комбез снял, оставшись в термобелье. Вся закавыка в том, что питанием экзоусилителей управлял баллистический комп, реагирующий на мысленные приказы. Для этой цели у него имелся специальный датчик с фильтром, который регистрировал излучение мозга оператора, когда он произносил про себя определенные команды. Интерфейс настраивался на каждого бойца индивидуально при первой активации компьютера. Изменяя подачу энергии в реальном времени, баллистический комп позволял варьировать степень усиления. Ориентировался он на встроенные в комбез датчики движения, определявшие скорость и положение частей тела в пространстве, а также напряжение мышц. Соответственно, с активированным компом можно нормально контролировать усилие экзоскелета – оно всегда пропорционально мышечному. При должной сноровке отдельные виртуозы даже хрупкие предметы, типа куриного яйца, умудрялись брать в руки. Теперь же эта функция недоступна.

Восстановить подачу энергии на силовой контур легко, я бы даже сказал, элементарно – перерезать шлейф от компа и пустить провод питания напрямую от батареи. Еще сенсор включения-выключения не забыть приспособить. Жаль только, что такая схема позволяла осуществлять работу экзоскелета лишь в двух режимах – «вкл.» и «выкл.» соответственно. При чем режим «вкл.» постоянно вдвое увеличивал максимальное для данной конкретной мышцы усилие, невзирая на степень ее напряжения. Проблема проистекала из того факта, что встроенная непосредственно в боевой комбез микросхема БИОС отслеживать и анализировать данные с датчиков движения не способна, но при этом в нее зашит механизм защиты – она аппаратно ограничивает подачу энергии на экзоусилители и не позволяет превышать верхний порог. Нижний же ограничивать нечему – комп сгорел. Вот и получался из морпеха в режиме усилителя «вкл.» этакий разрушитель, неспособный контролировать собственную силу. Но даже такой односторонний режим гораздо лучше, чем ничего, а посему я проделал все вышеизложенные операции и вывел сенсор управления на липучке через горло комбеза. Крепить его на наплечнике буду, так удобнее всего получится.

По такому же принципу восстановил функционирование защитного поля – подал питание на генератор напрямую от батареи и интегрировал в контур сенсор. Орган управления закрепил на самом генераторе – левой рукой его там легко достать. Хотя активной защиты я лишен, однако уже тот факт, что можно включить постоянное поле вручную, откровенно радовал. В таком режиме защита съедает прорву энергии, и тройного запаса батарей хватит на полчаса, не больше. Но это дополнительный шанс сохранить в целости шкуру, потому манкировать им не стоило.

Облачившись в боевой костюм и нацепив броню, я потыкал в сенсоры, проверив работоспособность восстановленных систем. Результатом остался доволен: и поле, и усилитель включались без проблем. Вот и замечательно. Единственная трудность возникла с выключением экзоскелета – все левое плечо отбил, пока попал по сенсору. Но и с этим справился успешно – стал нажимать подбородком.

Осталось решить проблему с навигацией. Тут у меня были домашние заготовки – не зря с собой наладонник тащил. К этому замечательному устройству существует множество допол-

нительных призматических, и один из них – компактный беспроводной монитор в виде монокуляра, похожий на половинку очков. Крепится соответственно на ухе дужкой, в которую интегрирован динамик и приемное устройство с аккумулятором. При желании его можно запитать от батареи наладонника, но тут уже от провода никуда не деться. КПК у меня из разряда high-cost моделей, а потому этот полезный девайс шел в комплекте, наряду с беспроводными стереонаушниками. Так что я лишний раз порадовался, что не поленился закинуть в футляр с инструментом еще и ЗиП к наладоннику.

Нацепив активированный монокуляр на правый глаз, я переключил на него отображение рабочего стола. Получилось не очень удобно: чтобы пользоваться стилусом, все равно приходилось коситься на экран наладонника левым глазом. Впрочем, после включения программы-навигатора управлять ею уже не требуется, а потому во время пути комп будет покоиться в предназначенном для него кармане. Для надежности все же подключил к монокуляру питание от батареи, пропустив провод под комбезом вдоль спины и правого бедра через специальное отверстие прямо в набедренный карман, куда и упрятал наладонник, запустив предварительно приложение с картой местности. На нее проецировался план здания, на котором иконкой в виде человеческого силуэта отмечено мое местоположение. Точка отсчета координат, таким образом, наличествовала, а дальше дело техники – в наладонник встроен необходимый инструмент для ориентирования в пространстве. Так, с навигацией тоже все ясно. От батареи мой компактный компьютер проработает в активном режиме до сорока часов, этого времени с избытком хватит на совершение двух дневных переходов. Потом его придется заряжать, что тоже особой проблемы не представляет – я нес с собой тройной энергозапас, а полный заряд батареи наладонника не составлял и сотой доли имевшейся в наличии энергии. Все, что мне нужно, – обычный кабель питания с мини-разъемом и десять минут времени.

Шабаш. Лучше подготовиться к выходу на поверхность все равно не смогу, так что не будем тянуть кота за некий орган на букву «х» (я про хвост, а вы что подумали?) и приступим к дальнейшей реализации плана. Попросту говоря, настал черед двери.

Хотя стоп, подождет несколько минут. Я задержал взгляд на пульте телепорта с мерцающим дисплеем: возникла мысль покопаться в компе – чем черт не шутит, может, что ценное обнаружится. Не откладывая дело в долгий ящик, подошел к пульту и ткнул пальцем в предупредительную надпись, так и горевшую в центре экрана. Та свернулась, явив взору стандартный рабочий стол служебного компьютера. Попытка просмотреть содержимое логических дисков выявила наличие отсутствия какой-либо посторонней информации – диск D девственно чист, даже порнухи никакой не завалилось, а диск C содержит стандартные системные файлы. Правда, тут нашелся журнал учета грузов, но ничего интересного он не содержал. Рабочий компьютер грузового терминала являлся частью локалки, но в данный момент значок сетевого подключения был перечеркнут красным крестом – доступ к сети отсутствовал. Ну что ж, подобного можно было ожидать. Попытаться же в любом случае следовало, я бы потом сам себя извел, если бы не попробовал пошерстить включенный комп. Вот теперь можно с чистой совестью переходить к следующему пункту.

Подхватив автомат, до того лежавший на пульте, я подошел к двери и внимательно ее осмотрел. Она оказалась солидной – две броневые переборки, откатывавшиеся в стороны, плотно прилегали друг к другу, не оставляя в стыке ни малейшей щели. Вот будет хохма, если приводной сервомеханизм накрылся от старости! Пульт нашелся в том же простенке, где и рубильник аварийного освещения, но первичный осмотр привел к неутешительным результатам – датчик готовности не горел, а сенсорная клавиатура не реагировала на касания. Вывод очевиден – сервомеханизм обесточен. Проблема серьезная: добраться до проводки я не мог, равно как и запитать от батарей боевого костюма привод – он, судя по всему, или располагался с другой стороны стены, или вовсе в нее вмурован. Оставался только варварский метод – взо-

рвать стену. Но если к нему прибегать, то проще рвануть непосредственно одну из створок. Что я и решил проделать.

Снял рюкзак и извлек на свет божий баллончик с жидким «симплексом» – мы такие используем при abordage, когда вскрываем двери и переборки. Мощная штука, при желании можно даже в борту корабля дыру пробить, правда, в несколько заходов. Распылил взрывчатку по створке, оконтурив будущий «люк» высотой примерно в рост человека и шириной около полуметра, приляпал дистанционный взрыватель. Отошел в простенок, чтобы железякой не накрыло, и нажал на кнопку. Раздался громкий хлопок, завоняло расплавленным металлом, и кусок броневой створки около пяти сантиметров толщиной с глухим гулом рухнул на пол. Из проема с шорохом посыпался разнообразный строительный мусор – щебень, раздробленный в пыль раствор, просто земля. Все это было сдобрено мелкими кусками пластика и осколками стекла. Занятно... Это что же, я тут замурован, что ли?

Дождавшись, когда поток иссякнет, я зафиксировал автомат за спиной в специальных зажимах на рюкзаке, вооружился саперной лопатой, снятым с «вихря» тактическим фонарем и заглянул в «люк». Луч уперся в какую-то преграду буквально в полутора метрах от створки. При более внимательном рассмотрении она оказалась плитой межэтажного перекрытия, которая надежно похоронила вход в грузовой терминал. Возможно, что только по этой причине он и сохранился. Хотя, судя по наличию питания телепорта, должен уцелеть почти весь подвал – если верить плану здания, энергоустановка с батареями аварийного энергозапаса располагалась в самом дальнем от входа углу. Скорее всего, два верхних этажа складского комплекса уничтожены, а также частично разрушены подвальные помещения в районе входа. Так что рациональнее всего пробиваться к поверхности прямо здесь и сейчас. Проламываться глубже в подвал нет смысла – неизвестно какой толщины могут быть завалы в других частях строения. А посему будем взрывать.

– Люблю запах свежего динамита по утрам, – пробормотал я и достал брусок «симплекса».

Направленным взрывом тут не обойдешься, из дыры может еще бог знает сколько мусора насыпаться, замучаюсь откапывать. Поэтому бабах нужно устроить мощный, чтобы волной и давлением плиту откинуло.

Закрепив на шероховатой бетонной поверхности пластичную взрывчатку, я воткнул в нее дистанционный взрыватель и вернулся в терминал. Такое количество «симплекса» рванет нехило, что в закрытом помещении чревато травмами разной степени тяжести, включая тяжелую контузию. Потому необходимо позаботиться о собственной безопасности. Активировав экзоскелет, быстро переволок вырубленный взрывом кусок брони в дальний угол, где и отгородил небольшой закуток. Отключил усилитель, с минимальными удобствами разместился за импровизированным щитом и врубил защитное поле, не забыв нахлобучить шлем и загерметизировать стык. После этого оставалось лишь нажать кнопку на пульте. Грохнуло оглушительно, пробарабанили по броневому листу мелкие камни и прочий мусор, толкнула упругая волна воздуха, и слегка заложило уши. Мигнули лампы аварийного освещения, но против ожидания не погасли. Вроде живой, пронесло. Я отключил силовое поле и отправился посмотреть на дело рук своих.

Результат впечатлял и обнадеживал. Вместо плиты перекрытия пролом в двери теперь был заблокирован рыхлой смесью земли, щебня и пластиковых обломков. Пришло время поработать землекопом. Саперная лопатка легко погружалась в «грунт», и я принялся увлеченно разгребать завал. Примерно через полчаса в проем перестали сыпаться новые порции, через сорок минут в дыре над завалом показался свет, а через час я выбрался из заточения, оказавшись почти на самом дне здоровенной воронки. Похоже, в здание попала ракета класса «воздух – земля» с фугасным боеприпасом, и взрыв смел верхние этажи и разрушил часть подвала. В общем, угадал я с направлением – в любом другом месте завалы гораздо больше.

Я сел на землю и посмотрел в небо нового мира, прищулив глаза. Мир в ответ неприветливо покосился на меня и нахмурил брови низких облаков, совершенно скрывших местное солнце, сиречь звезду Риггос-2. Хорошо хоть не разрыдался дождем, с таких туч станется.

* * *

На одном месте решил не засиживаться. Сиди не сиди, а яснее обстановка сама по себе не становится, нужна хотя бы поверхностная разведка. А из оплывшей воронки много не увидишь, так что пришлось выбираться наверх. Странно, сто лет прошло с момента бомбардировки, а местная растительность так и не отвоевала клочок земли, занятый когда-то людьми. По склонам ямы кое-где торчали чахлые пучки травы, но и только. Что же тут такое рвануло, что почва превратилась в бесплодную смесь пыли и мелкого гравия? Такое ощущение, что в складской комплекс сначала угодил фугас, превративший его в развалины, а потом сверху все тщательно проутюжили вакуумными бомбами, так что выгорел даже слой гумуса. А что, похоже на правду...

Выбравшись из воронки, я укрылся за угловатым валуном, на поверку оказавшимся куском межэтажного перекрытия, и первым делом осмотрел окрестности. Если верить плану, в этом районе располагался ремонтный комплекс, включавший склады запчастей и принадлежностей, а также ангары, в которых ремонтировалась поврежденная техника. Территория базы тянулась на десять километров с севера на юг, ремкомплекс притулился в ее верхнем правом углу. По этой же стороне периметра ниже через каждый километр размещались ангары с готовыми к бою истребителями, по эскадрильям. В самом низу, на юге, некогда возвышался административный комплекс – штаб, диспетчерская, казармы комендантского батальона, автопарк, склад ракетно-артиллерийского вооружения и заправочная станция. От нее топливо по подземным трубопроводам поступало к терминалам непосредственно в расположении эскадрилий. Сейчас о былом величии напоминали только руины почти до основания разрушенных зданий да потрескавшийся, как от сильного жара, пенобетон взлетных полос. Сквозь широкие щели пробивалась не только трава, но и кусты, разросшиеся в приличный подлесок. Серо-зеленая равнина бывшего стартового комплекса истребителей планетарного базирования тянулась на юг и запад до предела видимости, тут и там взгляд натывался на кучи камней и искореженные останки боевой техники.

В северном и восточном направлениях пейзаж выглядел веселее. За остатками пенобетонных стен периметра, от которых частично сохранилось даже несколько пролетов, примерно в километре зеленел лес, густо покрывавший склоны невысокой холмистой гряды. Судя по карте, на некоторых взгорках были размещены зенитные батареи. Изучив в прицел-десятикратник цепочку высот, выявил несколько заросших кустами проплешин в рядах деревьев. Все ясно. От батарей тоже мало что осталось. Осмотр взлетного поля через оптику укрепил меня в мысли, что База-7 разрушена до основания интенсивной атмосферной бомбардировкой. С вероятностью девяносто процентов можно предположить, что больше ничего интересного я здесь не найду, разве что вернуться в терминал и попытаться пробиться в сохранившиеся подвальные помещения. Однако план здания показывал, что все вычислительные мощности располагались на разрушенном первом этаже, в подвале же если что и было, то только рабочие станции типа компа на пульте телепорта. Ценность их как источников информации стремилась к нулю, если не к отрицательной величине. Посему вставал важный вопрос – что дальше? В принципе, реальных вариантов всего два: идти на юг в надежде хоть что-то обнаружить на месте, несомненно, разрушенного административного комплекса или же двинуть на север, в сторону Полигона-1, а затем и города Чернореченска.

Первый вариант мне нравился мало. Тащиться десять километров по незнакомым местам, чтобы в результате полюбоваться очередными руинами, представлялось крайне сомни-

тельным удовольствием. Второй вариант привлекал еще меньше – перспектива пешего марша минимум на полтора километра по лесостепной местности без каких-либо ориентиров, по азимуту, с возможным призом в конце пути в виде безжизненной кучи обломков, самого отъявленного оптимиста превратит в пессимиста. Пока есть хоть малейший шанс что-то раздобыть на базе, надо его использовать. По дебрям побродить я всегда успею. Поэтому все же решил провести полную разведку объекта – для очистки совести, да и просто пугающий поход в неизвестность оттянуть.

Осталось решить, когда отправляться в путь. Затянутое тучами небо не позволяло даже приблизительно определить, сколько времени осталось до темноты, – вокруг царил легкий полумрак, который запросто можно было принять за опускающиеся сумерки. К тому же складывалось впечатление, что с минуты на минуту пойдет дождь, противный такой, мелкий и морозящий. Вообще, если верить компьютеру, на этой широте в Северном полушарии сейчас стояло лето, но погода больше напоминала середину октября или конец марта в Самаре – промозгло, свежо и ветрено. Таймер в наладоннике показывал федеральное время, но сутки на Ахероне примерно на час длиннее стандартных, а год состоит из четырехсот тринадцати дней, поэтому кореллировать показания компьютера с местным временем у меня не получалось. Хотя стоп, чего это я торможу. У меня же нехилый массив информации по системе имеется, надо в нем порыться.

Искомые данные нашлись в первой же папке под названием «Краткое описание системы Ригос-2». Был тут и календарь, и карта часовых поясов населенных планет, и таблица соответствия стандартного летосчисления местному. Зная свои координаты, я без труда определил время с точностью до десятка минут и задал его текущее значение во втором окошке таймера. Вышло, что до темноты еще около четырех часов – более чем достаточно на десятикилометровый марш-бросок, но где потом в потемках укрытие искать? Переночую лучше в грузовом терминале, а пока попробую влезть в заваленный подвал – вдруг что интересное попадется.

* * *

В заблокированную часть моего временного убежища удалось проникнуть на удивление легко – в очередной раз помог баллончик с «симплексом». Перегородка из пенобетона далеко не броневая переборка, поэтому я не стал мудрить с вырубанием прохода направленным взрывом, и распылил аэрозоль по площади. В результате кусок стены достаточного размера, чтобы протиснулся человек среднего телосложения со снаряжением, в буквальном смысле слова испарился, открыв доступ в соседний бокс.

Из дыры тянуло плесенью и затхлой пылью, что недвусмысленно говорило о разгерметизации помещения, поэтому что-то полезное отыскать там вряд ли светило. Но все же я решил быть последовательным в претворении в жизнь собственных планов. Придушив робкие ростки лени и незначительный страх темноты, протиснулся в свежееобразованный пролом, разогнав тьму лучом вновь поселившегося на автомате тактического фонаря. Судя по плану, рядом с терминалом располагался вспомогательный склад, предназначенный для кратковременного хранения грузов, не требовавших немедленного перемещения на верхние этажи. Этот отсек был немного меньше соседнего, однако захламлен куда значительно: всюду без видимой системы навалены ящики из гофрированного металла и пластика, кофры типа оружейных, а также странные кучи мусора, на поверку оказавшиеся обыкновенными картонными коробками, просто сгнившими в труху. А тут прямо Клондайк какой-то, как я посмотрю.

Изучив помещение на предмет наличия других входов и выходов, убедился, что такая же двустворчатая броневая переборка, как и в терминале, плотно закрыта. Отыскался и рубильник аварийного освещения, как легко догадаться, в простенке рядом с дверью. Лампы нехотя, с миганием и через одну, но загорелись, залив царивший кругом бардак тусклым из-за пылевого

фильтра светом. Опять придется с пиротехникой проламываться, чтобы выйти в центральный коридор. Если он не завален или завален частично, это будет оптимальный путь к остальным боксам. Кто знает, что в них может храниться – вероятность упереться в штабель тяжелых контейнеров после элиминации куска стены очень высока. Да и здесь сначала надо пошариться, потешить любопытство.

Для затравки попробовал вскрыть отдельно лежащий металлический ящик с магнитным замком и порядочно удивился: крышка без сопротивления откинулась на шарнирах, явив взору ряды плотно уложенных пластиковых коробочек размером с мой КПК. Распаковав первый попавшийся, обнаружил в нем... Что бы вы думали? Компьютер-наладонник столетней давности. Вот так находка! Да тут на что угодно нарвешься запросто, вплоть до оружия и боеприпасов. Хорошее место, в общем.

Ткнул в кнопку включения, попытавшись реанимировать находку, но результата достиг нулевого – оказывается, батарея из девайса вынута. Покопался в ящике и нашел искомое на дне, в специальном отделении. Там их оказалось около сотни, видать, по количеству компов. Вщелкнул небольшой параллелепипед в гнездо гаджета и повторил попытку – снова ничего. Аккумулятор или разрядился за десятки лет, или, что вероятнее, поступил с завода в незаряженном виде. Ну, эта проблема решаема – помогут приبلуда с «крокодилчиками» и энергоблок на поясе. Прделав нехитрые манипуляции, я удивленно уставился в оживший экран. Работает, надо же... Хотя, если подумать, что ему могло сделаться? Стандартная военная модель, защищенная от всех мыслимых воздействий, чуть ли ни с десятикратным запасом механической прочности, в пылевлагонепроницаемом корпусе – этим наладонником гвозди можно забивать, и ничего ему за это не будет. Главное, что элементы питания живые. Если на планете сохранилось население с минимумом технологий вековой свежести, этот ящик может стать большим подспорьем. Жаль только, что для меня он никакой ценности не представляет – память компов девственно чиста. Они же прямо от производителя или с оптового склада, кроме операционной системы в них и быть ничего не может по определению. На всякий случай спрятал разбуженный экземпляр в рюкзак – вдруг пригодится. Иногда я бывал таким куркулем, что сам диву давался.

Осмотрев еще несколько ящиков, убедился, что и в них лежат комплектующие к сложной электронике. Это я определил по маркировке, открыть удалось лишь еще один, забитый компактными блоками питания. В сгнивших коробках когда-то хранилось обмундирование или что-то похожее, а в кофрах, по-видимому, содержались наборы инструментов и прочие ремонтные приамбасы. Тут я вспомнил про обнаруженный в памяти компьютера телепорта журнал учета и обругал себя матерно. Нечего больше по подвалу шариться, надо документацию изучить – и будет мне счастье.

Вернувшись в терминал, законнектил наладонник с рабочей станцией, быстро скопировал файл и вырубил комп, дабы тот не тратил и так уже мизерные запасы энергии из накопителей здания. Затем перекрыл дыру в створке двери «растяжкой» – гранатой с активным лазерным взрывателем, реагирующим на пересечение луча (не зря запасся такими полезными мелочами, знал, куда иду) – и ради экономии отключил аварийное освещение. Ночевать решил во вспомогательном складе, предварительно заложив проход в стене штабелем тяжелых ящиков.

С трудом расчистив небольшой клочок пространства, я скинул рюкзак, «разгрузку» с бронежилетом и более-менее удобно устроился на полу, используя вместо подушки все тот же «сидор». Шлем тоже снял – прошлого раза с избытком хватило, шею потом долго ломило от скрюченной позы. Поужинал сухпаем, запив тоником. На сон грядущий полистал журнал учета, оказавшийся на редкость нудным и скучным, но не лишенным полезности чтивом. Из этого чисто бюрократического документа удалось выяснить, что как раз за пару дней до вторжения легорийцев на базу пришла партия разнообразной электроники, предназначенной для

апгрейда ее вычислительных мощностей. В дело ее пустить элементарно не успели, и осталась куча компьютерного железа пылиться в подвале, замурованном взрывом. Что характерно, в табличке напротив названия груза были аккуратно вписаны номера помещений, в которые он отправлялся на хранение. По-любому надо будет на досуге изучить его подробнее. Ибо халява лишней не бывает, как говаривал мой отрядный старшина. С этой мыслью я благополучно заснул.

*Система Риггос-2, планета Ахерон, База-7
24 февраля 2535 года*

Второе пробуждение в новом мире оказалось приятнее первого. Относительно, конечно. По крайней мере, шею не ломило, и голова не раскалывалась от боли, как вчера. Хотя умыться бы не помешало, но в данный конкретный момент это для меня роскошь – вода только питьевая, да и той в обрез. Даже зубы нормально не почиштишь. Впрочем, для гигиены полости рта давно уже придумали специальный антисептик – набрал в пасть, погонял немного и выплюнул. В результате свежее дыхание на весь оставшийся день. Говорят, его специально для Десанта разработали, это потом он повсеместно распространился. Ну и как тут не скажешь, что армия – двигатель прогресса? Как бы то ни было, пришлось довольствоваться влажной гигиенической салфеткой из предусмотрительно захваченного запаса. Ее хватило, чтобы убрать с лица крем-эпилятор – не терплю щетины – и кое-как протереть руки. Хорошо, что под комбезом термобелье, которое пот утилизирует моментально, а то уже благоухал бы на всю округу.

Дальнейшие сборы много времени не заняли, так что вскоре я разобрал баррикаду и выбрался на поверхность, предварительно деактивировав «растяжку». Подумал и решил вход слегка присыпать, чтобы никто не забрался, пока меня нет, на что и потратил полчаса драгоценного светлого времени суток.

Было уже восемь утра по местному, когда наконец двинулся в путь. Самопальный навигатор в наладоннике худо-бедно функционировал, поэтому с ориентацией на местности проблем не возникло – я просто и без затей шагал на юг, по мере возможности маскируясь кустарником, буйно разросшимся в трещинах покрытия. Другими укрытиями, как-то: воронки, искореженные останки техники, куски пенобетона из разрушенных стен периметра – тоже не пренебрегал, но рельеф местности не всегда позволял двигаться относительно скрытно, часто приходилось пересекать довольно большие открытые пространства. На этот случай применил давно известную хитрость – наломал веток и навесил их на себя везде, где получилось. Смысл прост: необходимо смазать силуэт, сделать его неопределенным, расплывчатым, тогда далекому наблюдателю будет труднее зацепиться за вас взглядом, что вкупе с камуфляжной расцветкой обмундирования и снаряжения обеспечивает приемлемый уровень маскировки. Если по уму, то в таких условиях действовать в одиночку строго противопоказано – нужна слаженная работа группы, с передовым дозором и арьергардом. И крайне желательно хотя бы одного егеря в составе иметь – кто знает, какое зверье тут может водиться. Они по этой части самые крутые, убедился на стажировке. Их специально натаскивают по внешнему виду животного распознавать ее характер, образ жизни, способ питания и, соответственно, повадки. Меня тоже учили, но полгода на полигоне это не пять лет в академии, да еще с ежегодными практиками. Настоящий егерь с первого взгляда определит, в какую часть туши надо стрелять, чтобы убить гарантированно и одним выстрелом, даже если раньше с такой живностью не сталкивался. Равно как и моментально выработает оптимальную стратегию поведения, позволяющую убежать от неприятностей. Я же верхушек нахватался и теперь из себя крутого специалиста строю. Ничего не поделать, за универсальность всегда приходится платить качеством навыков, поэтому что егерю, что рейнджеру в их епархиях я в подметки не гожусь, хоть и умею всего понемногу. Разве что к стрелковой и рукопашной подготовке не придерешься, как и к тактической. Ну и некоторый багаж специфических технических знаний в наличии имеется.

За пару часов неспешным темпом отмахал около пяти километров – неплохой результат для скрытного передвижения по захламленной местности со сложным рельефом. За это время я прошел через расположение четырех истребительных эскадрилий. Вернее сказать, бывших расположений, поскольку от развитой некогда инфраструктуры остались лишь жалкие обломки. Все постройки разнесены чуть ли не в пыль, кусков больше метра в поперечнике не видел ни одного. Что характерно, разбитой техники в разы меньше, чем у складского комплекса. Хотя тут ничего загадочного – где еще могло скопиться столько поврежденных аппаратов, как не у ремонтной мастерской? Непосредственно в расположении техники не было: что могло летать – делало это, пока не получало свое, так что кучи горелого металла и пластика украшали пейзаж совсем в других местах.

Увиденное еще больше укрепило меня во мнении, что базу бомбили уже после того, как сломали оборону планеты – тщательно и без спешки, благо сопротивление оказать мало кто мог. Почему же тогда легорийцы не стали здесь укрепляться, оставили колонию на произвол судьбы и сунулись дальше вглубь территории Федерации? Уже захваченной по факту системе они предпочли сомнительное удовольствие штурма новых укрепрайонов во Внешних мирах, а там рубежи были не в пример мощнее. Взять ту же эпсилон Индейца – войск базировалось чуть не в десять раз больше, чем на Ахероне, и флот куда многочисленней. Всем известно, чем закончилась операция у этой звезды: вместо Внешнего мира мы получили кусок Фронтيرا, более того, запретную зону для любой гражданской деятельности. Заходить туда рисковали только военные. А здесь такой лакомый кусок брошен. Еще одна загадка.

По пути несколько раз встречал представителей местной фауны – все они оказались мелкими грызунами, аналогами земных зайцев. Наладонник услужливо подсказал, что здесь их зовут коротко и со вкусом – ушан. Не заморачивался народ с названиями, это я еще на инструктаже у Калинина заметил.

На исходе третьего часа удалось найти воду, хоть и пришлось примерно на полкилометра отклониться от маршрута. Внимание мое привлекли здешние версии ив – они обычно по берегам водоемов произрастали, вот сейчас я не обманулся. В ивняке обнаружилось крошечное озерцо, скорее даже пруд – об искусственном его происхождении свидетельствовали остатки дамбочки, некогда перегородившей русло. Она была частично разрушена, но влага все равно задерживалась в бочаге. Само озерцо заросло тиной, и служило истоком ручейку, терявшемуся в трещинах пенобетона взлетной полосы. Питал же его другой поток, чуть больший, и в нем вода была чистая, как слеза. Тестер из аптечки вредных примесей в ней не выявил, да и насчет аутентичных микроорганизмов я не беспокоился – перед заброской нас привили от всех известных болезней. К тому же универсальный антидот никто не отменял, а его у меня в запасе три упаковки. Так что можно вволю напиться и даже умыться.

Чем я и занялся незамедлительно: переместив автомат за спину, чтоб не мешал, откинул забрало шлема, стянул перчатки, засунув их под «разгрузку», и опустился у ручья на колени, потянувшись к воде.

– Rrrrrr... – сказал кто-то в зарослях ивняка.

Я медленно повернул голову на звук и уперся взглядом в узкие желтые глаза с вертикальным зрачком. Глаза эти располагались на чуть приплюснутой кошачьей голове. Верный наладонник тут же выдал характеристику зверя, оказавшегося местной рысью. А что, похож! Этак раза в полтора больше своей земной родственницы, хвост длинный, полноценный, а не обрубок, в остальном же никакой разницы.

– Rrrrrрыы... – снова подала голос зверюга.

Из глубин подстегнутой адреналиновым выбросом памяти всплыли знания, усвоенные на стажировке в центре подготовки егерей. Рык тихий, неагрессивный, хвостом зверь себя по бокам не хлещет, сразу не напал. О чем это говорит? Скорее всего, я признан равным сопер-

ником, а может, и более сильным. К тому же он сыт – вон как брюхо выпирает. Так что попробуем разойтись миром.

Даже не пытаясь прервать игру в гляделки, я предельно медленно выпрямился и поднялся с колен. Затем, не допустив и намека на резкое движение, выудил из кобуры АПС – за автоматом тянуться далеко. Шаг назад, другой, и вот уже между нами метров пять, не меньше. Для такого красавца это не преграда, одним прыжком перемахнет, но теперь у меня появился реальный шанс всадить в него пулю. Зверь уловил перемену в моем настроении и решил не связываться со странным двуногим, от которого разило металлом и пластмассой. Еще раз коротко рыкнув, котюра неторопливо развернулся и скрылся в зарослях.

Ф-фух!.. Однако сдыхотно! Надо внимательнее быть, а то, не ровен час, сожрут. Хотя странно, что это лесной житель на открытой местности делает? Случайно забрел в чужие владения? Очень может быть... потому и права не качал, предпочел мирный исход. Земные рыси точно в дебрях живут, преимущественно дремучих. Местный зверь по повадкам ничем не должен отличаться, строение его тела само за себя говорит. Не приспособлен он к жизни в степи. Теперь, видимо, в привычную среду обитания вернется, благо недалеко. А мне нужно остерегаться настоящего владельца тех обширных охотничьих угодий, по которым пролегал мой путь. Судя по каталогу из КПК, в лесостепи хозяйничают волки – очень похожие на земных собратьев, только покрупнее и окрасом темнее. И живут они, что характерно, стаями. Нарвусь на такую семейку, мало не покажется.

Убедившись, что рысь действительно убралась, я все-таки напился вкусной холодной воды и не отказал себе в удовольствии плеснуть несколько пригоршней в лицо. Потом натянул перчатки, захлопнул забрало и пошел дальше.

Еще через час с небольшим добрался до пункта назначения и осмотрел руины административного комплекса, укрывшись в тени чудом сохранившегося пролета периметра. Уцелело, прямо скажем, немного. Создавалось впечатление, что здесь отбомбилась чуть ли не эскадрилья – настолько тщательно все постройки сровняли с землей. Можно было и не тащиться за десять километров, чтобы подобное увидеть. Хотя есть и плюс – одно направление отпало. Теперь нужно двигаться на север, через лес в сторону Полигона-1 и далее до Чернореченска. Других реальных вариантов попросту нет. Но, прежде чем уйти, я все-таки решил познакомиться с развалинами поближе и принялся осторожно нарезать круги по бывшему административному комплексу базы, максимально быстро преодолев открытое пространство.

Старания мои вскоре были вознаграждены: на месте штаба (если верить схеме) нашлось укромное местечко, образованное двумя вставшими под углом плитами межэтажных перекрытий. С трех сторон они были присыпаны строительным мусором, а с четвертой располагался довольно просторный (можно пройти, чуть пригнувшись) лаз в небольшой грот искусственного происхождения. Там я обнаружил свежее кострище – более чем прозрачный намек, что аборигены здесь бывали. С одной стороны, факт отрадный: на планете имеется население. С другой – неизвестно, как оно отнесется к непонятному чужаку. Вот и думай, что дальше делать. Пообщаться с местными было бы неплохо, вопрос в том, как это осуществить. Кострищу хоть и не больше двух-трех дней, но поди знай, когда сюда снова кто-нибудь забредет. Сидеть в засаде в моем случае занятие бесперспективное – в самое ближайшее время придется озаботиться поиском пропитания, а сделать это проще в лесу. Да и укрыться там тоже не проблема. Торчать же здесь, посреди развалин, и без надежной норы – весьма и весьма чревато, особенно в ночную пору. Поэтому перетопчемся без общения. Сегодня до темноты успею вернуться к ставшему родным подвалу, переночую, и завтра с утра начну бросок через лес к полигону.

Выбравшись из грота, я вознамерился было отправиться обратно к ремонтному комплексу, но не успел сделать и шагу, как на шлем обрушился мощнейший удар, отбросивший меня к завалу. Я влип спиной в плиту, еще раз сильно приложившись головой, и рухнул на землю, выронив автомат, который до того просто держал в руках, не зафиксировав ремнем

(неудобно с ним было в пещерке). Охренеть... Спасибо, броня спасла. Но что это было, вашу маму? Я резво вскочил на ноги, рванул пистолет из кобуры и завертел головой в поисках обидчика.

Враг нашелся незамедлительно. Рефлексы сработали мгновенно, и теперь я держал на мушке троих странного вида людей, неспешно приближавшихся со стороны бывшего КПП, от которого в настоящее время осталась лишь куча щебня. Все трое высокие жилистые мужики, бородатые, с заплетенными в косы волосами. Судя по фигурам, приспособлены для ходьбы на дальние дистанции – длинные ноги, сухие тела, легкие движения. Как у кенийцев в земной Африке. Но, в отличие от тех же кенийцев, кожа белая, а волосы и бороды светлые с рыжеватым отливом. Одеты как в историческом фильме: холщовые рубахи и штаны, на ногах нечто вроде мокасин с чувяками, предплечья обмотаны ремнями, по-видимому заменявшими наручи. Торсы прикрыты безрукавками из грубой толстой кожи, на головах шапки мехом наружу, типа малахаев. На поясах у всех короткие ножи, у одного за плечами лук примитивной конструкции. Двое поигрывали копьями с листовидными наконечниками, а третий раскручивал ременную петлю с камнем. Все ясно, это он меня из пращи приложил. У этого третьего с пояса еще и ножны с мечом свисают. Вид у незваных гостей (или хозяев?) решительный, пистолета не страшатся. Ну и что прикажете делать? Перестрелять нафиг или все же попытаться наладить контакт? Ладно, попробуем пообщаться, пристрелить всегда успею. Даже из пистолета.

– Мужики, хорош! Давайте поговорим! – крикнул я по-русски, не теряя бдительности.

Ответа не последовало. Тогда я попробовал говорить на интересе, затем на английском – все с тем же нулевым результатом. Меня либо не понимали, либо сознательно игнорировали. Скорее последнее – аборигены медленно приближались с оружием наизготовку. Все так же вращалась праща в руках главного, судя по наличию меча, но расслабляться я себе не давал, а потому повторную атаку – меченосец что-то гортанно выкрикнул и метнул камень – не прозевал. В тот же момент его спутники рванулись ко мне, замахиваясь копьями...

Время привычно замедлилось от выброса адреналина. Уловив резкое движение, я надавил на спусковой крючок, попал главному в лоб, и кувырком ушел вправо, поднырнув под копьё одного из нападавших. Голова мужика с пращей разлетелась на куски – УОД, хоть и пистолетный, для незащищенного человека страшен. Обезображенное тело рухнуло наземь, а вылетевший в этот момент из ременной петли камень усвистел в небо. Я же из положения «на колене» плавно навел ствол на ближайшего копеечника и всадил ему пулю в район солнечного сплетения. Этого на части не разорвало, но чудовищным ударом впечатало в попавшийся на пути обломок. Грудь его превратилась в кровавое месиво – тоже однозначно покойник. А в прорези прицела уже маячил очередной агрессор. Или правильнее будет «крайний»?..

Оставшийся в одиночестве копеечник при виде лихой расправы оторопел, застыл в нерешительности, и я в последний момент удержал палец на спуске – достаточно на сегодня трупов. Надо его в плен взять.

С этой мыслью я медленно вложил пистолет в кобуру и показал противнику пустые ладони. Против ожидания, тот на контакт не пошел. Зато сразу же перестал колебаться и прыгнул, вознамерившись всадить оглоблю с острым наконечником мне в пузо.

Я, естественно, обиделся и ответил классическим приемом боевого самбо: сместился с линии атаки, разворачиваясь и мягко отводя стальное жало, перевел блок в захват отполированной частым употреблением палки, и, поскольку оказался боком к противнику, выстрелил стопой тому в живот. Грубо, мощно, эффективно: бедолагу отнесло на пару метров, при этом копьё, что характерно, осталось у меня.

Впрочем, отчаянного аборигена это не остановило – тот, потеряв основное оружие, схватился за тесак. Я легко разорвал дистанцию, отшвырнул мешающий трофей и встретил удар сверху жестким блоком. Мужик бил хорошо, быстро и резко, даже пытался комбинировать,

но успеха не достиг. Блок превратился в захват запястья, мой свободный локоть расплющил вражеский нос, а колено с силой врезалось в предплечье, вышибив клинок и едва не переломав кости. Возвратное движение ноги я перевел в классическую подножку и взял руку на болевой контроль, лишив противника всякой возможности сопротивляться. Прижал слабо трепыхавшегося аборигена к земле и сделал попытку продолжить общение.

– Ты кто? Почему вы на меня напали? Ты меня вообще понимаешь? – заорал я ему в ухо на интересе, потом продублировал по-английски и по-русски.

Тот залопотал на незнакомом языке, подвывая от боли. Вот это номер! Судя по информации в КПК, до Войны на Ахероне население было в основном российского и европейского происхождения, если кто-то и не знал русского или английского, то уж интером владел в любом случае. А этот ни слова не понимает, да еще и изъясняется на жуткой тарабарщине, отдаленно напоминающей смесь польского с болгарским. Не мог же великий и могучий всего за сотню лет так неузнаваемо измениться! И как население скатилось за столь короткий срок даже не в Средневековье, а где-то на уровень восьмого-десятого века нашей эры, если судить по одежде и оружию местных? Или это один из туземцев, про которых вскользь упоминал Калинин на брифинге? Гуманоидного типа. Очень-очень гуманоидного – от человека не отличишь. Очередная загадка этого безумного мира.

А мне предстояло решить, как поступить с завязанным узлом бедолагой. Убивать его не хотелось, возбуждение боя схлынуло, скоро отходняк начнется. Но и в плену держать морока одна. Ладно, хрен с тобой, живи. Освободив многострадальную конечность, я убрал колено с хребта аборигена и отпрыгнул в сторону, благоразумно опустив руку на кобуру.

– Иди!

Парень недоуменно на меня уставился, и я продублировал команду жестом. Тот нерешительно поднялся с земли, но убегать почему-то не спешил.

– Вали-вали давай! А то передумаю...

Пленник сделал робкий шаг назад, затем еще один, и вдруг, подхватив оказавшееся у него под ногами копьё, с диким криком бросился на меня...

В таких случаях мой отрядный старшина говорит, что результат немного предсказуем. По большому счету мужик сам наварлся на пулю, опрокинувшую его на кучу щебня. Даже напрягаться не пришлось: рука цапнула пистолет, безошибочно поймала цель, и палец надавил на спусковой крючок. Рефлекторно, без участия сознания. Вот и пощадил дурака... Нет, надо срочно валить отсюда. В лес, подальше от сумасшедших аборигенов. И кровь из носу, но найти хоть какой-нибудь источник информации!

Подобрав автомат, я решительно зашагал на север. На скрытность перемещения плевать – скорость будет сейчас лучшей защитой. Десять километров не расстояние, часа за полтора дойду по знакомому маршруту.

* * *

К лесу вышел быстро и без приключений. До темноты оставалось еще много времени, поэтому от первоначального плана переночевать в подвале решил отказаться. Честно говоря, просто поленился откапывать вход. Ну его нафиг, лучше пройду сколько успею, углубившись в лес, а там и ночлег устрою. Наверняка какое-нибудь укрытие отыщется, в крайнем случае на дерево залезу.

Собственно, так и поступил. Массив оказался смешанным, лиственным-еловым. Понятно, что это я его так обозвал, наверняка местные деревья назывались иначе. Просто те, что украшены листьями, сильно напоминали дубы и березы, а хвойные весьма походили на ельник. Даже удивительно, как могло возникнуть подобное сходство на двух планетах, разделенных пропастью в тридцать световых лет... И это проявлялось не только в растениях. Животный мир

вообще чуть ли не двойник земного. Чего только стоила рысь, встреченная у озерца с питьевой водой. Любопытства ради я на ходу просматривал файлы из раздела «Ахерон. Фауна» и тихо офигевал. Ну не может быть такой идентичности, однозначно не может. Однако получилось, как в том фильме: «Видишь суслика? И я не вижу, а он есть...» Никакого вразумительного объяснения наблюдаемым явлениям не существовало. Список загадок ширился, а ответа я пока не получил ни на один вопрос. Ну что ж, будем искать истину, которая, как известно, где-то рядом.

Лес вокруг простирался густой, но захламлен был на удивление слабо – почти не встречалось поваленных стволов, бурелома или непроходимых зарослей. Ни разу не пришлось задевать мачете, даже когда уперся в местный малинник, сумел легко обнаружить в нем звериную тропу и миновать преграду. Продвигаться в глубь массива удавалось едва ли не быстрее, чем пробираться по сильно пересеченной местности на территории бывшей Базы-7. К тому же маскировкой можно было особо не заморачиваться – мой камуфляж как нельзя лучше подходил для скрытного перемещения в таких условиях.

В массив я вошел в три часа пополудни, таким образом, до темноты в запасе оставалось еще не менее четырех-пяти часов. За три часа удалось углубиться в лес примерно на десять километров. За все время пути я не встретил ни одного животного крупнее зайца, или, по-местному, ушана. Этих-то как раз было много, такое ощущение, что естественных врагов у них нет. Хотя давешняя рысь убеждала в обратном. После одной из таких встреч добыл себе ужин: УС массой десять граммов и калибром 11,5 мм начисто снес зверьку голову, тот даже пикнуть не успел. Я, признаться, такого эффекта не ожидал. Зато до меня дошло, зачем в снаряжение егерей в обязательном порядке входит компактный мелкокалиберный карабин. Живого веса в добыче оказалось примерно килограммов шесть, тащить ее с собой далеко не хотелось, а потому я мужественно принял решение подыскивать место для ночевки. Кое-как приторочив зверя к рюкзаку (пригодилась нейлоновая веревка, припасенная на случай связать кого-нибудь), побрел дальше, сосредоточив усилия на поиске укромного уголка. Таковой в скором времени нашелся – на берегу миниатюрного живописного озерца, к которому я вышел совершенно неожиданно. С трех сторон его окружала плотная поросль местного ивняка, а с четвертой водоем упирался в неведомо откуда здесь взявшуюся скалу метров десяти высотой. К ней примыкал крохотный пляж, а россыпь крупных валунов образовала у подножия нечто вроде пещерки. Из озера вытекал ручей с чистой, прозрачной водой. Приблизившись к скале, я обнаружил, что она состоит из изрядно изъеденного ветрами известняка, равно как и валуны рядом. Все понятно. Озерцо возникло на месте провалившейся карстовой пещеры и питалось подземными водами. Что ж, место укромное, в гроте можно надежно спрятаться от непогоды, буде таковая случится, да и от любопытных глаз тоже.

Первым делом, освободившись от рюкзака и автомата, я пустил в ход мачете и заготовил дров. Неподалеку валялась сухая лесина в руку толщиной, ее легко удалось разрубить на небольшие поленья и перетаскать к пещере. Получился неплохой запас топлива, которого должно было хватить на всю ночь. Впрочем, жечь костер постоянно я не собирался, он нужен был только для готовки. Посуда есть, причем помимо фляжки с коньяком на поясе. Сухпай в егерском варианте комплектовался универсальным складным котелком с переменным объемом. В сложенном виде он представлял собой неглубокую тарелку сантиметров двадцати диаметром, а в разложенном – полноценную кастрюльку объемом три литра. Ну и промежуточных вариантов около десятка, по количеству металлокерамических колец, из которых он, собственно, и состоял. Раскладывалось это чудо на манер телескопической удочки, к тому же было оснащено ручкой, как у ведра, что позволяло его спокойно подвешивать над огнем. Хорошая вещь, компактная и практичная.

Егерям порой по несколько недель приходится действовать автономно в условиях дикой природы, а потому вопрос приготовления пищи весьма актуален. Без такого архиважного

девайса никак не обойтись. Плюс в тот же паек входит складной столовый прибор с ложкой, вилкой и небольшим ножом, скорее декоративным, чем действительно полезным.

Вы спросите, откуда на флотской базе егерские пайки? В этом нет ничего необычного – они только по номенклатуре проходили как «егерские», да и разрабатывались конкретно для нужд этого корпуса, но широко использовались во всех специальных подразделениях, к каким, без сомнения, относилась и Морская пехота. Слишком уж широкий спектр задач нам приходилось решать, и среди них захват пиратских баз на планетах стоял не на последнем месте. Конечно, у каждого подразделения морпехов есть специализация, но более всего в наших условиях ценилась универсальность. Она в свою очередь подразумевала снабжение на все случаи жизни. У нас на складе чего только нет, одних вариантов маскхалатов около десятка расцветок. И сухпайки всех мыслимых типов: от спецупаковок для использования в невесомости до арктических комплексных обедов повышенной энергетической ценности. В обычных же войсковых частях уже несколько веков солдаты на поле боя питались специальными рационами – готовыми блюдами в саморазогревающихся банках и с одноразовой посудой.

Я все же решил не усложнять жизнь и просто поджарил зайца на вертеле, изготовленном из толстой ветки. Освежать ушана удалось легко, еще не забылись навыки, полученные на стажировке у егерей. К тому же мой боевой обоюдоострый «стерх» оказался удобным инструментом мясника. Так что уже через полчаса насаженная на заостренную палку тушка подрумянивалась на костре, разведенном в глубине пещерки. Я даже выкопал по такому случаю достаточно глубокую ямку, дабы в набежавших сумерках никто не увидел отблесков огня. Рядом висел котелок, в котором булькала закипающая вода – будущая грибная похлебка. В нее в скором времени превратится треть плитки концентрата.

Вход в пещеру я обезопасил проверенным способом – «растяжкой» из гранаты с лазерным чувствительным элементом. Крупный зверь не пройдет – разнесет на куски, а от всяческой мелочи прекрасно защищал боевой костюм. В этот раз шлем снимать не стал. С затекшей к утру шеей придется смириться.

Вскоре местный длинноухий грызун был готов, равно как и густое грибное варево, и я с удовольствием поужинал, приправив диетическое мясо солью и перцем из сухого пайка. Напился вкусной холодной воды из ручья, и не отказал себе в десерте – паре глотков коньяка с остатками шоколадки. После сытной трапезы меня, как и следовало ожидать, стало неумолимо клонить в сон. Я особо не сопротивлялся и благополучно вырубился, не забыв перед отбоем ополоснуть котелок, чтобы к утру он не оброс слоем застывшего жира.

Кто-то может сказать, что я излишне беспечен. Не могу согласиться с этим утверждением. В условиях боевых действий такое поведение, без сомнения, выглядело неадекватным – ножом в спину получил бы уже во время первой ночевки. Но нужно учитывать, что в этом случае я бы работал в составе группы, и мы бы остановились на ночь с соблюдением всех требований безопасности, и уж точно организовали бы охранение. В одиночку же, в самом сердце крупного лесного массива опасаться следовало только хищных животных и мелких насекомых. Опять же спать по-любому нужно, поэтому приходилось идти на некоторый риск. Впрочем, на следующее утро, проснувшись живым и здоровым, я убедился, что в своих предположениях не ошибся.

Система Риггос-2, планета Ахерон, окрестности Базы-7

25 февраля 2535 года

Ночь прошла спокойно. Пару раз я вскидывался, потревоженный громким шорохом, напоминавшим тяжелые шаги, а ближе к утру какой-то массивный зверь изрядно на шумел в прибрежных зарослях. Но непосредственно в убежище никто лезть не пытался, а потому я благополучно засыпал, матерно обругав визитеров.

Мне снилась Ольга. Подсознание выуживало из памяти самые приятные воспоминания и оформляло в виде грез, немного ирреальных, но чертовски приятных. Открывать глаза не было желания – казалось, что стоит только проснуться, пусть на мгновение, и волшебная иллюзия тихо рассеется, оставив меня наедине с самим собой и окружающим миром. Однако, против ожиданий, каждый раз, проваливаясь в сон, я вновь видел Ольгу – грустную или улыбающуюся, задумчивую или смеющуюся, но всегда одинаково обворожительную.

Как известно, все в нашем не самом лучшем из миров имеет конец. Особенно быстро заканчиваются наиболее приятные вещи. Не стала исключением и нынешняя ночь, плавно перешедшая в предрассветные сумерки, а затем и в полноценное утро. Хочешь не хочешь, а пора вставать. Благо погода радовала – на небе ни облачка, безветренно, удивительно тепло для столь раннего часа. Ничего сверхъестественного, здесь лето в разгаре.

Как я вчера и предсказывал, шея дико затекла, так что я едва мог повернуть голову. Пришлось снять шлем и некоторое время потратить на массаж, пока не восстановилась нормальная циркуляция крови. Окончательно проснувшись, приступил к водным процедурам. Был соблазн залезть в озеро целиком, но осторожность победила – неизвестно, кто может в нем обитать. Да и оставаться голым, безоружным и, стало быть, абсолютно незащищенным не хотелось. Потому ограничился умыванием, зато предавался этому делу долго и с удовольствием.

Позавтракав остатками вчерашнего жаркого и воспоминаниями о кофе, который варил автомат на базе (что удивительно, во времена оны я этот напиток за кофе не считал, а теперь он казался верхом совершенства), деактивировал «растяжку», навьючился имуществом и отправился в путь.

Базу-7 от объекта, обозначенного на карте как Полигон-1, отделяло без малого сто пятьдесят километров. За предшествующий день я покрыл около десяти. Учитывая, что сегодня вышел с самого утра, до темноты надо пройти не менее тридцати-сорока километров, по дороге озаботившись добычей пропитания и поиском места для ночлега.

Шагалось легко и радостно. Это даже маршем можно было не считать – так, приятная прогулка. Никакого тебе бурелома, никаких непроходимых зарослей, да и овраги попались всего дважды. Собственно, овраги – слишком громко сказано, их даже обходить не пришлось, до того мелкие и с пологими склонами. Ближе к полудню меня ждал не очень приятный сюрприз: лес начал редеть, а потом оборвался опушкой. От места ночлега ушел километров на десять, прежде чем уперся в довольно широкую – километра три, если на глаз, – прогалину между соседними лесными массивами. А я и забыл, что настоящие леса только от полигона начинаются, а до него километров на сто лесостепь. Но это еще полбеды – к югу километров через двести сплошная степь раскинулась. Хорошо, что мне туда не надо.

Впрочем, пересечь поле все равно необходимо. Тут два варианта, и оба мне одинаково не нравились. Можно положиться на скорость движения, а можно на скрытность. Во втором случае потери времени обещали стать значительными: совсем скрытно – это только по-пластунски. Такими темпами до места я и за две недели не доберусь. Пришлось идти на компромисс.

Я незаметно подобрался по кустам к самому полю и еще раз оценил обстановку. Оказалось все не так плохо – травостой был по пояс, растительность сочная и зеленая, самое время для сенокоса. Но здесь, по-видимому, подобной ерундой никто не заморачивался. Поэтому я решил идти чуть пригнувшись. Предварительно озаботился элементарной маскировкой, для этого вместо веток натолкал под ремни снаряжения пучки травы, не забыв несколько нацепить на шлем и горб рюкзака. Получилось сносно, силуэт размывался достаточно качественно. Еще раз осмотрел себя и, довольно хмыкнув, пошел дальше. Шагать в скрюченном положении затея сомнительная, чую, пока до леса доберусь, спина отвалится. Но придется терпеть.

Через каждые двести-триста метров я замирал и внимательно прислушивался. Местность хоть и открытая, но ровностью рельефа похвастать не могла: поля тянулись волнами с небольшими, в пределах двух метров, перепадами высот, поэтому вполне можно было проложить

путь по мелким балкам. Что, с одной стороны, облегчало положение – увидеть издали меня было труднее, а с другой – могло сыграть на руку потенциальному противнику, потому как и я вряд ли смогу засечь его на достаточном расстоянии. Вот и приходилось полагаться на остроту слуха. Кроме того, в тех местах, где рельеф позволял, я осматривал окрестности через монокуляр с максимальным увеличением.

Прогалину пересек минут за сорок, и это с учетом частых остановок и низкого темпа ходьбы в положении пригнувшись. В общем, я остался доволен – скорость сохранил почти такую же, как и в лесу, несмотря на последствия – спину зверски ломило, и затекли ноги. Едва скрывшись в густом кустарнике опушки, я с огромным удовольствием рухнул на мягкий ковер из прошлогодних листьев и свежей травы и принялся массировать бедра. Продолжить путь смог лишь после четвертьчасового перекура. Новый лес все так же радовал чистотой и отсутствием серьезных препятствий.

До темноты повторно пришлось пересекать открытое место. Второй массив в ширину был чуть меньше пятнадцати километров, если верить карте, и отделялся от следующего островка леса четырехкилометровой прогалиной. В этот раз без приключений обойтись не удалось. Добравшись примерно до середины поля, я уже привычно притормозил и прислушался. И неожиданно уловил странный шорох, сопровождавшийся тихим гулом. Я как раз стоял на дне балки и разглядеть окрестности не мог, поэтому пришлось скрытно выползти на самый взлобок, откуда и осмотреться, задействовав монокуляр.

Источник шума обнаружился быстро: с запада в мою сторону двигался караван. Колонна, конвой – как хотите, так и называйте. Состоял он из десятка с небольшим даже не повозок, а волокуш, которые тянули медлительные животные, напоминавшие волов. Эти волокуши и издавали шорох, а гул складывался из шагов скота и голосов людей, которых было довольно много, не меньше полутора сотен. Женщины, старшие дети и старики покрепче шли пешком, прижимаясь к гужевому транспорту. Мальцы и немощные аксакалы располагались среди тюков с разнообразным скарбом. Обогнав караван метров на пятьдесят, двигалась группа вооруженных мужчин числом около двадцати – авангард. Точно такая же группа замыкала колонну. По бокам процессии двигалось еще по десятку воинов, охранявших сородичей от всяческих мелких неприятностей вроде нападения хищников, а заодно и следивших, чтобы никто не отстал, по недомыслию ли, или от недостатка сил. Чувствовалось, что народ к подобным путешествиям привычен, порядок марша отработан и дисциплина блюдется. Не удивлюсь, если у них еще и передовой дозор есть. Точно, вот они – на полкилометра вперед ушли. Тройка быстроногих воинов в легком снаряжении. Хорошо, что они почти в километре от меня, на пересекающемся курсе. Я просто затаюсь, а они спокойно пройдут мимо. И будет нам всем счастье: мне не придется никого убивать, а им, соответственно, никого хоронить не нужно будет. Благо собак у них нет, некому меня засечь и выдать нервным брехом.

Караван неспешно тянулся на восток, а я лежал в невысокой траве, укрытый срезом взлобка, и внимательно наблюдал за людьми, впитывая информацию. Параллельно снимал происходящее на камеру монокуляра – на досуге можно будет пересмотреть материал, глядишь, что полезное удастся обнаружить. Местные жители производили странное впечатление. Одежда простая, холщовая, кожаная обувь типа мокасин, причем у всех, от мала до велика. Женщины в юбках, мужчины в просторных рубашках и штанах, волосы у всех вне зависимости от пола заплетены в длинные косы. Черты лица европеоидные, но складывалось впечатление, что есть в них толика восточной крови. Подавляющее большинство русые, черноволосых нет вообще, зато есть рыжие. Тела стройные, легкие, приспособленные для длительной ходьбы... Да что их расписывать, ничем они не отличались от тех троих, что на меня на базе напали. Мужики вооружены луками, копьями и короткими кинжалами, мечей, топоров или палиц не видно. Доспехи в основном кожаные, равно как и небольшие круглые щиты. Женщины и дети постарше все как один с пращами. Серьезные ребята. Не хочется с такими связываться.

Взгляд снова сфокусировался на волокушах. И тут до меня дошло. Судя по одежде и вооружению, местное население было довольно высокоразвитым в плане ремесел, однако в качестве транспорта использовались совершенно примитивные приспособления. Они не знали колеса! Уж до такого бы колонисты в любом случае не опустились. При этом народ занимался обработкой кожи и металла, ткал полотно. Очень странно. Опять вспомнились слова Калинина о гуманоидных туземцах.

Ну да бог с ними. Колонна благополучно скрылась в очередной балочке, и я продолжил путь. До леса добрался без приключений, передохнул в кустах на опушке и углубился в массив. Время уже шло к вечеру, и следовало озаботиться поиском места для ночлега. В отличие от предыдущего дня сегодня решил воспользоваться картой. Подходящая точка обнаружилась километрах в пяти от опушки и как раз в северном направлении: обширное для такой местности – более километра в диаметре – озеро, с островком недалеко от южного берега. Карта не соврала – примерно через час я вышел к искомому водоему. Как это часто бывает, он по периметру зарос ивняком и прочим влаголюбивым кустарником, а отмели красовались камышовыми стенами, так что пришлось потрудиться, чтобы добраться до воды. Ключок суши метров в ста от берега был увенчан крутобокой известняковой скалой и густо залеплен деревьями.

Из всех возможных путей проникновения на остров я выбрал простейший – решил перейти протоку вброд, благо оружие воды не боялось, а рюкзак и подсумки на «разгрузке» влагонепроницаемые. Оставалось лишь загерметизировать боевой костюм и шагнуть в воду. Озеро здесь оказалось мелковатым, чуть выше головы в самом глубоком месте. А вот дно отвратительное – илистое, захламленное корягами, да и камыши с водяными лилиями изрядно затрудняли передвижение. Видимость никакая из-за поднятого ила, но дорогу кое-как разглядеть можно, так что через протоку перебрался благополучно – патроны-регенераторы вовремя включились в работу, среагировав на изменение плотности окружающей среды.

Выбравшись на крошечный песчаный пляж, украшавший оконечность островка, первым делом осмотрел поверхность протоки на предмет оставленных следов. Следы наличествовали, и заметные – пролом в камышах, отчетливая прогалина в зарослях местных кувшинок, да и дно взбаламучено порядочно. Но, в принципе, ничего страшного – из леса их не видно, а с воды наблюдать кроме меня некому. Это я установил точно, изучив окрестности через монокуляр. Хотя в прибрежных кустах при желании хоть роту десанта спрятать можно, и без боевого сканера их не обнаружишь. Но с данным фактом поделаться ничего было нельзя, а потому я решил на нем не заикливаться. Разгерметизировал костюм, почистил кое-как ботинки и принялся обживать на новом месте.

Осмотрел островок и остался доволен: чисто, сухо, дров набрать не проблема, да и удобное укрытие имелось – у подножия скалы большой кусок известняка почти полностью разрушился от ветровой эрозии, образовав козырек, под которым достаточно просторно, чтобы комфортно разместиться одному человеку. К тому же с двух сторон этот природный карман был прикрыт плотно стоящими деревьями. Если прогалы между ними заполнить кустами, получится своеобразная пещера. Этим я и занялся, нарубив веток с прибрежного ивняка, с внутренней части, разумеется. Заодно и сбором дров озаботился – в зарослях хватало сушняка, принесенного в половодье. В результате в моем распоряжении оказалось уютное логово, защищенное как минимум от непогоды. Здесь же вырыл ямку под костер. Поразмыслив, пришел к выводу, что место достаточно безопасное, а потому спать на голой земле в загерметизированном наглухо боевом костюме я сегодня не хочу. И устроил себе удобную лежанку из мягких веток и травы.

На ужин решил соорудить уху. Леска и крючки у меня были, недлинное удилище срезал в зарослях ивняка, а на наживку пустил земляных червей. Рыбы в озере оказалось много, и уже через полчаса в котелке булькало варево с местными версиями ерша и пары линьков. Третью плитку пшеничного концентрата, равно как и сорванный по пути дикий лук пришлось весьма

кстати. Консервы из сухпайка лучше беречь, пока есть такая возможность. И так днем на ходу из этих запасов перекусывал. Вода в озере тоже была пригодной к употреблению, особенно когда потревоженный ил осел на дно. Все же сырую ее пить не стал, хватало родниковой в бурдюке – питьевой водой я по пути запасался при первой возможности. К счастью, местность изобиловала чистыми ручьями, это вам не пустыня и не сухая степь.

Пока хлопотал по хозяйству, стемнело. Отужинав рыбным супчиком, я обезопасил логово стандартным уже способом – лазерной «растяжкой» – и завалился спать.

Система Риггос-2, планета Ахерон, окрестности Базы-7

26–28 февраля 2535 года

Следующий день промелькнул, как и предыдущие два: километры пути через смешанный лес, кое-где рассеченный степными языками, обед сухомыткой на ходу, неторопливый ужин с главным блюдом в виде поджаренного на вертеле зайца, и ночевка в небольшой песчаной пещерке под вывернутым ураганом дубом. Переход прошел без эксцессов, если не считать мимолетную встречу с местным медведем – зверем сильным и хитрым, но при этом весьма добродушным и ленивым. А потому, в силу озвученных качеств, ему со мной связываться оказалось, что называется, «влом» – он возлежал в центре колючих зарослей, напоминавших малину, и лакомился. Ну и я, понятно, искать приключений на пятую точку не стал, обогнул медвежью делянку за несколько десятков шагов. А зверь тут непуганый, к людям относится не просто легкомысленно, а прямо-таки наплевательски. Даже любопытство неуместное проявляет, которое уже стоило жизни двум зайцам. Из данного факта можно сделать некоторые, очень неприятные, выводы: людей здесь нет, а если и есть, то мало, и они не охотятся. Степняки-кочевники не в счет – те в лес явно не суются. А оседлых аборигенов так до сих пор и не встретил, даже косвенных следов их присутствия не попалось. Все страньше и страньше, как говорила одна литературная героиня. Места-то богатейшие, живи да радуйся – но нет, пусто вокруг. А может, я чего-то не понимаю в местных реалиях. Даже совсем ничего не понимаю – эта формулировка будет наиболее соответствовать истине.

К вечеру преодолел около девяноста километров из ста пятидесяти, то есть прошел «точку невозвращения», после которой обратный путь становился бессмысленным. Проще и быстрее дойти до места назначения и уже там определиться с дальнейшими действиями.

Четвертый день преподнес сюрприз: очередной лесной массив кончился, обрубленный у опушки обширнейшим прогалом. Впрочем, сюрприз – это сильно сказано, по карте я уже давно определился с маршрутом и морально подготовился к необходимости длительного перехода по ахеронской прерии. Это поле являлось последней и далеко не робкой попыткой бескрайней степи отвоевать у леса кусок жизненного пространства – мне предстояло преодолеть около пятнадцати километров ровной, как стол, местности, а потом еще километров пять своеобразного буша с отдельно торчащими деревьями. Обходных путей, которыми, как всем известно, предпочитают пользоваться нормальные герои, не наблюдалось – с востока на запад кусок степи тянулся на сотню километров, а вышел я к его границам аккуратно посередине. Не повезло. Делать нечего, пришлось идти открыто, положившись лишь на скорость движения. Тут главное задать ритм и стараться его не нарушать, благо рельеф способствовал, можно даже бежать при желании. А потому я скорым уверенным шагом отмерял километр за километром, не отвлекаясь на перекуры и любованье окрестностями. В результате пересек равнину за рекордные три часа, позволив себе короткую передышку лишь в начавшемся редколесье – предвестнике Великой Пущи, которая тянулась дальше на север до самого полярного круга, где и уступала место холодной тундре. К вечеру пересек полосу молодого подлеска с разбросанными тут и там купами взрослых деревьев и углубился в чащу на десяток кмэ, вновь расположившись на ночлег на берегу глухого озера. До цели оставалось еще чуть менее тридцати – неполный дневной переход.

Отужинал традиционной ухой из свежевывловленной рыбы и с чистой совестью завалился спать. На этот раз соорудил себе некое подобие гнезда в развилке могучего дуба, благо одна ветка, чуть не в полтора обхвата толщиной, тянулась параллельно земле на высоте трех с небольшим метров. Не очень удобное ложе, но совершенно безопасное, как выяснилось ночью. По крайней мере, стая волков в десяток голов добраться до моего брэнного тела не смогла. Зато твари разбудили меня возбужденным скулежом и возней. Впрочем, они быстро поняли, что я недосыгаем, а потому лишь порычали разочарованно и убрались восвояси, избавив от необходимости устраивать локальный геноцид серого племени.

Поднявшись с утра пораньше и озаботившись водными процедурами, а также легким завтраком, я снова отправился в путь. Теперь шел осторожно, периодически останавливался и прислушивался к окружающему миру, но признаков близкой опасности не ощущал. Лес стал глуше и захлавленной, чем в предыдущие дни, иногда я даже пускал в ход мачете, чтобы расчистить проход в густых зарослях. Один раз пришлось обойти глубокий овраг, неведомо как возникший в сердце пуши. Провал в земле был похож на борозду от падения достаточно крупного объекта, например, атмосферного бота, и это многое объясняло. Если он свалился по относительно пологой траектории, да еще и одним куском, то его пятидесятиметровый корпус вполне мог поносить деревья и пропахать порядочную рытвину в несколько сотен метров. А если он еще и взорвался в конце пути, то неподалеку должна найтись нехилая воронка размером с кратер небольшого вулкана. Предположения оказались верны: сделав крюк километров в пять, я обогнул и рытвину, и ямину, в которой запросто мог поместиться легкий крейсер типа «Шилка» – приплюснутый диск диаметром сто метров. Рвануло тут знатно, но по всему видно, что давно – края оврага заметно оплыли и заросли мелким кустарником. И если бы не его глубина (почти на всем протяжении не менее десяти метров), и не крутизна склонов, я бы просто пересек ров в любом месте. А так пришлось обходить, потратив время. Хорошо хоть, что взрыв был не ядерный – «термояд» на атмосферной технике не использовался, довольствовались более традиционными реактивными двигателями в купе с антигравом.

В итоге из-за постоянных задержек к полигону я вышел лишь в четвертом часу пополудни, по пути не забыв пополнить запас питьевой воды в чистом лесном ручье и подстрелив очередного любопытного зайца. А что, хорошо здесь, почти как на курорте – природа, питание диетическое. Еще бы любимую женщину в комплект, и был бы рай. Жить бы тут остался. Вырыл бы землянку на берегу озерца, частоколом окружил и изображал Робинзона Крузо. Но это все лирика, а сейчас передо мной стояла важная практическая задача: как на огромной территории Полигона-1 (между прочим, общая площадь почти двести квадратных километров) отыскать следы пребывания людей? Так ничего и не решив, положился на многовековой народный опыт, подсказывавший, что утро вечера мудренее, и принялся устраиваться на ночлег.

Глава 3

Система Риггос-2, планета Ахерон, Полигон-1

28 февраля 2535 года

Двести квадратных километров сильно пересеченной местности, частично заросшей лесом, с разбросанными тут и там руинами... Попробуйте в одиночку найти здесь свидетельства присутствия людей, и я сниму перед вами шляпу. Хотя бы за упорство, потому как меньше чем за пару-тройку месяцев такие просторы осмотреть нереально. У меня этого времени нет, но нужно – кровь из носу – отыскать вменяемых местных. Можно, конечно, пересечь территорию полигона и направиться напрямиком в Чернореченск, но тут уже начинали бунтовать рефлексы, вбитые в подкорку за годы службы: нельзя соваться в потенциально опасное место без разведки. А как ее провести, когда ты один-одинешенек, даже элементарной связи с базой нет, равно как и самой базы. Не привык я в таких условиях работать, да и мало кто в нашей армии чувствовал бы себя в своей тарелке, в одночасье лишившись всякой технической поддержки. Разучились мы без сложной электроники воевать. Без спутниковой навигации как без рук, накрылась начинка боевого костюма – и уже не боец, половина эффективности потеряна. Нельзя так, неправильно. Однако, как ни крути, это темная сторона технического прогресса, от которой никуда не денешься: куда, нафиг, с подводной лодки, в которую человеческая цивилизация превратилась? Лиши современного среднестатистического индивидуума элементарных удобств, которые в повседневной жизни незаметны, и протянет он несколько дней максимум. Военные хотя бы специальную подготовку проходят, но и они слишком привязаны к снаряжению.

Впрочем, хватит скулить, надо делом заниматься. Пусть нет связи со спутником на орбите, да и самого спутника тоже, и радар не работает, потому что баллистический комп приказал долго жить, но мозги-то в наличии, и неплохо бы ими пораскинуть. Как сказал, любо-дорого послушать! Рано еще мозгами раскидывать, шевелить ими надо. В КПК есть подробная карта полигона, хоть и столетняя, но сильно сомневаюсь, что за прошедшие десятилетия кто-то озаботился реконструкцией объекта. Если только легорийцы со свойственной им тщательностью проутюжили тут все фугасами. Но это мы скоро проверим: согласно карте, пятью километрами восточнее располагался малый наблюдательный комплекс, обслуживавший артиллерийское стрельбище. Комплекс небольшой – пара приземистых двухэтажных зданий, в которых размещались во времена оны наблюдатели с оборудованием. Вот к нему и направимся, вдруг там что-нибудь интересное попадется. А если ничего полезного не найду, пройду еще семь километров и выйду к стрельбищу, но уже не артиллерийскому, а стрелковому, на котором индивидуальное ручное оружие испытывали. Там чуть ли не целый городок со складами, тирами, мастерскими и казармами. Следующий на очереди узел связи, но до него далеко – километров около двадцати на северо-восток. И совсем уж напоследок оставляю автопарк с его гаражными массивами и ремонтными мощностями. Этот объект, по логике, первым должны были разбомбить.

Определившись с текущей задачей, я бодро зашагал вдоль периметра, местами сильно поврежденного эрозией. Лес подступал к стене почти вплотную, за сотню лет отвоевав двухсотметровую полосу безопасности. Кусты и цепкие лианы оплетали плиты пролетов, вгрызались корнями в малейшие щели и постепенно разрушали обветшавший пенобетон – того и гляди, завалится заборчик. Потому идти я предпочел с внутренней стороны, практически свободной от деревьев, а колючие кусты, то и дело попадавшиеся на пути, воспринял как неизбежное зло. Тем более что ткань бронекомбеза они повредить не могли, равно как и крепчайшие десантные ботинки.

Территория полигона оказалась сильно запущенной, что неудивительно, но все еще чувствовалось, что когда-то здесь были людские владения. Теперь же округу заполонил кустарник, а местами попадались и полноценные лиственные деревья, как одиночные, так и целые купы. Однако даже на рощицы такие скопления не тянули. Вдоль внутренней стороны периметра когда-то тянулись широкие дороги для наземной техники, но сейчас покрытие повсеместно разрушено корнями и вспучено причудливыми пенобетонными торосами. Удобства ходьбе это тоже не добавляло. Все же мне удавалось sporo перемещаться на восток, хоть я и терял немало времени, осматривая окрестности. Несколько раз в стенах попадались проломы, но было видно, что плиты рухнули, подточенные эрозией и вездесущими выюнами, а не разрушены, например, выстрелом из гранатомета. Часто встречались звериные тропы, да и просто следы. А вот примет недавнего человеческого присутствия не заметно.

Пять километров смешное расстояние даже для такой пересеченной местности, а потому уже меньше чем через час я изучал здания наблюдательного комплекса через монокуляр с максимальным приближением, приспособив под укрытие заросшую кустами ложбинку. На первый взгляд постройки повреждений не имели, но после более тщательного их осмотра я пришел к выводу, что те необитаемы и заброшены очень давно. В окнах отсутствуют стекла, или что тут вместо них использовалось, двери распахнуты. Дорожки и заасфальтированные площадки перед входом растрескались и заросли сорняками, стены местами сильно подточены ветром – пенобетон не вечен, без обслуживания быстро ветшает и начинает крошиться. Вроде безопасно. Нужно заглянуть в здания, удостовериться, что тут никого, и идти дальше, к стрельбищу. Хотя уже тот факт, что строения не разрушены бомбардировкой, внушал определенную уверенность. Не то что на Базе-7, где каждый квадратный метр территории был проутюжен фугасами.

Здания действительно оказались пустыми. То есть абсолютно. Все, что можно было вынести, кто-то заботливо переместил в другое место, даже рам в оконных проемах не осталось. Все поверхности покрыты толстым слоем пыли, на которой не отпечаталось ни одного следа, хотя бы отдаленно напоминавшего человеческий. Птичьи имелись, но и только. Я прошел вглубь холла, разворошив ботинками рыхлый налет, и незамедлительно об этом пожалел. Пыль взвилась в воздух, заполнив все помещение, так что пришлось включить фильтр в шлеме, да и на видимости это сказалось отрицательно. Очевидно, что на дальнейший осмотр тратить время незачем, никого в этих постройках как минимум пару-тройку лет не было. Хотя, как ни крути, отсутствие результата тоже результат. С тем и вернулся на улицу.

Под номером два в моем личном списке местных достопримечательностей числилось стрельбище, располагавшееся семью километрами восточнее. Время до темноты есть, еще до сумерек доберусь, а там, как говорили в одном веселом городе, «будем посмотреть». По крайней мере, место для ночлега успею найти засветло, благо об ужине и пополнении запасов воды беспокоиться не надо – с утра позаботился.

Приняв решение, я с максимально возможной скоростью направился на восток, все так же придерживаясь внутренней стены периметра. Маскировкой не заморачивался, шагал беспечно, справедливо полагая, что лучшей защитой от неприятностей сейчас будет скорость, а не скрытность. Тем более что не по чистому полю пру, стена прикрывает. И разглядеть меня можно только с территории полигона, а он зарос изрядно за сотню-то лет. Дело шло к вечеру, местное светило за спиной уже подкатывало к горизонту, да еще и усталость давала о себе знать – все же с раннего утра на ногах, отмахал уже чуть не сорок верст. Поневоле темп снизил, поэтому до точки добрался только через полтора часа.

Стрельбу я услышал, когда до цели осталось меньше километра. Сначала даже не понял, что это за странные звуки – сухие, резкие, перемежающиеся треском ломающегося хвороста, причем такое ощущение, что его ломали сразу пучками. И лишь потом дошло, что это пальба. Я выстрел винтовки Мосина хорошо знаю, и в видеохрониках слышал не раз, и в тире музея,

где мой отец работает, самому из нее стрелять приходилось. Очень похоже, только почему-то глуше, примерно как СКС кашляет. Может, из-за расстояния? А хруст ломающегося сушняка всего лишь очереди из легендарного АК – автомата Калашникова. Хорошо, что предок мой историк, причем конкретно оружейного дела. У него знаний нахватался, а то нипочем бы не понял, что за трескотня такая. Современное оружие совсем по-другому на слух воспринимается: хлопок негромкий, когда воздух через сверления заполняет ствол вслед за вылетевшей с бешеной скоростью пульей, да глухое гудение магнитных катушек непосредственно в момент выстрела. И никаких больше спецэффектов. Правда, сам унитар в полете свистит почти на ультразвуке, бывает, что и ухо режет.

Присев за ближайшим колючим кустом, замер и внимательно прислушался. Похоже, садили из нескольких винтовок, а вот огрызался лишь один «калаш», экономно, короткими очередями. Кто-то в беду угодил, однако. Надо бы помочь. Мои симпатии уже были заочно отданы автоматчику, по той простой причине, что он с большей вероятностью мог иметь отношение к местной власти, нежели его противники. Все-таки автоматическое оружие атрибут государственных структур, а не частников-анархистов. С другой стороны, криминальным элементам на законодательство плевать... Чего-то в дебри залез, да и мысль стереотипно, по нормам Федерации. Здесь вообще все может оказаться повернутым с ног на голову. А, пофиг! Не люблю, когда толпой на одного, так что решено. Откуда здесь огнестрел пятисотлетней давности взялся, потом разберусь.

В район стрельбища я выдвинулся скрытно, одолев последние метров семьсот по подлеску и колючим кустам, и устроился на подвернувшемся крошечном холмике, в самую гущу акации влез, не поленился. Замаскировался качественно, а тут еще и сумерки опустились, пока еще не очень густые. Несмотря на это, обзор с моей позиции открывался приличный, видно было и приземистые строения складов с мастерскими, и непосредственно стрельбище с оборудованными ячейками, заросшее и запущенное. Пальба не утихала, и в подступающей темноте дульные вспышки моментально выдали всех действующих лиц драмы. Не пришлось даже монокуляр в режим ночного видения переводить.

Автоматчик засел в дальнем пакгаузе и изредка огрызался короткими очередями через подслеповатое окошко. До его укрытия от меня было метров сто, не больше. Осаждали его пятеро бойцов с винтовками, причем залегли они за срезом вала, ограничивавшего стрельбище, метрах в двухстах или чуть меньше от убежища автоматчика. Укрывались грамотно, огонь вели экономно, судя по всему, просто стремились не дать осажденному возможности выбраться из амбара и скрыться в зарослях. Стреляли трое, а еще двое скрытно выдвигались к постройке, намереваясь зайти со стороны боковой стены. В ИК-режиме, который я все же активировал в монокуляре, их было прекрасно видно. Правда, возник нюанс: без баллистического компа антибликовое покрытие забрала в сумерках стало совсем непрозрачным, хуже даже, чем в темных очках в подвале без света. Пока по лесу шел, особо защитой не заморачивался, а тут загерметизировал шлем, чисто на всякий случай – и сюрприз! Пришлось забрало откинуть, наплевав на возможность словить пулю в лицо. Впрочем, зарубку на память сделал – будет время, озабочусь.

Позицию я занял выгодную – сбоку от обеих конфликтующих сторон – и при желании мог бить на подавление как по автоматчику в пакгаузе, так и по стрелкам на валу, вопрос только, нужно ли мне это. Поразмыслив, все же решил, что нужно. Как раз в этот момент первый из пары диверсантов выскочил из кустов метрах в двадцати от строения, давшего прибежище владельцу «калаша», и попытался рывком преодолеть открытое место, подставившись под фланговый огонь. Я поспешил воспользоваться шансом: пропустив бегуна почти до угла амбара, дождался, когда из кустов выскочит второй, и снял первого короткой очередью. Второй на расправу среагировать не успел, и неся сломя голову до тех пор, пока оную не расколола пуля. Унитар стандартный с такого расстояния прошивал незащищенного человека насквозь,

оставляя небольшие входные отверстия и куда менее аккуратные рваные дыры на выходе, а потом еще глубоко вгрызлся в потемневшую от времени стену. Так что незадачливые штурмовики отбыли в страну вечной охоты, не успев даже вскрикнуть.

Засевшие за валом стрелки, похоже, не поняли, что произошло, равно как и автоматчик на складе – вялая перестрелка шла своим чередом. А я в окончательно сгустившихся сумерках бесшумно скользнул к позиции оставшейся тройки, беззастенчиво пользуясь преимуществом в экипировке.

Почему я решил помочь человеку в пакгаузе? А хрен его знает, если честно, хотя кое-какие соображения уже высказывал, а теперь еще больше укрепился в этом мнении. Ну вот не нравится мне, когда пятеро на одного. И, мало того, боец-соло достаточно успешно противостоит многократно превосходящему противнику, то есть демонстрирует завидную выучку вкупе с выдержкой – оч-чень вероятно, что государев человек, а не левый мафиози. И мне элементарно выгоднее поддержать более перспективный источник информации – форс-мажор форс-мажором, но задание никто не отменял. Плюс интуиция, которой привык доверять. Соответственно, и дальше действовал без колебаний и лишних раздумий, каковые мой отрядный старшина имел обыкновение именовать соплежуйством и безжалостно выбивал из новобранцев.

Зашел стрелкам со спины, как положено по логике боестолкновения (все трое всаживали пулю за пулей в пакгауз, не слишком напрягаясь тщательным прицеливанием), и затаился в кустах. Точно, огонь на подавление ведут, больше надеются на двойку «диверсантов», чем на собственную меткость. Делом увлечены, по сторонам не смотрят, вот меня и проморгали. А мне только того и надо.

Рассмотрев будущих жертв во всех подробностях, пришел к выводу, что на давешних кочевников-аборигенов они совершенно не похожи. Добротная одежда вполне себе современного дизайнера из грубой брезентовки защитного цвета – штаны с накладными карманами, куртки-штормовки, банданы. На ногах крепкие ботинки с высокой шнуровкой, а один и вовсе в кирзачи обут. Я такие сапоги только в хрониках видел. На спинах рюкзаки, на поясах ремни с патронными подсумками. У всех ножи фабричного качества, и небольшие топоры к «сидорам» приторочены. Серьезно экипированы ребята, как раз по лесу ходить. Хрестоматийные, можно сказать, туристы. Но самое сильное впечатление произвели винтовки. По звуку на «мосинки» не очень похоже, глуше и не так хлестко, ошибся я. Зато по устройству типичные магазинные «болты» с зарядом из обойм, хоть и выглядят необычно: вместо деревянного ложа угловатая конструкция из зеленого пластика. Приклад, тоже пластиковый, со щекой и резиновым затыльником, совмещен с пистолетной рукояткой, как на СВД. Оригинальная конструкция, в общем.

Горе-стрелки продолжали увлеченно палить по амбару, один даже что-то азартно выкрикивал при выстреле, я не смог разобрать, что именно. Показалось, что матерится, причем по-русски, а вот это уже прямая заявка на общение, пусть и не добровольное – буду этого говорливого в плен брать. Вот только лежат плотно, из «вихря» можно всех попортить, даже без умысла. Рациональнее будет использовать что-нибудь менее убойное.

Приняв это судьбоносное (для некоторых – в прямом смысле слова) решение, сунул автомат в фиксатор на рюкзаке и извлек из кобуры пистолет. Заменял магазин с УОДами на усиленные унитары – нечего грязь разводить, броников на противнике не видно, – подобрался к стрелкам метров на пять, если не ближе, привстал на колени и прострелил головы двоим. Пистолетные УУ по пробивной силе лишь немногим слабее автоматных уэсок, так что они прошли насквозь кости и мозг, даже не заметив преграды, и ушли глубоко в землю. Оба незадачливых «туриста» уткнулись лицами в дерн, не издав ни звука.

А вот третий оказался шустряком: такое впечатление, что взгляд через прицел почувствовал, и суетливо перевернулся на спину, направляя на меня самопал. Двигался стрелок неук-

ложе и дергано, и это обстоятельство сыграло с ним злую шутку – пока он силился совладать с футуристической «мосинкой», я успел выпрыгнуть из положения «на колене», преодолеть разделявшее нас расстояние и от души врезать по стволу ногой. Металлизированная подошва десантного ботинка встретила с пластиковым ложем – звук получился громкий, сочный, – и винтовка улетела в кусты, вывихнув боевику пальцы. А затем в нос ему уперся мой АПС-17.

– Лежать!.. – негромко, но твердо приказал я. – Дернешься – словишь пулю для начала в ногу. Уяснил? Прием.

– У-уяснил... – просипел тот и попытался вжаться в землю.

Это ты, братан, зря. От меня таким макаром не спрячешься.

Мои слова он прекрасно понял, что не могло не радовать, и ответил по-русски, но с каким-то едва различимым акцентом. А может, просто от страха заикался. Не суть. Я отошел от пленника на несколько шагов, удерживая его на мушке, и снова опустился на колено.

– Очень медленно встань, – велел я, для надежности указав направление стволом. – И грабли подними.

«Турист» без звука оказался на ногах и с некоторым трудом унял дрожь в задранных конечностях. Хм... И идиомы понимает... еще разок попробовать?..

– Чего трясешься, как осиновый лист?

– Б-боюсь... Меня сейчас горожанин пристрелит...

Это самое «горожанин» он произнес с ненавистью и страхом одновременно. Занятно.

– Не пристрелит, – заверил я пленника. – Повернись в его сторону и крикни, что сдаешься. Он тебя разглядит, еще не совсем темно.

Кстати, заметил: запертый в пакгаузе автоматчик огрызаться очередями перестал уже довольно давно, еще когда я и половину пути до позиции стрелков не одолел. Патроны кончились, что ли?

– Давай, не тяни резину.

Пленник медленно развернулся к пакгаузу, выставив на всеобщее обозрение поднятые руки, обреченно выдохнул и крикнул:

– Эй, горожанин! Я сдаюсь!

А в ответ тишина... Не верит своему счастью? Или ищет, в чем подвох? Скорее, второе, я бы тоже так просто не купился на внезапную капитуляцию врага. Сначала бы для верности башку ему прострелил и только потом беседовать начал.

– Горожанин! Я серьезно сдаюсь, я один тут живой остался!

– Иди сюда, – донеслось из пакгауза. – Только медленно, и руки держи, чтоб я их видел.

Голос молодой, должно быть, парень лет двадцати – двадцати пяти. И тоже едва уловимый акцент. Но это объяснимо, целый век в изоляции не шутка, в любом случае язык должен был измениться. Чую, та еще будет проблема с подменой многих понятий. Ничего, прорвемся.

– Иди давай, не бзди, – вполголоса подбодрил я пленного. – Не торопись, спокойно. Я за тобой слежу.

И нырнул в кусты, намереваясь контролировать перемещения боевика со стороны, дабы не лезть в сектор обстрела засевшего в амбаре паренька. Лучше подстраховаться, чем потом синяки на ребрах залечивать.

Стометровое стрельбище преодолели за пару минут, причем я постоянно скрывался в зарослях, что совершенно не мешало держать пленника на прицеле. Тот понуро шагал к пакгаузу, сложив руки на затылке, и мрачно озирался в тщетных попытках меня обнаружить. Дольший номер. И не такие пробовали и с носом оставались – я скрытному перемещению по лесу у егерей обучался, а они в этом деле великие мастера.

Пленник остановился, не доходя пяти шагов до склада – из окошка показался автоматный ствол, и владелец «калаша» велел «туристу» встать лицом к стене и упереться в нее руками, раздвинув ноги шире плеч. А что, толково. Мы в таком раскоряченном положении обычно

захваченных черных археологов обыскивали. Как только стрелок выполнил команду, дверь амбара отворилась, и из него выскочил невысокий паренек в камуфляже плохо различимой в сумерках расцветки. Ткнул раскоряченного пленника стволом в печень, от чего тот глухо охнул, и ловко охлопал его свободной рукой. Скрытого оружия не обнаружилось, кроме разве что охотничьего ножа на поясе. Клинок отлетел в сторону, тускло блеснув в свете двух лун, и зарылся в пыль. Удовлетворенный осмотром автоматчик отошел на несколько шагов назад и недоуменно осведомился:

– А где остальные? Вас же пятеро было?..

– Умерли, – буркнул «турист».

– Не понял, – поразился парень. – Как умерли? Кто их убил?

Ага, пора выходить из тени. Вообще, по уму, надо было давно себя обозначить, еще от вала крикнуть. Вот только сильно сомневаюсь, что удалось бы в этом случае до паренька добраться. Хрена с два бы он из пакгауза вылез. Так и сидел бы внутри, а я снаружи доказывал, что не гадский шпион и не привидение. А так он просто обалдел от неожиданного подарка небес и осторожность потерял, что вполне можно списать на нештатную ситуацию.

– Это я их перебил, – заявил я, с опаской шагнув из кустов. «Калаш» покруче праци будет, а у меня еще и забрало откинута. – Не дергайся.

Парень прищурился, вперив в меня злой взгляд – монокуляр такие подробности различить позволял, а вот цвет физиономии уже нет. Но готов поспорить на годовой оклад, что он наверняка сблел с лица. Однако автоматом воспользоваться не попытался, правильно оценив обстановку, что лишний раз свидетельствовало в его пользу. А ничего так паренек, сообразительный.

– Не очкуй, с-сынок, – хмыкнул я и прикусил язык – слишком уж обращение получилось ироничное. По привычке вырвалось, мы в отряде так салабонов звали. – Я просто хочу погово-
ворить.

Тот не повелся, и игра в гляделки продолжилась даже несмотря на то, что мой АПС-17 был направлен строго парню в переносицу. Упрямый, гад!

Неизвестно, чем бы это противостояние закончилось, если бы оставшийся без присмотра пленный не решил, что это его последняя возможность спастись, упускать которую по меньшей мере глупо. Я бы сказал, что шанс если не выиграть вчистую, то хотя бы в случае чего прихватить обидчика с собой у автоматчика был. Но «турист» невольно сыграл на моей стороне: отлипнув от стены, он прыгнул к парню в камуфляже и попытался прикрыться его тушкой, захватив одной рукой шею, а другой «калашников». Хорошая попытка, но безуспешная – паренек успел засечь мельтешение за спиной, мгновенно развернулся и встретил стрелка прикладом в лицо. Пленник прикрылся руками, так что удар пришелся вскользь, но на ногах не устоял. Правда, тут же ловко подшиб паренька под колени, и тот с размаху свалился на землю, чувствительно приложившись головой. Автомат он не удержал, и оружие отлетело в сторону, что еще сильнее взбодрило «туриста». Не пытаясь больше нападать, он на четвереньках рванул к зарослям и через несколько метров поднялся на ноги.

Надо отдать стрелку должное – он почти успел. Вложил в рывок все оставшиеся силы и все отчаяние, и даже чуть-чуть больше. Однако «почти», как известно, не считается: пистолетная пуля оказалась быстрее. Не пожелав упускать альтернативный – и халявный! – источник информации, я аккуратно прострелил «туристу» правое бедро. Унитар прошел навывлет, не задев кость, но нога подломилась, и беглец рухнул как подкошенный, взыв от боли. Все, теперь не уйдет. Рана не опасная, но весьма и весьма неприятная.

Радовался удачному выстрелу не долго – аккуратность вышла боком: я отвлекся на стрелка, чем протный паренек, быстро оправившийся от падения, и воспользовался – врезался в меня всем телом, захватил вооруженную руку, отпихнул куда-то вверх, и мы грузно осели на землю, причем он навалился сверху. Дыхание не вышибло – спасибо рюкзаку и бронику, – а

потому я вовремя среагировал на его движение: не отпуская хват, парень чуть отстранился, выгадав немного свободного места для замаха, и попытался всадить мне в глаз нож, до того мирно висевший у него на поясе. Заблокировав удар левым предплечьем, я незамедлительно вцепился ему в воротник и натянул на встречный удар забралом. Парень мгновенно обмяк, отчего я внутренне обмер – не переборщить бы, саданул, что называется, от души, – но почти сразу перехватил его ословелый взгляд и для надежности долбанул рукояткой пистолета в висок. На сей раз аккуратно, но и этого оказалось достаточно.

Спихнув поверженного противника, я неторопливо поднялся и направился к подранку – тот как раз силился доползти до кустов, поскуливая от непередаваемых ощущений. Интересно, на что он надеялся? Что сумеет спрятаться в зарослях? Или что про него в кутерьме все забудут? Наивный. Или глупый. А может, и то и другое сразу. Беглец с ужасом уставился на меня, но я не стал долго испытывать его нервную систему и просто и без затей вырубил незадачливого пленника ударом в темя.

* * *

В амбаре оказалось неожиданно уютно, хоть разожженный в специально оборудованном очаге трескучий костер и настраивал на минорный лад. В неверном свете плясали по стенам и потолку причудливые тени, отчего дальний угол пакгауза казался сценой театра кабуки, не хватало только толпы благодарных зрителей. Специфическое восприятие окружающей действительности усиливало пламя, то и дело рассерженно шипевшее жиром, капавшим с насаженного на вертел зайца. Рядом в подвешенном на треноге котелке закипала вода. В общем, полная идиллия. Вот только не давали расслабиться тревожные мысли, роem носившиеся в голове. Я уже не первый десяток минут сидел вот так, уставившись в огонь, да и перед тем довольно долго суетился, но тяжелое чувство неопределенности все не отпускало.

Чуть в стороне от очага громоздилась куча снаряжения – и моего, и трофеев. Едва запев массивную дверь на кованый засов, я с облегчением избавился от порядком надоевшего рюкзака и сбросил броник с «разгрузкой», равно как и несколько дискредитировавший себя шлем. При себе оставил лишь набедренную кобуру с пистолетом. Наплечники с перчатками тоже снял, как и ножны с мачете, обеспечив некое подобие комфорта, и сейчас – особенно на фоне нескольких ночей, проведенных в полной сбруе – откровенно кайфовал. А то привык уже, что по утрам шея отваливается и спина разгибается с трудом. Но сегодня можно расслабиться, тем более автомат рядом – стоит только руку протянуть. Здесь же грудой свалены пять винтовок-«мосинок» (все-таки решил их так называть, для простоты) и два «калашникова» – моя сегодняшняя добыча. Второй АК нашел рядом с еще одним пареньком в камуфляже, только мертвым – он лежал в проходе между складами, чуть ли не под колесами открытого автомобиля-внедорожника. Пуля попала парню в лоб и вынесла затылок, так что умер тот мгновенно, даже понять не успел, что произошло. Видимо, врасплох застали.

Я, между прочим, тоже хорош. Ситуацию более-менее разрулил – в меру способностей и фантазии, – а вот что дальше делать, сообразил далеко не сразу, казалось отсутствие аналогичного опыта. В результате решил заглянуть в пакгауз, который успешно оборонял давешний автоматчик. И не прогадал: усиленному монокулярном орлиному зрению открылось просторное помещение, явно частенько использовавшееся для ночлега. Оно было разделено пополам деревянной перегородкой чуть ниже человеческого роста, причем в передней части устроены места для хранения всяческих грузов, будь то ящики, бочки или иная тара. Возле входа аккуратная поленница, рядом – сварная емкость с водой. За перегородкой скрывались грубо сколоченные, но крепкие на вид нары, опоясывавшие помещение по периметру, а к задней стене приткнулось подобие очага с вытяжкой. Здесь же лежала немудреная кухонная утварь – тренога, вертел, разделочная доска и прочие мелочи. Если на глазок, то в этом амбаре могли с минимальным

комфортом и максимальной безопасностью скоротать ночь человек десять. Для меня с пленниками тем более места хватило.

С них-то я и начал – затащил обоих в «спальню» и уложил в уголок, не забыв связать по рукам и ногам. А то еще очухаются и снова в драку полезут. В принципе, подранка можно не опасаться – простреленное бедро резвиться не даст. Главное, чтобы кони не двинул раньше времени. Для успокоения совести разрезал штанину и осмотрел рану, убедившись, что пуля прошла навывлет, прошив мышцу, но кость не задела, равно как и крупных сосудов. Решительно придушив жабу, залил поврежденные участки гелем-антисептиком и замотал широким эластичным бинтом – для такого ранения более чем достаточно. Гель еще и обезболивающее действие оказывает, но не стопроцентное, мышцу чуть подергивать будет. Ничего, потерпит, не красная девица. Его, по уму, вообще пристрелить надо бы, но пусть пока живет, может, получится пообщаться. Ага, еще на темечке шишка – след пистолетной рукоятки. Но это вообще мелочь, оставим без внимания. Очнуться, кстати, скоро должен – я в удар не вкладывался, слегонца приглубил.

Второй пленник, которого я полагал за потенциального союзника, отделался ссадиной на лбу и синяком на виске. А нечего разводить конфликт на пустом месте, когда можно просто поговорить. На всякий случай обработал сечку гелем и вколол обезболивающее – ему по голове все же нехило досталось, трещать будет, когда паренек в себя придет, и мешать коммуникации.

Закончив возню с ранеными, приступил к более перспективному в данных условиях занятию, то бишь сбору трофеев. А если отбросить политкорректность, то попросту к мародерству. В первую очередь обшмонал пленных: с подранка снял рюкзак и патронные подсумки, а с будущего союзника – грубую брезентовую «разгрузку» с автоматными магазинами и парой гранат в отдельных почках. Его же избавил от кобуры с классическим кольцом М1911А1 «Правительственная модель», безо всяких футуристических излишеств. После более тщательной проверки «разгрузки» нашлись и запасные магазины странной формы, похоже, двухрядные. Снарягу примитивом и кустарщиной нельзя было назвать при всем желании, явно фабричного изготовления. Да и оружие сильно потрепанным не выглядело – попользованное, но отнюдь не антиквариат, скорее новодел. В одном из карманов паренька обнаружился компактный коммуникатор устаревшего образца, и компьютер-наладонник с разбитым дисплеем. Жаль, можно было бы распотрошить на предмет новой информации. Еще на нем красовался бронежилет старинного дизайна, легкий и не стесняющий движений.

Разобравшись с, так сказать, пилотной партией барахла, отправился за трофеями на улицу, где подобрал автомат и нож потенциального союзника, притащил рюкзаки, оружие и снаряжение убиенных стрелков и подранка, и сложил все это кучей в «спальне». Справился всего за две ходки, а потом решил спрятать трупы в соседнем пакгаузе, дабы не спровоцировать ночью нездоровый ажиотаж среди местного зверья. Задействовал экзоскелет и приволок сначала двоих убитых из-за вала, затем «диверсантов». А когда пошел осматривать дверь на предмет открыть, обнаружил между амбарами машину и рядом с ней мертвого напарника пребывавшего в беспмятстве парня. Что напарника, определил по форме – она у них одинаковая и со знаками различия. В отличие от тех же «туристов», одетых всего лишь однотипно, но не идентично. И это лишний раз подтверждало мою мысль насчет государевых людей.

Соседний склад оказался не заперт, но запущен и изрядно захламлен. Впрочем, места у входа было достаточно, и я переместил туда тела стрелков и их противника. Последнего обыскивать не стал, все же соратник потенциального союзника, да и убил его не я. Если с пленным пареньком договоримся о сотрудничестве, он сам о мертвом сослуживце позаботится. Подобрал лишь автомат. Заблокировал дверь, пропустив в петли вместо замка кусок арматуры и скрутив его на пару витков при помощи экзоскелета – теперь точно никакой зверь до убитых не доберется. Машину оставил на месте, справедливо решив, что до утра с ней ничего страшного не случится, только забрал два рюкзака из багажного отсека. Позаботившись таким образом о

трофеях и павших в битве, я заперся в пакгаузе-«гостинице» и принялся готовиться к ночевке, а заодно и ужином озабочился. А когда пламя весело затрещало сухими поленьями, сел у огня и предался тяжким размышлениям, чем и занимался до текущего момента.

От невеселых дум отвлек заворочавшийся пленник. Обернувшись на шум, я встретился взглядом с потенциальным союзником. Тот резко дернулся и глухо застонал, прикусив губу. В неверном свете костра лицо его казалось смертельно бледным и осунувшимся, впечатление усугубляла клякса геля-антисептика. Ну да, когда человека бьют по голове тяжелым тупым предметом, к каковым, без сомнения, можно отнести десантный шлем и рукоятку пистолета, сознание возвращается нехотя и с нехорошими эффектами.

– Сейчас развяжу, – ободряюще улыбнулся я и медленно, чтобы лишний раз не пугать, поднялся на ноги. – Постарайся не делать резких движений.

Выудив из кучи собственного снаряжения нож, перерезал на конечностях напрягшегося парня пластиковый скотч, который использовал вместо веревки. Связывал, учитывая его состояние и перспективы дальнейшего сотрудничества, для проформы, а потому особо не злодействовал. Подранка же упаковал со всем тщанием: руки стянуты за спиной, здоровая нога согнута в колене, задрана к поясу и в таком виде примотана к запястьям. И лежит он на животе в таком натянутом состоянии, не в силах пошевелиться. Простреленное бедро я ему все-таки зафиксировал, чтоб не помер невзначай от болевого шока.

Освободив пленника, я вернулся на свое место и принялся с интересом наблюдать за приходящим в себя парнем. Тот осторожно сел, аккуратно поддержав голову руками, и уставился на меня. Странно, обезболивающее не подействовало, что ли?

– Давай знакомиться, потенциальный союзник! – Я приветливо и чуть ехидно ухмыльнулся, попытавшись придать голосу дружелюбную интонацию. – Поговорим? Или опять драться будешь?

– Поговорим, – нехотя буркнул паренек в ответ.

– Тебя как звать-то?

– Сашка... Александр. Из Иволгиных, – неожиданно легко поддержал беседу будущий соратник.

– Оп-па! Тезки! – восхитился я. – А если официально – капитан-лейтенант Военно-космических сил Федерации Александр Тарасов. Прошу любить и жаловать.

Удивляются люди по-разному. Для кого-то вздернутая бровь и невнятное хмыканье является верхом эмоциональности, а кто-то застывает с отпавшей челюстью. В принципе, большую роль играет объект удивления: одно дело, если тебе сообщили какой-то любопытный факт, и совсем другое, если ты вдруг вляпался в мерзость непонятного происхождения, причем в таком месте, где ее отродясь не бывало. Согласитесь, реакция будет абсолютно разная. В первом случае вы лишь усмехнетесь с иронией, а во втором как минимум ругнетесь матерно. А уж изумленное выражение физиономии врага, словившего пулю или нож как раз в тот момент, когда он уже почувствовал себя победителем, и вовсе не поддается описанию.

Однако удивление Сашки, то есть Александра из Иволгиных, как он отрекомендовался, было несколько иным. Сначала на его лице появилось выражение упрямого отрицания, но через мгновение оно сменилось печатью напряженной мыслительной деятельности, которая плавно трансформировалась в радостно-недоверчивую гримасу.

– Побожись!

– Зуб даю! – хмыкнул я, воздержавшись от более серьезного, но нецензурного обещания. Это его, похоже, убедило, но пытливый ум жаждал подробностей.

– Каких-каких сил? – переспросил он, пожирая меня взглядом.

– Военно-космических. Земной Федерации, – уточнил я на всякий случай. – Да не повредил я тебе мозг, не переживай.

Тот ничего не сказал, лишь внимательно осмотрел меня с ног до головы, потом переключил внимание на снаряжение, сваленное в кучу, скользнул глазами по «вихрю», и только тогда к нему вернулась способность рассуждать здраво.

– А документы есть какие-нибудь?

Вот это правильно, одобряю. Всегда и везде надо требовать подтверждения личности, а то мало ли что незнакомец наплетет, а ты потом расхлебывай. Это если время останется, бывали случаи, что и прямоком на тот свет отправлялись не проявившие элементарной бдительности горе-проверяльщики. Как в старой шутке говорилось? Если у вас нет паранойи, это еще не значит, что они за вами не следят!..

– Держи, – протянул я идентификатор. – Может, еще военный билет показать? Продат-тестат? Бляху с личным номером? Или историю болезни?

Тот на подначку не отреагировал, вцепившись в пластиковый квадратик с фотографией и личными данными. Осмотрел со всех сторон, полюбовался переливами голографического орла и силуэта фрегата на обороте и вернул удостоверение мне.

– Поговорим?

– Поговорим, – вздохнул Сашка, смирившись с неизбежным.

– Ты из Чернореченска? – начал я с самого актуального на данный момент обстоятельства. – И давай лучше сам краткую автобиографию выкладывай, не жди наводящих вопросов.

– Из Чернореченска, откуда ж еще, – подтвердил он. – Лет мне двадцать, по воинской специальности «мародер», то есть поисковик. Сюда с напарником прибыл на встречу с группой местных копателей, которые должны были нам передать кое-какое имущество из раскопок, а они, суки, вместо этого на нас напали. Вдарили залпом из засады. Димона сразу убили, а меня комп спас – пуля в него угодила, плюс броник. Так-то он «мосинку» не держит, особенно вблизи.

А вот это похоже на правду. КПК старинный, но, как бы это помягче... военный. И этим все сказано.

– Меня за «бобик» отбросило, вот и не успели застрелить, – продолжил рассказ Сашка. – А потом уже укрылся в перевалке и отстреливаться начал. Дальше ты, наверное, и сам знаешь.

– Знаю, – кивнул я. – Выстрелы услышал, когда от артиллерийского наблюдательного комплекса шел, и решил выяснить, кто с кем схлестнулся. Сослуживца твоего в соседнем складе положил, чтоб зверье не растащило за ночь. Сам думай, что с ним дальше делать.

– Да что тут думать... С собой заберу, в Чернореченске у него родители и сестра младшая, похороним, как положено.

Это правильно, негоже напарника в безымянной могиле оставлять. А я помогу, тем более нам по пути.

– Теперь подробнее. «Мародер» – это кто?

– Армейцы. Спецподразделение поисковое – ищем предметы старинные, из тех времен, что еще до Бойни. В основном электронику, она у нас дефицитная, сами мало что производим. По разгромленным военным объектам шаримся и по развалинам городов. Мародерствуем, короче.

– Успешно?

– Ну как тебе сказать... Когда как. Все перспективные места, что поближе, еще лет шестьдесят-семьдесят назад разграбили. Теперь или в дальние рейды катаемся, верст на пятьсот, а то и больше, или раскопки ведем в округе. Работа опасная и нервная, а потому считаемся элитным спецподразделением, в «мародеры» в училище с четырнадцати лет готовить начинают, курс четыре года вместо двух.

Училище, надо думать, у них вуз военный. По логике, тогда и гражданские высшие учебные заведения должны быть, выходит, знания не утратили, что не могло не радовать. Даже если

не «вышка», а что-то типа колледжей, все равно неплохо. А вдруг еще и архив имеется? Это было бы просто прекрасно.

– А копатели это кто?

– Да сброд разный. И горожане бывшие, и деревенских много, даже аборигены в артелях встречаются. Занимаются тем же, чем и мы. Конкуренты, в общем. Но с властями сотрудничают – им больше добычу сбывать некуда, кроме как в Чернореченск. Эти сволочи, – Сашка злобно зыркнул на связанного подранка, – на нашего командира вышли, посулили партию пехотных передатчиков. Мы с напарником на встречу приехали, ну и вляпались.

Ага, все-таки есть аборигены, и именно местного происхождения, а не из опустившихся земель, иначе Сашка по-другому бы выразился. Возьмем на заметку.

– А ты что скажешь? – обратился я подранку – тот пришел в себя довольно давно и сейчас внимательно прислушивался к разговору. И тонко намекнул: – Или тебя замотивировать надо?

– А ч-что говорить? – испуганно просипел «турист».

– Зачем на нас напали?! – влез Сашка. – Договоренность же была! Суки, порвал бы!..

– Это все Седой! – ушел в отказ стрелок. – Он договаривался с «мародерами», а нас набрал на разовую ходку, сказал, знает место, где передатчики завалило. Мы туда пришли, а там уже пусто. Или вообще ничего не было. И тыловик городской с двумя охранниками на «шишиге». Мы подумали, что он нас опередил, грохнули их, короче, чтоб товар забрать... А в кузове брус дубовый оказался. Они там, судя по всему, на привал остановились. Мы машину спрятали, стволы, что с убитых взяли, чтоб не палиться, в ней оставили. Седой сказал, что теперь в город соваться нельзя. Нужно уходить на юг, там народец дикий, можно дела делать. И предложил еще «мародеров» раздербанить, оружие добыть и стать полноценной бандой.

– Уроды!.. – не выдержал Сашка. – Удавлю суку!

– Спокойствие, мой юный друг, только спокойствие! – придержал я его за локоть. – Подранок теперь проходит сразу по двум пунктам грузовой ведомости: соучастник тяжких преступлений – одна штука, он же важный свидетель – одна штука. Давай его до города доведем живым и относительно целым. Если будет врать, прострелишь ему вторую ногу.

Чтобы подчеркнуть серьезность последнего предложения, я бросил Сашке у него же ранее отобранный кольт. Тот ловко поймал оружие за рукоятку, по-кошачьи извернувшись в процессе, и сморщился от боли – голова все еще давала о себе знать. Но пистолет не выпустил и с явным предвкушением уставился на «туриста». Пленник же еще более осунулся под пронзительным взглядом и заерзал на животе, попытавшись сильнее вжаться в землю. Опасается, значит. Это хорошо, сговорчивее будет.

– С «перевалкой» вроде понятно, – вернул я беседу в конструктивное русло. – А «бобик» с «шишигой» – это что?

– «Бобик» – это УАЗ-469, машина древняя, но простая и дубовая. По нашим нынешним возможностям оптимальный вариант легкового транспорта: полный привод, рама, военная комплектация, грузоподъемность опять же хорошая. И не сыпется, как в двадцатом веке. У нас на таких все спецы катаются, а у гражданских в почете «козел» – ГАЗ-69, этого еще во Вторую мировую придумали. А «шишига» – ГАЗ-66, военный грузовик. На их базе малыми сериями разные машины делают. На бензиновых двигателях у нас вся техника.

– Ни хрена себе!.. – не сдержал я удивления. – Вы что же, все технологии растеряли?

– Не, с технологиями порядок. До Бойни в городе были значительные производственные мощности, половина гражданского наземного транспорта на материке у нас обслуживалась. А вот военных заводов не было, поэтому нас не очень сильно бомбили. Половина города уцелела, население процентов на шестьдесят-восемьдесят выжило. Удалось оборону организовать, большинство мужиков служило, на Фронт люди рискованные едут. Отбились и от десанта легорийского, и от аборигенов, а потом потихоньку жизнь налаживать принялись. Лет через десять после Бойни стал наш Чернореченск самым сильным и богатым городом в округе. В пределах

ближайших двух – трех тысяч километров в любую сторону второго такого нет. Остальным городам досталось гораздо сильнее, выжившие, конечно, снова объединяться стали, поселения возникли, но жили они на скудных довоенных запасах. А у нас власть взял Федор Терешков, главный инженер машиноремонтного завода, и начал производство возрождать. На заводе репликаторы сохранились, и у него в личном архиве множество старинной технической документации нашлось, чуть не с семнадцатого века еще. Коллекционером он был, к нашему счастью. Убедил Совет – это типа наше правительство выборное, но рулит там всем председатель, – что можно совершенно свободно тяжелую промышленность построить. За образцы взять технику из середины двадцатого века примерно. Еще старее смысла нет, а уже с восьмидесятых годов она сильно усложнялась, электроники много использовалось, хоть и примитивной. Репликаторы решили почему зря не гонять, изготавливать на них только промышленное оборудование или что-то очень нужное в единичных экземплярах, типа лабораторной техники.

Оборудовали сначала «оружейку» – Первый механический завод. Стали на нем огнестрельное оружие и боеприпасы выпускать. Потом машиностроительный завод организовали, поставили оборудование на полный цикл. Сейчас простенькие автомобили на двигателях внутреннего сгорания собираем, благо нефть тут вокруг, добывать легко. А раз нефть, то грех ее не использовать: НПЗ отстроили, пластик различный получаем, топливо, каучук синтетический... В общем, обеспечили сначала себя, а еще лет через двадцать и с соседями торговать начали. Только с электроникой беда – оборудование слишком сложное, даже для технологий двадцатого века, и сырья нужного поблизости нет. Приходится копательством и мародеркой заниматься. На том и попались, – грустно закончил рассказ Сашка.

– Занятно... А с населением у вас как?

– Сейчас расплодился, по последней переписи двести тридцать тысяч народу, и это только в Чернореченске.

– А что, еще города рядом есть?

– Не, городов больше нет. Вернее, есть, но далеко на юге. Городок есть, Застава называется, форпост северный, население тридцать тысяч. Но у нас много по деревням и хуторам живет, – пояснил Сашка. – Еще около сотни тысяч. Чернореченск столица, а княжество километров на полтора во всех направлениях.

– Княжество? – хмыкнул я недоверчиво. – Вы к монархии вернулись?

– Да нет же! – возмутился парень. – Совет у нас выборный командует, во главе с председателем. Но государство в наличии имеется вместе со всеми атрибутами: и судебная власть есть, и исполнительная, и армия, и даже валюта собственная, нефтью и товарами обеспеченная. Называть же его как-то нужно, вот и зовем княжеством, вроде как в шутку. На самом деле удобно – коротко, язык ломать не надо, и по существу.

– Понятно. Люди откуда появились, да еще столько?

– Своих после Бойни больше ста тысяч в живых осталось, потом из ближних земель колонисты уцелевшие начали подтягиваться – все же у нас легче выжить, чем в маленьких общинах. Тем аборигены покоя не давали. А в Чернореченске только с продовольствием проблемы были поначалу, однако выкрутились, сельское хозяйство развили, по лесам охотничьи артели мотались. Сейчас нас деревни да хутора едой обеспечивают с большим запасом. Да и с местными, что поближе обитают, замирились, торгуем: они нам продовольствие и предметы роскоши в виде пушнины и драгметаллов, а мы им одежду, инструменты, оружие. Зажили сыто и спокойно, а там и плодиться начали.

– Постой-ка, это вы аборигенам огнестрел продаете, что ли?

– Ну да, а что такого? – удивился Сашка.

– И проблем себе не нажили?

– Не-а. Мы ж им автоматическое оружие не продаем, только винтовки-«болты», а они выпускаются под универсальный боеприпас – 7,62x39, автоматный. Потому и преимущества

особого в дальности и точности у таких винтовок перед «калашами» нет. Да и продаем их все больше на дальняк, местные уже давно все вооружились. Самый серьезный сдерживающий фактор – боеприпасы, для аборигенов патроны дороговаты, они винтари в основном для обороны и внутренних разборок держат. Охотятся с луками, даже арбалетов не знали до нас.

– Автомат у тебя интересный, – зацепился я за тему. – Почему «калашников», а не «американец» какой-нибудь или «немец»?

– Смеешься? – негодуя скривился Сашка. – Раз в оружии сечешь, значит, должен знать, что надежнее «калаша» в двадцатом веке не было ничего. В производстве прост, пластмассы у нас много, вот и поставили на поток АК-103, ничего придумывать не стали, даже дизайн менять не пришлось. А калибр семь шестьдесят два используем, так как живем в лесном краю, пять сорок пять не катит.

– А еще что из вооружения производите?

– Если по классам, то довольно много оружия. А вот моделей всего ничего. Тут как патронную фабрику в строй ввели, встала проблема ее рациональной загрузки. Собрались все инженеры, кто хоть какое-то касание к оружейному делу имели, и решили сообща, что надо сводить номенклатуру боеприпасов к минимуму, чтобы ресурсы не распылять. Приняли на вооружение универсальный боеприпас 7,62x39, он и автоматный, и винтовочный, и для пулеметов ручных. Под него наладили производство АК-103, винтовки Мосина в версии карабина тысяча девятьсот сорок четвертого года, правда, ложе делаем пластиковое, и затворная группа больше на маузеровскую смахивает, под гильзу без закраины, да ты и сам видишь – вон валяются, и пулемета РПКМ. Еще ограниченными партиями выпускается 7,6251 НАТО, специально под единый пулемет, который на основе «печенег» сконструировали, просто под патрон с гильзой без закраины. Его оказалось проще в производство внедрить, чем 7,6254R. Второй боеприпас – под пулеметы «корд», калибра 12,7 мм, эти вообще никуда не продаем, производим только для внутреннего пользования, они на защите периметра и на боевой технике. Третий – гранаты ручные, Ф-1 и РГН-5, тоже для себя, на сторону пускаем только в дружественные армии, например, в Порт-Владимир. Четвертый – реактивные огнеметы «Шмель», страшная штука. Я такой в руках всего раз держал, на выпускных учениях. Ну и пистолетный боеприпас, тоже универсальный, 9x19 «Парабеллум», под него делаем «Кольт М1911А1», как у меня, и гражданскую версию – «Кольт-компакт».

– Оп-па!.. А я и не заметил, – чуть огорчился я. – Думал, сорок пятый калибр, серьезный ствол.

– Он и с таким патроном куда как серьезный. Пятнадцать в двухрядном магазине, автоматический – плотность огня дает о-го-го какую. Да и патрон парабеллумовский более универсальный. Девятнадцать одиннадцать идет только в армию и «спецам», гражданские восьмизарядный с укороченным стволом пользуют. Вообще сначала армейскую «Беретту» хотели воспроизвести, М2 которая, но решили, что кольт в плане механизмов надежнее будет.

– А с артиллерией как?

– Не очень, по большому счету в ней надобности нет. Подствольниками обходимся и минометами. ВОГи ограниченными партиями клепаем, а мины восьмидесятидвухмиллиметровые – вообще мизерными.

– Значит, вооружены вы неплохо. А охотятся люди тоже с «мосинками»?

– Нет, у нас есть несколько мелких мастерских, в небольших количествах выпускают дробовики-помпы и просто двустволки. Хотя при необходимости любой ствол могут собрать. Иногда этим государство пользуется – например, пистолеты-пулеметы для полиции и спецназа частникам заказывали. Боеприпасы они же делают, государственные заводы с такой мелочью не связываются. Еще вся военная справа производится на казенных предприятиях, и техника самоходная. А все остальное в ведомстве свободных предпринимателей.

Теперь понятно, почему я с винтовками в лужу сел. Патрон-то промежуточный, звук больше на СКС похож. Симоновский карабин не стали воспроизводить из соображений безопасности – не дело самозарядное оружие аборигенам продавать. Да и свои гражданские обойдутся.

Неплохо они устроились, я думал, будет все гораздо хуже. Надо еще геополитическую обстановку уточнить, желательно с картой в руках, но это подождет. Мясо готово уже, пора ужинать.

– Пища духовная в виде новых знаний – это прекрасно! – провозгласил я, подпустив патетики в голос. – Но пора и о желудке подумать. Заяц в кондиции.

– Да, пожрать не мешало бы, – поддержал Сашка. – Только мутит меня немного.

– Не грузись, скоро пройдет. Тем более перекусить надо, организму силы нужно восстанавливать. Ты же стресс сегодня перенес нешуточный и адреналиновый выброс.

– Кто бы спорил, – не стал возражать парень. – У меня в рюкзаке одноразовая посуда есть, сейчас достану.

– Эвон как!.. – удивился я. – Котелок и ложку с собой лень таскать?

– Одноразовая удобнее, пожрал и выбросил. У нас все пользуются, она же штампованная, из дешевого пищевого пластика. Копейки стоит.

В подтверждение своих слов Сашка извлек из «сидора» тонкую стопку упаковок со столовыми наборами, и бросил одну мне. Я разорвал полиэтиленовую пленку, извлек глубокую тарелку с тремя отделениями – для первого, второго и компота?! В этом же пакете нашлись вилка, ложка и нож, тоже из белого пластика. А что, вполне прилично, не все же с китайского фарфора кушать, можно иногда и по-простому. Опять же, лишнее свидетельство об уровне местных технологий.

– Может, у тебя еще и салфетки есть?

Вместо ответа Сашка выудил из бездонного рюкзака рулон туалетной бумаги и переправил мне. Потом оттуда же появились мятая металлическая кружка и пара консервных банок.

– Консервы тоже производите?

– А как же! Хорошая статья дохода для города. Мы в основном мясные делаем, рыба и морепродукты из Порт-Владимира идут. А вот это наша гордость – «Каша гречневая с говядиной». Сожрал банку, и сыт. Только подогреть надо.

А я и не откажусь. Надоели зайцы до тошноты, так что гарнир к жаркому не помешает.

– С говядиной, говоришь?..

– Угу. Местные коровы от земных ничем не отличаются. Разве что копыта немного по-другому устроены. И что-то в желудке, дополнительная камера какая-то. Так что самая натуральная говядина. Тут, кстати, и свиньи есть, и лошади, да и вообще вся живность на земную похожа.

– Я заметил.

– Странно, конечно. Но у ученых какое-то объяснение есть этому явлению, я не вникал особо. Если интересно, сам у них спросишь.

Взять на заметку: в Чернореченске есть ученые, и доступ к ним не ограничен. Значит, пообщаемся. Потом. А сейчас я просто жрать хочу.

Снятый с вертела и порезанный на порционные куски заяц пах аппетитно, хоть уже и приелся, подогретая на костре каша тоже оказалась очень недурна на вкус, а потому беседа на некоторое время прервалась – мы с моим новым знакомым предались чревоугодию. У Сашки весьма кстати обнаружились еще и ржаные сухари, так что ужин удался на славу. Всеми забытый подранок ворочался и давился слюной, но мы демонстративно не обращали на него внимания. Обойдется.

– Хорошо-то как! – с хрустом потянулся я, опустошив тарелку. – Чайку еще, и будет рай.

– Сейчас заварю, у меня сбор травяной есть. Силы восстанавливает, и душистый – за уши не оттащишь! – предложил Сашка. – Только сначала копателя покормить надо, чтоб раньше времени не скопытился.

– А может, ну его? До города дотерпит, а там или в расход пустят, или на довольствие поставят. В каталажке.

– Пусть пожрет, – не согласился излишне, на мой взгляд, гуманный парень. – До города еще целый день пути, и двинемся неизвестно когда.

– Как знаешь, – пожал я плечами.

Спорить по столь пустяковому поводу не было никакого желания.

Сашка тем временем выудил из кучи трофеев первый попавшийся рюкзак, в котором разжился банкой «Каши гречневой с говядиной» – ишь ты, правда популярная! – и гнутую алюминиевую ложку. Вскрыл консервы ножом, причем крышку с острыми рваными краями отделил от банки, и подогрел харч. Затем отволол пленного в дальний угол, поставил пайку на лежак, туда же положил ложку и только тогда перерезал путы. Но даже после таких мер предосторожности бдительности не терял – отошел к противоположной стене и демонстративно поигрывал кольцом.

– Жри давай быстрее!..

Охая при каждом неловком движении, пленный торопливо опустошил банку, и по окончании трапезы снова был связан по рукам и здоровой ноге. А потом Сашка вернулся к костру и заварил обещанный чай. Тот оказался неожиданно душистым и вкусным, даже сахар добавлять не пришлось. За чаепитием беседа, как нетрудно догадаться, продолжилась.

– Какие планы на завтра? – поинтересовался я.

– В город надо ехать, – задумался Сашка. – По-любому. Первым делом к безопасникам этого субчика отвезти. Они же еще кого-то завалили, вот пусть органы и займутся. Димона отвезти, опять же. Жара стоит, медлить нельзя. Тут хоронить негоже. Мы так и так собирались завтра возвращаться, по пути еще в одно место заскочив на разведку. Но на нее теперь можно забить. А сам ты как думаешь?

– Мне надо как можно скорее встретиться с вашим руководством. Задание у меня такое. Поэтому нам по пути, – сказал я, чуть понизив голос. Нечего подранку в чужие секреты лезть. – Кстати, к кому ломиться в первую очередь?

– К полковнику Соломатину сначала надо, – прикинул Сашка. – Это начальник нашей Поисковой службы, и пограничниками он же командует. А уже через него выходить на начальника гарнизона генерала Злобина.

– А зачем мне гарнизонный начальник? Он вообще как, фамилии соответствует?

– Нет, он нормальный мужик. Жесткий и умный. Если с ним общий язык найдешь, то считай сразу на Совет выйдешь – он там второе лицо после председателя.

– Годится. А у тебя случайно карты княжества нет?

– Была. В наладоннике, – вздохнул Сашка.

Ну да, судя по его рассказу, с этими девайсами тут серьезные проблемы, замучается списывать испорченное имущество. Стоп. А я ему сейчас настроение подниму. Залез в рюкзак, достал найденный в подвале базы КПК, протянул парню.

Сашка уставился на подарок, утратив дар речи.

– Бери, мне не нужен. А тебе пригодится.

– Где взял?

– Нашел. Не с собой же притащил, мне одного хватает, – продемонстрировал я собственный гаджет. – А этот вроде такой же, как у тебя. Только новый.

Глаза у Сашки загорелись – видать, профессиональные рефлексy взыграли. Он даже стал похож на спаниеля, сделавшего стойку, разве что в струнку не вытянулся.

– Где взял, пока не скажу, – загодя прервал я возможные поползновения. – Но их там целая партия, штук сто. И еще уйма всякого компьютерного «железа». Если с вашим руководством договоримся о сотрудничестве, отдам заначку.

Сашка ничего не ответил, лишь кивнул задумчиво.

– А вообще спать давай, завтра с утра еще четверых гавриков зарыть надо. Не подумал я, когда подранку ляжку прострелил, теперь самим корячиться придется.

Впрочем, легли мы далеко не сразу – сначала сходили «до ветру» и пленника вывели, а потом еще битых полтора часа Сашка пытал у меня подробности жизни в Федерации. Я отвечал, но по мере сил следил, чтобы подранок не слышал. Новый напарник готов был так просидеть до утра, но я решительно этому воспротивился, пообещав продолжить беседу по дороге. И только потом мы с чистой совестью отправились на боковую, благо в крепком пакгаузе нам ничего не грозило – по крайней мере, со стороны зверья. А люди по ночам, если Сашке верить, предпочитали находиться в укрытиях.

Система Риггос-2, планета Ахерон, Полигон-1

1 марта 2535 года, утро

Выехали ближе к полудню – раньше не получилось. Пока вырыли за пакгаузом яму, достаточно вместительную, чтобы принять четыре тела (малыми саперными лопатками, прошу заметить), пока свалили туда трупы, пока зарыли-утрамбовали – два часа пролетело. Ночью было довольно прохладно, поэтому убитые копатели испортиться не успели, а то бы мы нанюхались на всю оставшуюся жизнь. Перед погребением Сашка обшарил их карманы и вытряс все до мелочей, уделив особое внимание документам, а затем упаковал добычу в пластиковый мешок. Как он объяснил, для безопасников. И попросил снять лицо каждого крупным планом, что я и проделал при помощи встроенной в монокуляр камеры.

Дмитрия, Сашкиного напарника, завернули в брезентовый полог, заменявший «бобику» крышу, и разместили на полу в багажном отделении. Туда же сгрузили взятые с копателей трофеи и собственный скарб. Подранку выпала незавидная доля ютиться на жесткой боковой лавке, к которой его Сашка еще и веревкой притянул, дабы тот не выпрыгнул или банально не вылетел из кузова на первой же кочке. На этом подготовительные операции и закончились.

Сашка занял место водителя, я уселся рядом, и мы тронулись в путь, разрушив звенящую тишину ревом двигателя и хрустом подминаемых машиной кустов. Грубый военный внедорожник древней конструкции оказался неожиданно шустрым, только норовил «скозлить» на неровностях едва различимой в траве грунтовки, но дорогу держал уверенно. Судя по показаниям спидометра, средняя скорость не опускалась ниже тридцати-сорока километров в час. Если темп не снизим по какой-либо причине, то полторы сотни верст до Чернореченска пройдем максимум за пять часов, а до ближайшей деревни доберемся и вовсе через полтора. Так что в поле ночевать не придется в любом случае.

Утро я провел в полезных хлопотах по хозяйству. Проснулся по традиции в семь, но будить новообращенного напарника не стал, вышел в «складское» отделение, где и умылся, воспользовавшись водой из бака, а заодно и котелок наполнил. Развел прогоревший за ночь костерок в очаге, пристроил посудину на треногу и в ожидании утреннего чая решил заняться работой над ошибками, то есть довести до ума шлем. Справился быстро: всего и надо было, что подключить к дисплею энергобатарею с обратной полярностью. Кристаллы антибликового покрытия поменяли ориентацию, и забрало стало прозрачным не только изнутри, но и снаружи. При отсоединенной батарее эффект сохранялся – чтобы воздействовать на кристаллы, нужен сторонний источник энергии, а без ее подвода они находились в равновесном состоянии и свойств не меняли. В общем, вся возня заняла чуть больше пяти минут. Вода в котелке даже и не думала закипать, поэтому я начал прикидывать, чем бы еще заняться, и тут на глаза попался простреленный Сашкин наладонник – он его с вечера бросил на рюкзак, убедившись

в окончательной и бесповоротной гибели. Но это он явно погорячился. Как говорил один мой знакомый, было бы «железо», а извлечь из памяти порнуху в любом случае сможем. В ЗиПе к моему собственному КПК нашлись все необходимые инструменты, и я без труда вскрыл пыле-, влаго- и черт те знает чего непроницаемый корпус девайса. Военная электроника испокон века проектировалась с десятикратным запасом прочности, поэтому легкая автоматная пуля лишь разбила дисплей и почти не повредила внутренности устройства. Соответственно, удалось оживить гаджет, подцепив к нему внешний элемент питания в виде поясного энергоблока и дополнительный экран, в качестве которого выступил мой компьютер. За последние сто лет программные средства, в отличие от технологий, шагнули далеко вперед, поэтому мне удалось взломать систему защиты древнего аппарата без особых усилий. После этого оставалось лишь перекачать содержимое жесткого диска на свой наладонник, что я и сделал, затратив еще примерно минут пять. Переправить полученную информацию на подаренный вчера Сашке комп посредством беспроводного соединения получилось минут за двадцать – столетний возраст девайса давал о себе знать, элементарно не хватало скорости приема. Пока закачивался инфомассив, закипела вода в котелке. Я решил, что пора будить напарника, и легонько пнул его в ребра. Сашка вскочил сразу, на автомате цапнув из кобуры кольт, но быстро сообразил, где находится, и спокойно пожелал доброго утра.

Чуть позже, когда напарник умылся, пили чай и завтракали консервами из Сашкиных запасов, кормили и выводили оправиться подранка, хоронили убитых копателей и грузили «бобик». Новость о реанимации КПК Сашку обрадовала, он даже не обратил внимания на тот факт, что я с него информацию к себе продублировал. Наверное, подумал, что там никаких секретов не содержится. С его точки зрения, скорее всего, так и есть. А я между тем разжился значительным количеством сведений об интересующем объекте, причем на халяву.

Потом была долгая и довольно утомительная дорога на тряском внедорожнике. Хорошо хоть местность не пустынная, а почва почти везде чернозем, так что пыли немного, иначе ввиду откинутого вперед лобового стекла надышался бы досыта.

Поначалу Сашка постоянно озирался, словно ожидал нападения со всех сторон, но по мере удаления от полигона все больше успокаивался, пока наконец не плюнул на это занятие вовсе, сосредоточившись на управлении. Мне такое поведение показалось несколько странным, о чем я и спросил.

– Да не опасно тут, – отмахнулся напарник. – Мы уже границу княжества проехали, а на этом направлении патрули часто встречаются. Тут просека на просеке, скоро деревни и хутора на вырубках пойдут, людей уже много. Банды редко балуют – торговые пути верст на полста севернее проходят, а здесь если только на аборигенов напорешься. И то вряд ли, местные оседлые уже давно поняли, что с нами связываться себе дороже, а залетные южнее промышляют.

– А что раньше? Чего опасался?

– Если честно, не знаю. Все казалось, что дружки этих копателей нагрянут. Возможно, это моя профессиональная паранойя.

В ответ я лишь хмыкнул и задумчиво уставился на дорогу. А минут через десять мы выехали на обширную вырубку, на краю которой раскинулся немаленький хутор, обнесенный глухой бревенчатой стеной. По полю ползал колесный трактор с каким-то прицепным оборудованием – я в сельхозтехнике слабо разбираюсь, тем более древней. Сидевший в открытой кабине оператор не обратил на нас внимания, хоть рядом с ним и лежала винтовка. Видать, действительно безопасно, оружие больше для порядка таскают.

– Глянь, а фермеру совсем пофиг! – восхитился я реакцией пейзажника.

– А чего ему? Сидит, баранку крутит, – отозвался Сашка. – Делом полезным занимается. О его безопасности другим беспокоиться положено – он на «фишке» дежурный.

И точно, над забором торчала наблюдательная вышка – такая же бревенчатая и прочная на вид, как и остальная стена, с крытой площадкой, обложенной мешками с землей. А может,

еще с чем, хрен его знает. На самой верхотуре в теньке под навесом устроился караульщик в камуфляже и каске с бронежилетом, вооруженный ручным пулеметом. Его напарник со снайперской винтовкой укрылся в тени в глубине площадки. Через монокуляр я разглядел их в подробностях, и пришел к выводу, что ребята серьезные, со своей позиции все поля в округе могут простреливать.

– У вас что, на каждом хуторе отделение военных дежурит? – полюбопытствовал я.

– А вы с какой целью интересуетесь? – сделал строгое лицо Сашка. Но долго не выдержал, расплылся в ухмылке. – Нет, конечно. Чтоб на всех дежурить, личного состава не хватит. Сами жители службу несут. У нас от армии косить не принято, от умения владеть оружием жизнь часто зависит. Поэтому служат все, и с удовольствием – где еще нужных знаний за просто так наберешься? На каждый хутор по закону положен комплект вооружения: не меньше пяти винтовок и ручник. Хотите больше – никаких проблем. Ограничения только на автоматическое оружие. Пулеметы в деревнях в персональном владении у старост, они за них отвечают и за утерю могут нехилый срок схлопотать. Впрочем, еще ни одного не получилось бандитам увести – в них заряд подрывной встроен, реагирует на прекращение сигнала от ретранслятора в управе. Ушел от деревни, и можешь с машинкой прощаться. А по-другому нельзя. Боеприпасами тоже казенными снабжают, равно как и снаряжением. Форму уже сами покупают, чисто по привычке – и удобно, и достаточно дешево.

– Что за ретрансляторы?

– У нас связь коротковолновая, на транзисторных передатчиках, – пояснил напарник. – Только их в производство удалось пустить. А дальность у них не больше тридцати километров. Поэтому в каждом населенном пункте, даже на самом крошечном хуторе, обязательно есть дом или хотя бы отдельное помещение, где установлен ретранслятор. Называется «управа», отвечает за нее староста, который вообще-то государственным служащим является, а заодно и функцию охраны порядка выполняет. Там же обычно устроена оружейная комната, на худой конец, просто сейф. Казенное оружие там хранится, а личное у каждого дома. На «фишку» с казенным оружием идут, по всем остальным нуждам личные стволы пользуют.

– Толково, – похвалил я организацию местной службы. – Получается, у вас каждый мужик готовый боец в случае чего?

– Не только мужики, бабы тоже все стрелять умеют. И дети с десяти лет обращению с огнестрелом учатся.

Боевой народ. Понятно, почему аборигены тут тише воды ниже травы – попробуй побеспредельничай, живо на пулю нарвешься.

Тем временем мы миновали вырубку, вновь углубились в лес, и вскоре просека незаметно превратилась в укатанную грунтовую дорогу, вдоль которой кусты были аккуратно изничтожены.

– Там у одного на вышке винтовка была снайперская, – вспомнил я. – Вы их специально производите или как?

– Или как! – съехидничал Сашка. – «Мосинка» это обычная, под стандартный боеприпас. Прицел только снайперский приспособлен, ПУ двукратный. Их один частный оружейник производит. А вообще любую винтовку можно снайперской сделать, у них ложе пластиковое с универсальным креплением еще с завода идет. Тот же частник и для автоматов с пулеметами оптику делает, даже армия у него закупает.

– А дальнобойные винтари есть? Под двенадцать и семь калибр, например?

– Насколько я знаю, нет. Для таких случаев есть небольшой запас «гауссовок», типа как у тебя.

– Так вы и для них боеприпасы делаете?!

– Смеешься? Говорю же: старые запасы. Унитары могут вечность храниться в разряженном виде. Как возникает нужда, конденсаторы заряжаем, и готово. Энергоустановки подходящие есть.

Еще одна зарубка на память: боекомплект тут можно будет пополнить. Потенциально. Насколько я помню, унитар 11,5х35 мм состоял на вооружении уже больше ста пятидесяти лет – никто не собирался изобретать велосипед и улучшать и без того хорошее. Если в нем что и менялось, так это тип энергоконденсатора, а размеры какие были, такие и остались. Форма наконечника пули еще могла быть разной, но все равно к моему «вихрю» довоенный боеприпас должен подойти. Останется только выпыганить дефицитный товар у вышестоящего начальства.

– Ты, кстати, шлем не свети особо, – посоветовал напарник, когда хутор скрылся за стеной деревьев. – У нас таких нет, и не было никогда, нечего людей пугать.

Я без возражений снял вызвавший озабоченность Сашки элемент брони и закинул его на заднее сиденье. Действительно, не стоит привлекать лишнего внимания. Если обмундирование и обвес издали еще можно было спутать с местными образцами, то шлем явно выбивался из общего ряда. Так что пусть полежит в укромном месте. Хотя без головного убора стремно.

– Что, совсем защиты для головы никакой нет? – любопытствовал я. – Или думаете, что голова кость и пули ей не страшны?

– Именно! – радостно осклабился Сашка. – Шучу, есть, конечно. Только у нас для головы каски стальные, сверху обычно чехол камуфляжный натягиваем. Есть модификация с пластиковым забралом. Но на твой шлем они совсем не похожи.

Пока суть да дело, просека снова вывела нас на обширную проплешину с очередным хутором, практически неотличимым от предыдущего. Проскочили мимо, не сбавляя скорости, соответственно, и интереса у местных жителей не вызвали. От безделья я запустил сканер наладонника на предмет пошарить в эфире и, к удивлению своему, почти сразу же наткнулся на довольно интенсивный радиообмен в коротковолновом диапазоне. Точно, цивилизованные места начинаются. Сашка, вспомнив ночное обещание, вновь принялся донимать меня расспросами о Федерации. Я озабочился было сохранением секретности, но, глянув мельком на подранка, понял, что тому наш разговор по барабану – он жутко мучился от боли в простреленной ноге. В грузовом отделении трясло неимоверно, поэтому каждая кочка заставляла пленника шипеть и корчиться, проклиная нас последними словами.

Примерно через час достигли большой деревни, полностью занявшей немалого размера вырубку. Поселение было окружено защитным периметром из нескольких рядов колючей проволоки с проходами между ними, а также бревенчатой стеной выше человеческого роста. С нашей стороны в него вела наезженная дорога, в которую незаметно превратилась разбитая грунтовка. Перед мощными воротами располагался пост из пенобетонных блоков, на его крыше устроился в укреплении из мешков с землей станковый крупнокалиберный пулемет, в котором я распознал российский «корд». Точно, Сашка же говорил, что они его выпускают. Когда до забора осталось метров двести, Сашка остановил «бобик» и полез в карман разгрузки за рацией.

– С командованием хочешь посоветоваться? – понимающе ухмыльнулся я. По уму, еще у первого ретранслятора это нужно было сделать, но ему виднее, он в местных реалиях лучше разбирается. – Думаешь, меня в деревню не пустят?

– Я не думаю, я уверен, – отрезал Сашка. – В лучшем случае прогонят в шею, в худшем пристрелят. Ну и промежуточных вариантов масса. Не мешай мне, я с отцом-командиром поболтаю.

Не мешай так не мешай. Пусть общается, я даже особо прислушиваться не буду. Вру, конечно. Еще как буду. Сашка возился недолго, почти сразу вышел на нужную волну и запросил некоего «Тополя». Ответили быстро, но потом пришлось подождать минут пять, пока дежурный вызывал начальство. По его приходу Сашка доложил, кратко описал обстановку и

собственное положение, не забыл упомянуть нападение копателей и смерть напарника. Командир на том конце провода удивился, затем огорчился, потом озаботился – как, собственно, и подобает командиру, но тут подчиненный преподнес ему главный сюрприз – меня. По-видимому, на такой случай инструкций у них предусмотрено не было, потому что мой напарник выдал прямым текстом в эфир: «Капитан-лейтенант ВКС Земной Федерации Тарасов Александр...» и «Да, с Земли». Что ему ответили, я не разобрал, зато прекрасно услышал ответ Сашки: «Никак нет, не пил. И не курил тоже. Точно с Земли». Продолжительное молчание. Потом очередные помехи в динамике, трескучее бормотание, и ответ напарника: «Так точно. Есть... Деревня Дубовка, ждем».

– Ну? – подал я голос.

– Нормально все, – отмахнулся Сашка. – Сейчас местному старосте сверху цэу придет, чтоб нас принять, помыть, накормить и спать уложить.

– Чего это?! – возмутился я в ответ. – В город не едем?

– Не-а. Приказано здесь ждать прибытия группы сопровождения.

– Понятно. Паранойя в тяжелой форме – первый признак толкового военного. Наверняка особиста с охраной выслали, на предмет меня допросить. А что, верно. Кто знает, может, я диверсант и шпиён...

– Не смешно, – возразил Сашка. – У нас тут чего только не случалось. Осторожность еще никому не вредила.

Спорить я не стал. Надо, значит, надо. Тем более прекрасно их понимал: появился какой-то хрен с горы, ксиву тычет, требует контакта с руководством. Тут все инстинкты нормального военного прямо-таки взбунтуются. В таком случае лучше согласовать действия с командованием, а в идеале и вовсе спихнуть ответственность на компетентные органы.

– А от первого хутора ты в эфир не вышел, чтобы там не застрять?

– Угу. Лучше тут пересидим. Здесь хоть кабак приличный, и пленного на ответственное хранение возьмут. Да и больница есть, Дубовка у нас уездный центр. В морг Димона сдадим.

И то верно. Лучше в большом поселении ждать, чем в глухомани, где из доступных развлечений только самогон и баня. Не может быть, чтоб на хуторах самогон не гнали.

– А быстрого транспорта у вас нет? – спросил я. – Может, за нами какой-нибудь геликоптер пришлют или там дирижабль...

– Держи карман!.. – ухмыльнулся напарник. – Нет у нас авиации, только наземный транспорт. Некуда летать. Вернее, есть, но там принять не могут, а где могут – туда дальности не хватает. В свое время долго думали, как быть, но решили не заморачиваться. Поршневые самолеты и вертолеты клепать можно, не такие уж они сложные, но инфраструктуры нет для обслуживания. Сошлись на том, что овчинка выделки не стоит. А для военных целей опять же штурмовики имеются, хоть и немного. Берегут их, по пустякам не гоняют.

– Я гляжу, у вас в загашнике много чего полезного отыскать можно.

– Отыскать-то можно, да только кто ж тебе даст!

На этой пессимистической ноте я предпочел беседу прервать, тем более что Сашка снова завел мотор, воткнул передачу и повел «бобик» к КПП. Блокпост миновали быстро, хоть и не без проверки: пока стояли под прицелом «корда», боец в камуфляже и полной выкладке с неизменным «калашом», с сержантскими лычками на погонах, внимательно изучил Сашкино удостоверение личности, мельком глянул на мой идентификатор, скользнул взглядом по снаряжению и оружию, чуть задержался на связанном подранке и брезентовом свертке, в котором покоился Сашкин напарник, кивнул сам себе и показал жестом – проезжай.

Шлагбаум перед воротами поднялся, и мы неторопливо вкатились в деревню. Впрочем, далеко не уехали – нас встречала целая делегация на таких же «бобиках». В одном сидели четверо бойцов с автоматами, в другом важный мужик в полувоенной одежде, видать, сам староста, а с ним офицер в чине лейтенанта, в полевой форме и с пистолетом на боку. Сашка

притормозил, из первого уазика выпрыгнули двое солдат и без лишних вопросов выволокли из нашего кузова подранка, предварительно избавив того от веревок. Загрузили в свою машину, затем один, с лычками младшего сержанта на погонах, спросил:

– Убитого заберем?

– Куда вы его? – уточнил Сашка.

– В больницу отвезем, в морг, – пояснил боец.

– А как мы его оттуда заберем потом?

– Не знаю, у меня приказ только доставить.

– Не пойдет, – уперся Сашка. – Сами довезем, сами договоримся.

– У меня приказ! – набычился сержант.

– А мне на твой приказ класть вприсядку!.. И вообще, я старший по званию!

– Кхе-кхе... – привлёк наше внимание незаметно приблизившийся важный мужик в полувоенном. – Позвольте представиться. Я Гончаров Петр Михайлович, староста поселения. А это лейтенант Иноземцев, командир комендантского взвода.

– Чем могу?.. – выжидательно уставился на него Сашка.

– Вы младший лейтенант Иволгин из поискового отряда?

– Допустим.

– В таком случае извольте представиться по форме! – рявкнул староста. – Я высшее должностное лицо, со мной начальник гарнизона, на территории Дубовки вы находитесь в моем непосредственном подчинении. И отвечаю за вас тоже я, персонально!

Оп-па!.. А староста непрост, скорее всего, из отставных военных. Голосище поставленный, Сашка аж вытянулся во фрунт. И отрапортовал, пожирая начальство глазами:

– Младший лейтенант Иволгин, Поисковая служба!

– Вот это другое дело! – восхитился местный градоначальник. – Узнаю орла! У вас проблема?

– Хочу позаботиться о напарнике!

– Можете предоставить это нам. Мы получили приказ от полковника Соломатина, так что разместим вас до прибытия особой группы. Пленного примем на содержание, а тело вашего напарника поместим в морг. После экспертизы оно будет доставлено в Чернореченск родственникам специальным транспортом. Имущество его тоже нам передайте.

После такой отповеди Сашка спорить не стал и отступил от багажника, позволив бойцам перенести напарника в их «бобик», потом лично перегрузил его рюкзак, а автомат отдал младшему сержанту.

– А трофеи куда девать? – поинтересовался он, покончив с перегрузкой. – Они не мои, копателей Тарасов перестрелял.

Староста вопросительно уставился на меня. Я демонстративно пожал плечами, глянул на Сашку. Тот стоял с непроницаемой физиономией.

– А что с ними обычно делают? – задал я совершенно невинный вопрос.

Судя по выражению лица старосты, он сильно удивился. Стоявший рядом лейтенант Иноземцев хмыкнул, но ничего не сказал.

– Ну, есть несколько вариантов, – наконец нашелся, что ответить, мэр всея деревни. – Все зависит от вашего статуса. Если вы военнослужащий, трофеи отходят в пользу армии. Если вы частное лицо, то мы можем принять их на ответственное хранение, а затем выкупить в пользу села. Или можете сами их охранять, но тогда вы несете за них полную ответственность.

– Думаю, сами справимся, – обломал я начальство, бросив взгляд на подмигнувшего Сашку.

– Ну что ж, ваше право, – разочарованно вздохнул староста. – Только придется все огнестрельное оружие опечатать, во избежание, так сказать. Прошу следовать за нами.

С этими словами он вернулся к машине и неуклюже устроился на переднем сиденье, а Иноземцев занял место водителя и запустил двигатель. Мы тоже забрались в «бобик» и двинули следом. Джип с солдатами, взрыкнув движком, уехал в другую сторону – как видно, не по пути нам.

– Ты здесь был раньше? – поинтересовался я у напарника. – Куда нас везут, как думаешь?

– Был, как не быть, – безмятежно отозвался Сашка. – А везут нас в местный ППД, где комендачи квартируются. Это как бы небольшой укрепленный форт, с бетонным забором, пулеметными вышками и прочими атрибутами – короче, гарнизон. Там казармы для рядового состава и есть офицерское общежитие. Вот в нем нас, скорее всего, и поселят. Дешево и сердито: вроде и не в карцере, а никуда не денешься. Не факт, что нас даже до базара дойти выпустят. Будем куковать, пока безопасники не приедут.

– А когда приедут?

– Я думаю, к вечеру ближе. И сегодня с нами разговаривать не будут, с утреца займутся. Все мозги просушат, по-любому. Так что готовься.

– Оптимист ты, Сашка! – пожурил я напарника, но тот лишь отмахнулся. – А старосту хорошо знаешь?

– Достаточно. Лучше, чем он меня. Так-то мужик неплохой, но власть показать любит. Он раньше во внутренних войсках служил, до прапора дослужился. Вот его народ и выбрал начальником, как уволился по выслуге лет. Но нам на него по большому счету плевать с высокой колокольни. Максимум, что может сделать, – накапать безопасникам, что мы тут бузили. А Серега – тот вообще свой человек.

– Иноземцев?

– Ага. Погранец, после ранения в комендачи перевелся. Так что пороху понюхал. И Михалыча не очень любит, все больше воюет с ним потихоньку на предмет передела власти. Он ведь гражданский начальник, но гарнизон вроде ему подчиняется, в мирное время, естественно. В случае заварухи, конечно, командование переходит к военным, но пока тихо, староста свою линию гнет. Пытается вояк строить, по хозяйству напрягать. А Сереге оно нафиг не надо. Он говорит: мое дело бойцами командовать, а их – мне подчиняться. Уборка картошки и облагораживание деревни в списке первоочередных задач не значатся.

Я кивнул задумчиво – расклад понятен. Ничего нового, всяк на себя одеяло тянет, пока есть что делить. Зато как подступит Большой Кирдык, сразу про армию вспоминают – чего это она нас не защищает? При этом каждый второй считает, что собственной стране ничего не должен, она же его обязана на халяву кормить, одевать и оберегать от супостата. А он, бедный, налоги бешеные платит, так что отвалите от него. Типичная ситуация. У нас, по крайней мере, так дела обстоят. Тут должно быть проще в этом отношении, все же жизнь суровая и опасная, понимают люди, что государство без поддержки населения может и не справиться.

– А насчет трофеев ты чего разговор завел?

– Как чего? – удивился Сашка. – Это ж живые деньги. Если б я не сказал, что они твои, Михалыч их как минимум у себя придержать попытался бы. Под предлогом увеличения огневой мощи комендантского взвода. А комендантскому взводу эти винтари как рыбе зонтик. И получает их староста безвозмездно, то есть даром. А если бы ты согласился у него их оставить, то он бы их выкупил по льготной цене – почитай, в два раза дешевле. На хрен такую благотворительность. Лучше сдадим моему корешу в оружейный магазин. Рюкзаки и прочая справа тоже денег стоят.

– А чего они тогда имущество пленного не забрали?

– А оно тоже твой трофей. Кстати, – задумался Сашка, – у тебя ведь статус вообще какой-то неопределенный. Вроде военный, но не из княжеской армии. И не гражданский. Не пойми кто. Проблемы могут возникнуть.

– Безопасники разрулят, – отмахнулся я. – Если, конечно, в контакте заинтересованы.

– Это они могут, – не стал спорить напарник.

За разговором я и не заметил, как мы фактически пересекли все село и остановились у крошечного военного городка. Тот был совсем как в учебнике по истории фортификаций: глухие бетонные стены с колючей проволокой по гребню, наблюдательные вышки по углам, КПП со шлагбаумом на входе. В будке часовой в полной выкладке, в крошечной сторожке с зарешеченными окнами – дежурный.

Сашка затормозил впритык к головной машине и вопросительно уставился на старосту. Тот без лишних слов выгрузился из лейтенантского транспорта и направился к еще одному открытому джипу, проще и дубовее на вид, чем «бобик». Машина явно его ждала, потому что водила тут же чуть не с юзом сорвался с места, стоило старосте взгромоздиться на переднее сиденье. Я хмыкнул глумливо, но комментировать ситуацию не стал. Сашка же обратился к лейтенанту:

– Куда нам дальше?

– За мной езжайте, – ответил Иноземцев и для большей ясности махнул рукой в сторону КПП. – На постой вас определим, только сначала до оружейки доскочим, трофеи опечатаем.

Шлагбаум гостеприимно поднялся перед лейтенантской машиной, и мы мини-колонной въехали на территорию части. Я впервые оказался на действующем местном военном объекте, поэтому принялся увлеченно вертеть головой. Ничего нового не увидел: стандартный гарнизон с плацем, казармой, зданием штаба и офицерским общежитием. Вопреки ожиданиям все строения полноразмерные, даром что в селе только взвод вояк расквартирован. И склад внушительных размеров наличествовал, и автохозяйство, отделенное от основной территории забором из пенобетонных плит. К лабазу и направились в первую очередь.

Притормозив у входа, лейтенант пару раз библикнул, и уже через минуту из недр капитального пакгауза на свет божий вылез приземистый прапор в летах. Козырнул и с немым вопросом зыркнул на начальство.

– Петрович, опломбируй стволы.

– Все стволы? – задумчиво пожевал губами вышепоименованный Петрович.

– Нет, только винтари.

– Сделаю, – кивнул прапор и вновь скрылся в утробе склада.

Вышел через некоторое время с хитрой приблудой для установки пломб в руках, деловито перетянул тонкими тросиками спусковые крючки с рукоятками затворов, зажал свинцовыми блямбами. Полюбовался на работу, снова кивнул лейтенанту, мол, готово, и удалился в прохладу царства стеллажей и пыльных ящиков.

– Ну что, коллеги, теперь можно и в общагу?..

Система Риггос-2, планета Ахерон, Дубовка

1 марта 2535 года, вечер

Заселились быстро, хоть общага и была абсолютно пуста, даже дежурный отсутствовал. Пришлось специально вызывать старшину, который жил недалеко от гарнизона в частном секторе, ибо был мало того что семейный, так еще и уроженец Дубовки. Повезло мужику с местом службы, ничего не скажешь. Прапор в летах, чуть ли не близнец начсклада – и где таких берут? специально разводят, что ли? – на рабочее место явился минут через десять. Поворчав для виду, заселил нас в двухместный «люкс» в самом конце коридора, в который выходили двери восьми «номеров», зато рядом с душевой и сортиром, да и общая кухня была в двух шагах. Комната оказалась неожиданно просторной, обставленной в стиле минимализма: две кровати, две тумбочки, письменный стол, стулья, шкаф. Я с удивлением обнаружил в углу у двери допотопный белый холодильник, какой лишь в хрониках видел. Из потолка торчал провод с тусклой лампой накаливания.

– Офигеть!.. – только и смог вымолвить я, окинув взглядом это великолепие.

Чувствовал я себя при этом путешественником во времени или, на худой конец, героем исторической виртуалки. Побеленные стены и потолок, скрипучий дощатый пол, казенные занавески на окнах – все как в музее, экспозиция «Быт середины двадцатого века». Бывал я в такой несколько раз, у отца на работе есть, но больше, конечно, по оружейным выставкам лазил.

Ворчливый старшина, откликавшийся на Пал Николаича, неодобрительно зыркнул из-под бровей, но ничего не сказал. Выгрузил на кровати комплекты постельного белья, снабдил нас вафельными полотенцами, тапочками без задников, но зато с инвентарными номерами, и отбыл восвояси, поручив дальнейшую заботу о постояльцах лейтенанту Иноземцеву. Тот тоже длинных речей произносить не стал.

– Располагайтесь, короче. Обед через час, в столовую приходите. Сашка знает где.

И очистил помещение, посчитав свою миссию выполненной.

– Вот это кайф! – выдохнул я, развалившись на кровати.

Занял койко-место, разумеется, лишь освободившись от навьюченной сбруи в виде разгрузки и броника с рюкзаком, а также пристроив шлем на стол. Однако валяться на мягком топчане в композитном обвесе все же было неудобно, поэтому я нехотя поднялся и принялся избавляться от остатков снаряжения.

– Куда имущество складывать будем? – поинтересовался я у напарника, занятого тем же делом.

– Вон, в шкаф закидывай, – отозвался тот.

– Не стащат?

– Смеешься? Это же гарнизон. Хоть посреди плаца барахло бросай, ничего ему не будет. Хотя насчет плаца я преувеличил – через пять минут на складе окажется. Но, опять же, ничего не пропадет, только на выпивку Петровичу попадешь.

Тут я Сашке, как, несомненно, более опытному в подобных вопросах, решил довериться. А потому без долгих раздумий запихал в шкаф снаряжение, заняв шлемом-наплечниками-наколенниками-налокотниками верхнюю полку. К некоторому моему удивлению, здесь же обнаружился встроенный оружейный сейф с механическим кодовым замком – тот еще примитив, но надежный.

– А это для чего? – осведомился я.

– Для оружия! – выпендрился Сашка и добавил: – Офицерская же общага, надо постояльцам где-то личные стволы хранить. Приезжим их в местную оружейку сдавать не принято.

А я-то думаю, чего нас не разоружили при въезде на территорию. Впрочем, умно. Множество проблем решает, особенно в таком крошечном гарнизоне. Людей едва хватает наряды тянуть, какой уж дежурный по общаге! Хотя в оружейке по-любому пост есть, и человек материально ответственный неотлучно при имуществе находится. Но это все лирика, если есть сейф, надо его использовать по назначению. Что я и проделал, с некоторым трудом затолкав в ящик «вихрь» и пистолет в кобуре. Мачете вместе с ножнами положил рядом с броником. Сашка последовал моему примеру.

– Слушай, – задумчиво проронил я, – тут же вроде взвод всего расквартирован, а городок чуть не на полк. Как так получается?

– Ну с полком ты загнул, а при введении военного положения на базе комендантского взвода батальон ополчения разворачивается из местных запасников. И взвод комендантский – это тебе не армейский, в нем полста человек личного состава только под ружьем и еще человек двадцать из вспомогательных служб: техники, завскладом, повара, медработник. Вооружение на этот батальон тут же хранится – видал, какой склад здоровый? Только техники реально на взвод, в случае чего ее из деревенского парка привлекают.

– Кто первый в душ?

– А кто займет, тот и первый! – И Сашка, хитрец этакий, вышмыгнул в коридор в одних труселях, прихватив полотенце.

Я тем временем разулся, неторопливо скинул бронекомбез, вылез из термобелья, тоже раздевшись до трусов, и принялся потрошить рюкзак на предмет извлечения сменки. Хотя по-человечески душ приму, впервые за неделю. Да и постирушками заняться бы надо – термобелье, оно хоть пот утилизирует, но тоже ухода требует. Пристроил аккуратно одежду на стуле, влез в тапочки и побрел в сторону душевой, захватив исподнее, как свежее, так и требовавшее стирки. Насчет душа Сашка беспокоился зря: кабинок оказалось целых три, отдельных, аккуратно выложенных белым кафелем. И вода горячая – то, что надо. Так что завис я надолго.

В комнату вернулся лишь через полчаса, развесил термобелье по спинкам кровати, натянул свежую футболку, штаны от полевой формы, сунул ноги в тапки и выжидательно уставился на Сашку. Тот безмятежно развалился на койке и, судя по виду, изучал рельеф беленого потолка.

– Чего там Иноземцев говорил про обед? – напомнил я.

– А?.. – очнулся напарник. – Пора уже. Здесь в гарнизонной столовке кормят, одевайся, а то не поймут и застроить попытаются.

Вот в этом я несколько не сомневался. Сам такой, не могу мимо одетого не по форме бойца спокойно пройти. К тому же считаю, что командир должен быть примером для подчиненных, потому и не стал возникать. Натянул сменку и ненавистные берцы, подпоясался ремнем с кобурой – негоже офицеру без личного оружия по военному объекту шастать. У меня как раз для такого случая дублирующая имелась, куда оставалось лишь пистолет сунуть. Ну и пилотку нацепил, куда же без головного убора.

Сашка со страдальческим видом напяливал потрепанный камуфляж: запасного нет, он в длительный рейд не собирался. А потому жестоко мне завидовал, такому всему чистенькому и свежему, благоухающему дезодорантом. Это я в честь прибытия выпендрился, в поле обычно ничем подобным не пользуюсь, дабы не выдать себя неестественным запахом. Но на всякий случай карандаш сухого «подмышечника» с собой взял – невелика тяжесть, а порой бывает весьма приятно.

– А что это у тебя за кепка такая странная? – удивился напарник, разглядев мою небесно-голубую пилотку.

Сам он щеголял в повседневном кепи с мягким матерчатым козырьком. Понимаю, на фоне камуфляжа смотрится забавно, но поделать ничего не могу – по форме положено.

– Это спецдевайс дьявольской силы. Дает плюс десять к меткости и плюс пять к харизме, – туповато пошутил я и ухмыльнулся при виде вытянувшейся Сашкиной рожи. – Пилотка это. – Подурачился, и будет. – Я вообще-то флотский, абордажник из экипажного состава. А нам по форме только они положены – никаких фуражек и прочих кепи. А у вас таких не носят, что ли?

– Нет.

– Понятно. У всех свои заморочки. Хотя воинская символика вроде совпадает. Кстати, а ты почему без погон?

– У «мародеров» в поле погонь носить не принято. Мы же вроде спецагентов, только работаем все больше на природе. Хотя знаки отличия имеются, – ткнул он пальцем в куртку, которую как раз застегивал.

Действительно, над левым нагрудным карманом располагалась нашивка с обозначением группы крови, а рядом с ней был пришпилен значок в виде силуэта «бобика» с рельефной звездочкой посередине.

– Так это ж эмблема автобата.

– Нет, у водил просто колеса, без излишеств. А «бобик» эмблема поисковиков, нам часто и далеко мотаться приходится. Звание по количеству и размеру звезд определяется. С майора и выше звезды большие, еще сверху и снизу перекладыны – типа как просветы на погоне.

– А сержантский состав как же? – удивился я.

– В «мародерах» только офицеры, с младшего лейтенанта начиная, его сразу после училища дают.

– Это сколько же у вас офицеры тогда...

– Немного. Во всей Поисковой службе личного состава не больше тысячи человек, включая вспомогательный персонал. А непосредственно «мародеров» сотни четыре, и вот они все офицеры. Мы в основном парами действуем, а когда нужно прикрытие, привлекаем пехоту.

– Ха... Голубая кровь, получается? Круче самого крутого спецназа?

– Нет. У нас задачи разные, и подготовка соответственно, – терпеливо пояснил Сашка. – Мы более универсальны, хотя чистых вояк намного лучше меня полно.

Вот и прояснилась ситуация. У нас таких называют коротко и ясно – рейнджер. И по задачам, и по специфике работы очень похоже.

– Ладно, хватит трындеть, на обед пора. И сними эту, как ее... пилотку. Внимание привлекаешь.

Тоже верно. Желудок уже давно и недвусмысленно сигнализировал, что пора бы подумать и о еде, а не только о пище духовной.

Столовка оказалась чистой и просторной, с полностью застекленной передней стеной – видно, что здание для приема пищи приспособлено, а не для обороны. Впрочем, надо же хоть где-то солдату от серых стен с окнами-бойницами отдыхать. А тут самое для этого место – здесь все же удовольствие получают, второе доступное для служивого человека после сна.

Мы двое были не единственными посетителями предприятия общепита: трапезу с нами делили человек двадцать бойцов, занимавших целый ряд столов у дальней стены. У окна напротив входа сидел Иноземцев. Увидев нас, он призывно махнул рукой. Возражать мы не стали и заняли места за его столом, весьма кстати сервированном на троих.

– Как устроились? – поинтересовался лейтенант.

– Нормально, – заверил Сашка и принялся вертеть головой в поисках обслуживающего персонала.

В качестве такового выступала симпатичная юная особа с длинными русыми косами, в аккуратном белом фартучке и косынке. Девушка миниатюрная, но здоровенный поднос с тарелками держала крепко и уверенно курсировала меж столами. Подошла, улыбнулась и ловко выставила перед нами душистый борщ.

– Приятного аппетита, товарищи офицеры!

И упорхнула в кухню, оставив после себя легкий фруктовый аромат.

– Это Елена Павловна, – пояснил Иноземцев. – Дочь нашего старшины. Так что слюни не пускать.

Ага, это ее папенька нас в общаге устраивал. Ну и ладно. Все равно я дальше мыслей греховных заходить не собирался, ибо ждут меня.

– У вас тут и духи производят? – удивился я.

– А как же! – Лейтенант зачерпнул полную ложку борща, подул. – У нас чего только не производят... частники. На заказ вообще что угодно могут сделать, лишь бы денег хватило. Чем эксклюзивней товар, тем дороже.

Ну да. Частный бизнес – двигатель прогресса. Судя по всему, в руках государства лишь производство жизненно необходимых товаров: оружия, снаряги и техники. Да и Сашка, помнится, что-то такое рассказывал. А все остальное на откуп свободным предпринимателям отдано. Интересно, что насчет сельского хозяйства?

– А село как? Тоже частники?

– Свободные арендаторы. Земля государственная, поэтому они половину продукции сдают по фиксированным ценам в госприемку, а со второй что хотят, то и делают. В принципе, всем хватает.

На этом разговор увял, и все отдали должное борщу. Потом подоспела перемена блюд (на второе потчевали свиной отбивной с картофельным пюре), а в заключение подали чай – травяной, как у Сашки, которым он меня на «перевалке» поил.

После позднего обеда (или раннего ужина, хрен поймешь) распрощались с гостеприимным лейтенантом и вернулись в общагу. Я вознамерился отоспаться на всю катушку, в безопасности и на удобной койке, хоть и малость скрипучей. У Сашки на вечер были планы, а потому он вскоре куда-то смылся, не забыв нацепить на пояс кобуру с кольцом, хотя при посещении столовой этим аксессуаром пренебрег. Вернулся он уже затемно, когда я, прокемарив часика три, проснулся и занялся просмотром технично умыкнутых с Сашкиного КПК файлов. Больше в этот день нас никто не побеспокоил, и мы с чистой совестью завалились спать. Я немного удивился, что Сашка не пристает с вопросами, но заострять внимание на этом факте не стал.

Глава 4

Система Риггос-2, планета Ахерон, Дубовка

2 марта 2535 года, утро

Утро следующего дня встретило прохладой, прямо как в древней песенке. Прибыл я на планету в самый разгар лета – по крайней мере, в этих широтах, – поэтому был порядочно разбалован сухой и теплой погодой. Чуть не попал под дождь, когда в первый раз из бункера вылез, потом как отрезало. А тут прямо-таки подвезло: за ночь небо затянуло грозowymi тучами, в приоткрытое окно пахло холодной сыростью, и даже под одеялом стало неуютно. Рассвело уже довольно давно, но за окном стояла серая хмарь, отчего на душе было пакостно. Хотелось принять на грудь чего-нибудь крепостью не менее сорока градусов, но желания не всегда совпадают с возможностями: несмотря на наличие НЗ в виде фляжки с коньяком, от употребления горячительных напитков ввиду скорой встречи с местной «кровавой гэбней» решил воздержаться. Во избежание. Завтрак в постель в обслуживание также не входил, поэтому я мужественно принял решение встать и приступить к утреннему туалету, благо для этого в офицерской общаге все удобства имелись.

Покончив с водными процедурами и облачившись в повседневку, решил разбудить напарника, ибо нефиг дрыхнуть, когда решаются, можно сказать, судьбы мира. Люблю иногда подпустить пафоса, ага. Однако рекомого напарника в койке не обнаружил, равно как и обмундирования. Вот стервец! Куда он, интересно, подался в такую рань? Хотя как говорит один мой знакомый – ну и ладно! Пойду завтракать.

Несмотря на ранний час, столовая работала. Подавали яичницу с салом (моя печень выразила бурный протест), свежие булочки и травяной взвар. Наплевав на животный белок, воздал должное печеностям, тем более к ним полагался десерт – малиновое варенье или мед, на выбор. Сидеть в теплой столовке, пронизанной вкусными запахами, и не спеша попивать чай было невыразимо приятно. Но долго предаваться сибаритству мне не дали: в общий зал вошли двое незнакомых военных в вездесущем камуфляже, дополненном фуражками с серыми околышами и зеленым верхом. У одного в руках коричневая кожаная папка, такая, знаете, в какой обычно всякие справки-копии-заключения таскают, с завязками и золотым тиснением. На этой разве что тиснения не было, а остальные атрибуты присутствовали. Второй тащил чемоданчик типа «кейс», достаточно компактный, но, судя по позе, тяжелый. Оба средних лет, с незапоминающейся внешностью. На поясах неизменные кольца «правительственной модели», но другого оружия не видно. Рядом вышагивал вероломный напарник Сашка, рожу его не покидала гнусная ухмылка, дескать, вот он, вражина, сидит, булки лопает с чаем и в ус не дует. Вот блин! Уж не с ними ли он вчера с вечера загулял, да еще и с употреблением спиртных напитков? Все может быть.

– Капитан-лейтенант Тарасов? – осведомился военный с папкой, остановившись в шаге от стола.

– Допустим, – с сожалением отодвинул я тарелку с булочками. Доесть теперь вряд ли удастся. – С какой целью интересуетесь, позвольте полюбопытствовать?

– Майор Зубов, Служба безопасности, – отрекомендовался папконосец. – Третье управление. Мой напарник, лейтенант Нечаев. Рады приветствовать.

– Взаимно, – проявил я вежливость, оторвав зад от стула. – Присаживайтесь, товарищи офицеры! Места хватит.

– Спасибо, мы позавтракали, – отказался майор. – Я вижу, вы еще не закончили. Мы будем ждать в девятом кабинете, лейтенант Иволгин потом покажет.

Ха! Ошибочка вышла насчет булок! Проводив задумчивым взглядом особистов, я переключил внимание на напарника. Тот как ни в чем не бывало уселся напротив, махнул официантке, и через минуту перед ним возникла тарелка с выпечкой, которую он принялся с аппетитом уплетать, запивая душистым взваром.

– Ну что, иуда местечковый, тридцать сребреников прожирал? – цинично ухмыльнулся я, но Сашка даже ухом не повел.

Правильно в общем-то, режим дело святое. Если бы я на собственную базу приволок случайно встреченного типа, пускай и оказавшего помощь, тоже в первую очередь к особистам его отвел бы. Порядок есть порядок.

Когда последняя булочка уютно устроилась в неприхотливом армейском желудке, я поднялся из-за стола, одернул китель и выжидательно уставился на напарника. Тот утрамбовал в пасть кусок сдобы, выхлебал чай и неторопливо побрел к столовским дверям, дожевывая на ходу. Вот засранец! Ладно, обострять ситуацию смысла нет, тем более я его прекрасно понимал. Вышли на улицу, в царство сырой хмари и прохладного ветра. Сашка перестал жевать, поднял вверх указательный палец и глубокомысленно изрек:

– Когда я ем, я глух, нем и вообще не способен адекватно реагировать на окружающую действительность.

– Пожра... э-э-э, покушал?

– Угу.

– Ну тогда объясняй, куда идем, и что будем врать, чтоб складно было.

– А врать не надо. Будем говорить правду.

– Как ты это себе представляешь?

– Очень просто. Они задают вопрос, ты отвечаешь. Они вчера ближе к вечеру приехали, вот я к ним на огонек и зашел, – пояснил напарник. – Благо обоим хорошо знаю, они «мароде-ров» курируют. Так вот, они мне вчера по секрету разболтали, что там, – Сашка ткнул пальцем в хмурое небо, – не могут определиться, что с тобой делать. Поэтому много не болтай, ограничься необходимым минимумом. Пусть они лучше нас в Чернореченск отвезут, а там, скорее всего, сам Соломатин с нами разбираться будет. Нам это выгодно.

– Как скажешь, – пожал я плечами, про себя отметив, что предложение подкованного в здешних интригах парня не лишено смысла.

В здание штаба вошли беспрепятственно, да и охрану в виде двух молодцев в полной боевой выкладке миновали без проблем. Девятый кабинет располагался в дальнем конце коридора, причем дверей я насчитал всего шесть. Выразил недоумение по этому поводу, на что Сашка ответил, что традиция такая: на любом военном объекте девятка зарезервирована за особистом, даже если весь он из одного этого кабинета и состоит. Как выяснилось, представитель Службы безопасности имелся в каждом достаточно крупном населенном пункте, где базировались войска, однако непосредственно в контингент не входил и армейскому начальству не подчинялся. Исключение составляло лишь военное положение.

Я деликатно постучал в дверь, дождался приглашения и с несвойственной мне обычно робостью шагнул в помещение. Наверное, нестандартная ситуация на нервы давит. Кабинет оказался довольно просторным, посередине стоял впечатляющих размеров письменный стол, к нему торцом был приставлен еще один, узкий и длинный – для посетителей. Обстановка стандартная: шкафы, забитые папками с документами, грубый сейф, еще один стол в углу – его как раз занял лейтенант Нечаев, возившийся с раскрытым кейсом. Майор Зубов восседал за чудом столярного искусства, перед ним лежала раскрытая кожаная папка, та самая, с тесемочками. Рядом аккуратно примостилась фуражка. Больше никого в комнате не было.

– А где местный? – чуть слышно процедил я, толкнув напарника в бок.

– Выгнали, ты ж секретный, – шепнул тот в ответ.

– Еще раз здравствуйте, – поднялся навстречу Зубов. – Присаживайтесь, разговор предстоит долгий.

Я опустился на стул с высокой спинкой – по-военному грубый, но крепкий. Сашка уселся напротив.

– Начнем со стандартных вопросов: имя, звание, с какой целью прибыли?

– Капитан-лейтенант Тарасов, Флот-2, экипажный состав. Отправлен вышестоящим начальством в систему Риггос-2 для проведения разведывательных мероприятий и установления контакта с местным населением. Это все, что я могу вам сообщить.

– Вы утверждаете, что прибыли из сектора пространства, контролируемого Земной Федерацией?

– Точно так.

– Вы говорите правду?

– Точно так.

– Вы не будете возражать против небольшой проверки?

– На предмет?

– Мы хотим убедиться в вашей правдивости. Тест на мнемосканере.

– Возражаю.

– В таком случае мы будем вынуждены вас арестовать и доставить под конвоем в Чернореченск. Разумеется, предварительно воспользуемся сканером.

– У меня есть встречное предложение, – с непробиваемой физиономией сообщил я и полез в набедренный карман за наладонником. Пугать он меня еще будет, ага. – Можете изучить во всех подробностях. – Передав активированный КПК майору, извлек из нагрудного кармана идентификатор и переправил ему же. – Могу также продемонстрировать оружие и снаряжение.

Зубов задумчиво покрутил в руках пластиковый прямоугольник с орлом и эмблемой абордажников на обороте.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Вы меня убедили. Тем более у меня есть приказ в случае вашего отказа от сканирования на процедуре не настаивать. Но в Чернореченск ехать придется.

– Кто бы возражал, – пожал я плечами.

– В таком случае час на сборы. Отправка в одиннадцать ноль-ноль! – закруглил беседу безопасник, вернув мое имущество.

Вот тебе и длинный разговор! Подозрительно легко он сдался. Где угрозы, где применение физического насилия, где попытка вколоть «сыворотку правды»? Где, я вас спрашиваю?!

Когда мы уже подошли к двери, майор остановил нас деликатным покашливанием.

– Капитан-лейтенант, у нас имеется просьба. Необременительная, но весьма настоятельная.

– Я весь внимание.

– Вот в этом мешке в углу полевая форма нашего образца. Размер должен подойти. Не считите за труд ехать в ней, хотелось бы свести демаскирующие признаки к минимуму. Не будем привлекать лишнего внимания.

– Есть.

Дух я немного перевел только оказавшись в коридоре. Странно, Зубов даже не потрудился хоть чуть-чуть на меня надавить, сразу пошел на попятный. На Службу безопасности это не похоже, какой бы убогой она ни была. Я понимаю, что дата изготовления КПК, равно как и срок действия, проставленный на идентификаторе, говорили сами за себя, но можно же было хотя бы попытаться из меня вытянуть какие-то сведения. Похоже, действительно у них приказ убедиться в моем инопланетном происхождении и доставить к вышестоящему начальству.

– Ну и что ты по этому поводу думаешь? – толкнул я Сашку локтем. – Это шутка такая была? Им действительно хватило идентификатора и капекашки? А если они поддельные? Или местные новоделы, как вариант?

– Расслабься, – улыбнулся напарник. – Я примерно такого развития событий и ожидал. Да и доказательства у тебя убедительные, оборудования, чтоб такой документ создать, у нас нет. Можно, конечно, на репликаторе воспроизвести, но опять же оригинал нужен. То же самое и к компу относится. Поэтому и отстали. Вот когда в Чернореченск приедем, они тебе устроят баню. И мать Кузьмы, и «здесь вам не тут» в одном флаконе. При непосредственном участии полковника Соломатина.

– Умеешь ты успокоить боевого товарища.

– А ты мне вовсе не товарищ, ты на меня вероломно напал и пленил. Питкам подверг. Вот я и проявил слабость, выдал сверхсекретную военную тайну. Так что с меня взятки гладки! – довольно осклабился Сашка.

– Про пытки подробнее, пожалуйста, – подпустив льда в голос, потребовал я. – И про вероломное нападение.

– А кто меня связал, бросил на пол, как куль с картошкой, и ушана на вертеле жарить начал? Да я, к твоему сведению, едва жив остался – чуть слюнями не захлебнулся!

Вот балбес. Ладно, не буду обращать внимания, само и отстанет...

Вернувшись в общагу, приступили к сборам. У Сашки из имущества кроме снаряжения лишь рюкзак да автомат с боекомплектom, мне же пришлось тяжелее – надо было уважить вежливую просьбу Зубова. Как и следовало ожидать, полевой камуфляж местной расцветки оказался чуть великоват. Все в соответствии с древней армейской мудростью: бывает лишь два размера – слишком большой и слишком маленький. Ибо мы не ищем легких путей, а обязаны мужественно переносить тяготы и лишения службы. Натянув штаны, обнаружил, что все не так уж и плохо: сидят немного мешковато, но с задницы не сваливаются, особенно с ремнем. Куртка почти впору, так что ограничился закатыванием рукавов и утяжкой талии специальными тесемками, вшитыми в подкладку. Ботинки оставил свои, обувь в выданный майором комплект не входила. А вот головной убор был в наличии – такое же патрульное кепи, как у Сашки. Оглядел отражение в зеркале на дверце шкафа, и признал правоту безопасника – вроде нормально, за местного вояку сойду запросто. Затолкал в освободившийся мешок собственный боевой костюм, туда же с трудом забил весь композитный обвес, даже наплечники поместились. Облачился в бронежилет с разгрузкой – если не присматриваться, сразу и не поймешь, что они от местных образцов довольно сильно отличаются. Пристегнул к правому бедру кобуру с пистолетом, а мачете в ножнах закрепил на рюкзаке. В него же отправил повседневку, в которой разгуливал по гарнизону последние сутки, и в результате оказалось, что шлем засунуть решительно некуда.

– Забей, – посоветовал напарник, увидев мое замешательство. – Пошли, пора уже.

Забей так забей. Навьючившись скарбом, вышли из комнаты и нос к носу столкнулись с Пал Николаичем – местным комендантом общаги и по совместительству старшиной комендантского взвода.

– Стоять, орлы! – рявкнул он. – А кто комнату сдавать будет?

Против старшины не попрешь, это любой служивый знает. Пришлось вернуться и отчитаться перед дотошным прапором по всем мелочам. Процесс занял около десяти минут, из которых львиную долю Николаич потратил на внимательный осмотр постельного белья и пересчет принадлежностей, выданных перед заселением. В конце концов, избавившись от зануды-старшины, мы направились в гараж, за машиной и остальным имуществом.

Безопасники уже ждали нас перед КПП, и мы благополучно пристроились в середину колонны из двух камуфлированных «бобиков» и кургузой бронемашины на четырех мощных колесах. Присмотревшись, я понял, что передо мной древняя БРДМ-2, из башни которой тор-

чал ствол крупнокалиберного пулемета. Наверняка «корд», если Сашке верить. Рядом выглядывало дуло поменьше – похоже, танковый «печенег». А что, для местных условий вполне достаточно: с броней и такими пулеметами любого встречного можно легко на ноль помножить. Первый «бобик» с тремя бойцами, один из которых устроился у «печенег» на вертлюге, сорвался с места и укатил вперед – наверняка передовой дозор. Зубов с напарником устроились во втором джипе, с ними еще один пулеметчик. Затем мы, а замыкала колонну «коробочка». Перед отправкой я все же решил прояснить ситуацию касательно одного вопроса и подошел к майору, занимавшему место водилы.

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

– Обращайтесь, капитан.

– Стесняюсь спросить, но зачем этот маскарад с переодеванием?

– Приказ вышестоящего начальника, – пожал плечами Зубов.

– А вас не смущает, что меня уже и так много народу видело в моем обмундировании и по прибытии обо мне лейтенант Иволгин прямым текстом в эфир докладывал?

– На этот счет не волнуйтесь. Мы запустили информацию, что возвратился из рейда наш сотрудник, экипированный из запасника ввиду особой важности и сложности порученного задания. Коротковолновую связь перехватывать еще никто не догадался, надобности нет. Доклад принимал непосредственно полковник Соломатин. Если даже кто-то случайно и слышал, то и бог с ним.

– А пленный?

– Он уже доставлен в Чернореченск. В Дубовке его не допрашивали.

– Спасибо. Разрешите идти?

– Идите.

На том и разбежались. Что ж, если безопасники считают, что секретность соблюдена, мне остается только довериться – им всяко виднее. В конце концов, пусть у них по этому поводу голова болит.

Тронулись, предварительно обменявшись рабочими частотами для связи. Путь наш пролегал по хорошо укатанному широкому тракту, машины шли бодро, глотая подвеской неровности дороги. Весьма кстати заморосил дождик, прибав пыль, а то бы надышались. Замыкающая БРДМ темп держала, так что ехали с приличной для движения в колонне скоростью, около пятидесяти километров в час.

– Нормально идем! – обернулся ко мне довольный Сашка. – Через пару часов в Чернореченске будем.

– А хрен ли тогда вчера не уехали? Смешное расстояние – четыре электрички...

– А?!

– Не обращай внимания, шутю я. Говорю, что вчера-то не уехали?

– Э, брат, тут большая политика! – ухмыльнулся напарник. – Мне, конечно, не докладывали, но я могу тебе сообщить свое личное мнение на этот счет.

– Было бы любопытно.

– Понимаешь, у нас хоть население по вашим меркам не очень большое, но по местным реалиям мы крупное и богатое государство. И как в любом государстве, у нас идет постоянная закулисная борьба. Не удивлюсь, если генерал Злобин при помощи Соломатина решил разыграть твою карту. Я уверен, что, кроме них, в верхнем эшелоне про тебя никто не знает. Поэтому и группу сопровождения выслали, и легенду придумали, и секретность блюдем. А с вечера не поехали по одной простой причине: к твоему прибытию подготовиться надо. Вот они время и выиграли таким образом.

– Звучит разумно.

– А ты думал, мы лаптем щи хлебаем? Тут знаешь, какие интриги закручивают! Круче, чем при французском дворе.

Что ж, обстановка немного прояснилась. Можно особо не грузиться, да и напарника лучше не дергать – пусть машину ведет, не отвлекается. Достал наладонник и принялся копаться в честно спи... э-э-э... позаимствованной у Сашки документации. Большую ее часть я еще вчера вечером изучил и узнал много интересного, в основном из области местной географии. Напарник показал себя педантом по части информации: ничего лишнего, только то, что относилось к профессиональной деятельности. Даже фотографии любимой девушки не нашлось, не говоря уж о таком неизменном атрибуте любого компьютера, как скрытая папка с порнухой. Лишь инструкции, боевые наставления и карты – вот их было великое множество. Все аккуратно рассортированы по папкам в соответствии с разбивкой на квадраты – система оказалась аналогичной нашей армейской. Но в такие крупномасштабные дебри я лезть не стал и ограничился изучением континента. Точнее, той его части, что прилегала к Чернореченску, – примерно по тысяче километров во всех направлениях.

В общих чертах местность совпадала с довоенной спутниковой фотографией, имевшейся в моей собственной базе данных, но обнаружилось и много отличий, обусловленных последствиями боевых действий. Например, все сколько-нибудь крупные поселения на Сашкиной карте были помечены как разрушенные и необитаемые, за исключением нашего пункта назначения. Сам город располагался в сердце лесного массива, на берегу речки Черной, в честь которой, собственно, и назван. Его окружала целая россыпь значков, обозначающих деревни и хутора, и все они находились в радиусе ста пятидесяти – двухсот километров от стольного града.

В двухстах километрах севернее был обозначен городок Застава, про который мне Сашка при первой встрече уже рассказывал. К юго-западу в трехстах километрах от Чернореченска в излучине Черной вольготно раскинулся Разгуляй – крупный речной порт. Если верить примечаниям, выше Разгуляя река была несудоходной, поэтому от столицы товары шли сушей, а уже потом перегружались на баржи и сплавлялись на юг почти на тысячу километров, к Порт-Владимиру, окруженному, как и Чернореченск, гроздью деревень. Это уже был порт смешанный: и речной, так как располагался в устье Черной, и морской, благо имел прямой доступ к Внутреннему морю. Кроме того, на карте было еще около двух десятков населенных пунктов, которые идентифицировались как города аборигенов. Получается, у местных тоже имеются государственные образования. Значит, не такие уж они и дикари. Что ж, будем иметь в виду.

Нашел я и Базу-7, и Полигон-1, правда, судя по условным значкам, они были заброшены. Впрочем, как и остальные довоенные объекты, которых обнаружилось неожиданно много. Один из них, База-центральная, торчал в середине заштрихованного пятна неправильной формы с надписью «Мутагенка» безо всяких пояснений. Однако у Сашки пока спрашивать не стал, потом выясню, не горит.

На карте полушария нашлось еще несколько занятных мест. Например, стало понятно, что Внутреннее море не море вовсе, а немалых размеров залив, являвшийся частью Северного моря Срединного океана. По крайней мере, я таким макаром перевел North Sea и Middle Ocean, в очередной раз поразившись убогой фантазией колонистов. Залив от остальной акватории отделялся цепочкой крупных островов, вроде Японской гряды на Земле, с несколькими аборигенскими городами. Посреди залива расположился загадочный объект, обозначенный как «Океанариум». Больше ничего интересного для себя я на данный момент не обнаружил. С изучением других материков решил не заморачиваться, тем более что для нынешних чернореченских картографов они представляли собой одно огромное белое пятно.

Сейчас мое внимание куда больше привлекли отброшенные вчера как наименее актуальные руководства к стрелковому оружию. Мне довелось в свое время пострелять и из автомата Калашникова (музейный экземпляр АК-74 отец не доверил, но в ведомственном тире имелись современные реплики), и из винтовки Мосина. Так что представление об оружии имею, но, как говорится в старом анекдоте, есть нюансы. Тут основной калибр 7,62x39 для обеих систем, то

есть местный автомат мощнее «семьдесят четвертого», а «мосинка», наоборот, хлипче прародительницы будет – та патрон 7,62x54R пользовала. Вот и получается, что в баллистике различия довольно велики, нужно заново учиться. Эк загнул! Еще неизвестно, что меня в городе ждет. Может, и вовсе бритвой по горлу и в колодец... Утрирую, конечно, но в жизни всякое случается.

Между тем дорога потихоньку становилась все ровнее и шире, перелески сменялись полями на просторных вырубках, то и дело попадались встречные машины: уже знакомые «козлы» и кургузые двухосные грузовики с квадратной кабиной, по-видимому «шишиги». Один раз мы обогнали нечто огромное и неуклюжее, под завязку набитое сеном. Сашка пояснил, что это большегрузный тягач на базе бэтээра. Народ на БРДМ реагировал спокойно, за стволы никто не хватался, такое впечатление, что передвижение усиленными колоннами тут в порядке вещей. И правда, одиночные машины почти не встречались, шли как минимум парой, а это уже показатель. Шалят на трактах злые люди, как пить дать, шалят.

– Бандитов много тут? – отвлекся я от КПК.

– Не-а. – Сашка был спокоен, как танк. – Здесь вообще нет. До Чернореченска десять минут езды осталось, безопасная зона.

– А почему в одиночку люди не ездят?

– Привычка. Это здесь безопасно, а километров на пятьдесят отъедешь, и уже легко в неприятности вляпаться можно. Вот и не расслабляются.

Ага, почти приехали. Убрав деактивированный наладонник в карман, я принялся оглядывать окрестности. Пока, кроме деревьев, вдоль пути ничего интересного не было видно, но едва мы вырвались из перелеска на очередную вырубку, Чернореченск предстал пред взором во всей красе.

Должен признать, такого я не ожидал. Столица княжества впечатляла даже такого избалованного мегаполисами привереда, как ваш покорный слуга. Нам осталось преодолеть еще около трех километров, но даже с такого расстояния были видны мощные стены защитного периметра. Город с двухсоттысячным населением и развитой промышленностью по определению весьма крупный объект, однако периметр тянулся змеей и вправо, и влево, не оставляя ни малейшей незащищенной лазейки, насколько доставал взгляд. Предполье пересекалось тремя поясами заграждений из «спиралей Бруно», то и дело на глаза попадались квадратные таблички. Я даже не стал осматривать их через монокуляр, и так ясно, что там мины. Проходы в колючке свободны, шлагбаумы свернуты в стороны, а в небольших будочках скучают дежурные наряды, роль которых, по-видимому, в случае опасности сводилась к блокированию прорех мотками «егозы» с последующим бегством под защиту стен. На колонну солдатики не обращали никакого внимания.

Дорога, вившаяся по полосе отчуждения, сначала вывела конвой к прогалу в многоярусном заборе из колючей проволоки, где у Зубова проверили документы хмурые патрульные, занимавшие блокпост со шлагбаумом и «кордом» на крыше. Интересы мы и здесь не вызвали, и нас без каких-либо претензий пропустили дальше.

Когда подъехали вплотную к Периметру – именно так, с большой буквы, ибо невозможно без уважения относиться к пятиметровой высоте стене, по гребню которой чуть ли ни через каждые пятьдесят метров торчали бетонные капониры с крупнокалиберными пулеметами, – мощные броневые створки ворот уже гостеприимно разъехались в стороны. За ними обнаружился хитро выгнутый коридор с глухими торцами, этакий перископ в разрезе, в прямых углах которого прятались пулеметы. Свернули, преодолели метров двадцать под прицелами двух «кордов», еще раз свернули и выбрались на свет божий – причем не в сам город, а в очередной загон-отстойник, отделенный от жилых кварталов путаницей колючки. Здесь нас ожидал еще один пост с парой пулеметов и двумя бронемашинами, очертаниями напоминавшими БТР-80. Собственно, это они и были, только башенки какие-то странные. Ну да, в них

же спарка «корд» плюс «печенег» установлена, а не классические КПВТ и ПКТ. Вполне себе самостоятельные мобильные огневые точки. В случае чего ими даже входной тоннель закупорить можно и разбирать плотным огнем любого супостата на запчасти. А еще я заметил, что местные военные очень любят все удваивать.

Здесьние служаки проверкой документов не ограничились: двое (!) серьезного вида пареньков в полной боевой выкладке еще и машины осмотрели, не поленились даже в БРДМ заглянуть. Что искали, я так и не понял, возможно, тех самых гадских шпиёнов. А может, и незаконно ввозимый на территорию Чернореченска деревенский самогон.

Изнутри Периметр уже не поражал величием: стены высотой всего лишь в пару метров, что объяснялось наличием земляной насыпи, из стандартных пенобетонных плит двадцатисантиметровой толщины, да колонны капониров, собранных из пенобетонных же колец не особо большого диаметра – как раз внутри человеку по лестнице забраться. По всей длине забора были протянуты сварные мостки, по которым курсировали редкие часовые. Но все же первое впечатление навсегда зафиксировалось в памяти.

Выехав из отстойника, колонна разделилась: бронемашина сопровождения резко взяла вправо и укатила по широкой асфальтированной дороге, проложенной вдоль внутренней стороны Периметра – прямо МКАД, блин! – наши же два «бобика», присоединившись к джипу передового дозора, неторопливо направились в центр города.

Система Риггос-2, планета Ахерон, Чернореченск

2 марта 2535 года, день

Движение было по местным меркам оживленное, хотя после мегаполисов Федерации с их бешеным трафиком мне улицы показались чуть ли не пустынными. Я с интересом вертел головой, изучая окрестности. Жилые районы плотно застроены, видать, ограниченная площадь дает о себе знать, но при этом домов выше пяти-семи этажей пока не видно. Много сквериков, везде, где позволяет место, растут деревья. Проезжие части относительно широкие, кое-где даже четырехполосные, заасфальтированные, газоны и пешеходные дорожки ухоженные. Симпатичный городок, чистый и уютный. Чем ближе к центру, тем плотнее поток машин, тем больше народу вокруг. И в спальных районах то и дело попадались магазинчики, кафешки и просто пивные, а уж в местном «сити» вообще все нижние этажи зданий были заняты разнообразными заведениями, призванными безболезненно облегчить карманы трудового народа.

– Саш, а чего мы через центр прем, как на выставке? – удивился я. – Мы ж вроде секретные.

– Фигня, – отмахнулся напарник. – Здесь такие колонны по десять раз на дню ходят – самая короткая дорога от Армейки к Южным воротам.

– Армейки?

– Ну да. Ты что, до сих пор в план города не заглядывал?

Вот блин! Я даже смутился немного. Прогнал, признаю.

– Объясняй уже...

В последующие пять минут я узнал, что Чернореченск условно делился на две части: северную – промзона и основные военные объекты, сосредоточенные в районе, который назывался Армейка, и южную – спальные районы и центр, здесь располагалось жилье, вся торговля и культурно-развлекательные заведения. Весь наличный состав боевой техники, как нетрудно догадаться, базировался в Армейке, и, чтобы добраться до Южных ворот, нужно было сделать нехилый такой крюк километров в десять по обводной кольцевой дороге. Вот хитрые вояки, дабы не терять драгоценного времени, и повадились кататься через центр. Это, конечно, не одобрялось Советом и лично председателем, но больше как-то на словах, потому на оное неодобрение военные со свойственным им здоровым цинизмом забивали болт и продолжали

ездить, как ездили. Короче, и здесь бардак. И мы еще скромно идем, не в силах тяжелых – БРДМ-2 в объезд на базу отправили.

Между тем наш конвой пересек центральную часть города и выбрался к пенобетонной стене, тянувшейся в обе стороны. До Периметра ей, конечно, далеко, но сверху была пущена колючка, и высота такая, что не каждый перелезет с наскока. Колонна взяла вправо, некоторое время тащилась вдоль угрюмых серых плит, но вскоре остановилась на очередном контрольно-пропускном пункте. Здесь уже особых строгостей не наблюдалось: хлипкий шлагбаум, пара бойцов с автоматами и дежурный в чине лейтенанта. Майор Зубов что-то сказал офицеру, и все три внедорожника безо всяких формальностей проследовали на закрытую территорию.

– Ну вот мы и дома! – улыбнулся во все тридцать два зуба Сашка. – Армейка! Через пять минут в ППД будем.

Действительно, очень скоро колонна притормозила перед огороженной территорией типичной ВЧ. Дежурный в будке активировал электропривод, и тяжелая створка ворот отъехала вбок, освободив проезд. Машина сопровождения тут же ушла к видневшимся слева гаражным боксам, а мы проследовали за «бобиком» Зубова к приземистому двухэтажному зданию. Как я и предполагал, оно оказалось штабом Поисковой службы, о чем недвусмысленно свидетельствовала соответствующая табличка. О военном назначении постройки напоминали лишь решетки на окнах и мощная металлическая дверь, впрочем, не запертая. Припарковались на аккуратно размеченном пятачке и благополучно выгрузились, оставив пожитки в кузове. Я попытался было захватить рюкзак, но Зубов посоветовал ограничиться личным оружием. Сашка на это отреагировал спокойно, так что я с чистой совестью бросил барахло в машине.

Как и положено, за дверью располагалась проходная с турникетом, сбоку в специальном закутке сидел наряд. На наше появление не обратили особого внимания, лишь лейтенант-дежурный поинтересовался целью посещения. Добросовестно записал данные прибывших в журнал учета и без возражений выделил одного из дневальных на охрану машин. Автоматы пришлось оставить под роспись в имевшемся тут же оружейном шкафу. Дальнейший наш путь пролегал на второй этаж, в кабинет начальника службы полковника Соломатина.

В приемной нас встретил хмурый адъютант в капитанском звании. Выслушав доклад Зубова, велел ждать и скрылся за дверью. Вернувшись через несколько минут, предложил Нечаеву и Сашке отбыть в распоряжение и озаботиться написанием подробных отчетов, а нас с майором пригласил в кабинет.

Обитель местного руководства до боли напоминала логово моего непосредственного начальника кап-1 Борщевского: такое же просторное светлое помещение с ковровым полом, парой стеллажей со всяческой дребеденью вроде кубков и грамот, и всенепременными столами – хозяйским письменным и несколькими обычными, составленными буквой Т. Ну и платяной шкаф в углу, куда ж без него. На больших окнах с пластиковыми рамами жалюзи, стены и потолок тщательно побелены. Над головой хозяина кабинета красовался портрет мужика средних лет с очень усталым лицом.

Пока Зубов докладывался, я успел хорошенько рассмотреть полковника Соломатина. Среднего роста, худощавый, с твердыми чертами лица и умным взглядом, он производил впечатление серьезного человека, профессионала в лучшем смысле слова. Достаточно молодой – на вид чуть за сорок, – но битый жизнью дядька. На подбородке едва заметный шрам, и кожа на левой щеке отдавала гляncем – такое бывает после регенерации тканей. Повседневная форма цвета хаки сидела как влитая, и в какой-то другой одежде полковника было трудно представить. Плавные, выверенные до миллиметра движения выдавали опытного бойца. Подобная пластика вырабатывается только годами полевой работы. Не уверен, что смогу с ним легко справиться в случае чего. Но самое главное – глаза: серо-стальные, колючие, так и кажется, что этот человек видит тебя насквозь и читает как открытую книгу. Мне даже стало немного не по себе – в этом отношении Борщевскому до местного начальства далеко. Впрочем, кап-1

брал несколько другим, его тяжкий, как все мои грехи, взор буквально придавливал к полу. Разумеется, когда он того хотел.

– Вольно, товарищи офицеры, – выслушав доклад, буднично произнес полковник. – Присаживайтесь.

Зубов привычно разместился на ближнем к хозяйскому столу гостевом стуле, я устроился напротив. Глава «мародеров» несколько секунд буравил меня взглядом, проверяя на прочность, но я проявил стойкость и глаз не отвел. Хотя, видит бог, было трудно.

– Будем знакомы, – наконец, протянул руку хозяин кабинета. – Я, как вы уже поняли, начальник Поисковой службы полковник Соломатин, Николай Иванович.

Я пожал крепкую ладонь с грубой кожей и представился в ответ:

– Капитан-лейтенант Тарасов Александр Александрович, Военно-космические силы Земной Федерации.

Соломатин задумался ненадолго, наверное, до сих пор не решил, какую линию поведения выбрать. Затем все-таки определился и заговорил.

– Признаться, вы своим появлением поставили меня в неловкое положение, – покачал головой полковник и привычным, по-видимому, движением потер шрам на подбородке. – Впрочем, не только меня. Сначала мы не поверили, потом засомневались, но теперь, когда вы прибыли в Чернореченск, сомнения отпали. Но проблем возникло великое множество...

Главный «мародер» замолчал и выразительно глянул на меня. Потом перевел взгляд на Зубова, мотнул головой в сторону выхода. Тот не заставил себя долго ждать и скрылся за дверью.

– Для начала хотелось бы узнать цель вашего появления, – нарушил молчание Соломатин. – Первоочередные задачи, планы на ближайшее будущее.

– Мои личные планы, товарищ полковник, или вас больше интересуют намерения моего командования? – уточнил я.

– Все сразу.

– Если коротко, я должен провести разведку планеты и по возможности установить контакт с населением. Это приоритетные задачи.

– А ваши личные планы?

– Мои личные планы совпадают с заданием командования. За исключением одного: мне необходимо изыскать способ вернуться домой.

– Возникли какие-то проблемы? – вздернул бровь полковник.

– Чисто технического плана.

Соломатин собрался что-то ответить, но в этот момент отворилась дверь и в кабинет вошли двое мужчин средних лет. Полковник вскочил, застыв по стойке «смирно», я последовал его примеру. Армейский рефлекс, что поделать.

– Садитесь, – махнул рукой мужик постарше, с побитым оспой лицом.

Одет он был в обычный камуфляж, но на фальшпогонах красовались большие генеральские звезды.

– Есть, товарищ генерал! – Соломатин слегка расслабился и пересел на один из гостевых стульев, а камуфляжный генерал занял хозяйское место.

Второй визитер – среднего роста, бородатый, с заметным пузом – уселся рядом со мной. Тут же сунул руку, буркнул: «Зайцев!» и переключил внимание на Соломатина с генералом. Судя по повадкам и растрепанной одежде туристического типа, мой новый знакомый являлся представителем ученого племени.

– Продолжай, Коля, – ободряюще кивнул полковнику генерал.

– Мы, собственно, еще толком и не разговаривали, – развел руками Соломатин. – Вы ничего не пропустили.

– В таком случае, начнем с процедуры знакомства, – обозначил улыбку обладатель больших звезд. – Я генерал Злобин, Павел Михайлович. Начальник гарнизона Чернореченска. Рядом с вами сидит Зайцев Лев Валентинович, наш главный научник. Специалист по всему на свете, хотя упорно от этого факта отрешивается.

– Да ладно вам, – привычно засмутился ученый. – Я просто начитанный дилетант, ничего толком не умею, только языком трепать.

– Капитан-лейтенант Тарасов, Военно-космические силы Земной Федерации! – снова вытянулся я.

– Вольно, капитан, – отмахнулся Злобин. – Звать-то вас как?

– Александр.

– Саня, значит... Я не буду ходить вокруг да около, сразу раскрою карты. Ваше появление дает нам шанс решить множество проблем, но одновременно с этим вы сами очень большая проблема. Сейчас объясню. С некоторых пор у нас возникли стойкие подозрения, что на планете орудуют некие таинственные силы. – Генерал поиграл желваками, Соломатин вновь потер шрам. – Причем силы враждебные. Похоже, к нам пожаловали легорийцы.

Ага, не зря мое начальство опасалось подобного развития ситуации. Еще бы чуть-чуть, и все, финита. Пока же шансы есть. Но прежде дослушаем генерала, а потом будем делать далеко идущие выводы.

– Прямых доказательств у нас нет, только косвенные, – продолжил развивать мысль Злобин. – Даже больше догадки, подтвержденные слухами и анализом обстановки. В последние полгода на границах резко увеличилось количество стычек с аборигенами, особенно осмелели кочевники. Настораживает тот факт, что они активно пользуются огнестрельным оружием, чего ранее за ними не замечалось. Пару месяцев назад пограничники захватили небольшой обоз, в нем обнаружили боеприпасы неизвестного происхождения. В принципе, обычные патроны 7,62x39, только клейма нашего механического завода нет. Точно так же к нам в руки попали винтовки под наш стандарт, неизвестно где изготовленные, с деревянными ложами. Но это еще полбеды. Кто-то рьяно занялся пиратством на Черной, причем ниже по течению, между Разгуляем и Порт-Владимиром. И у этих пиратов имеется тяжелое вооружение – пулеметы и гранатометы. Что вообще за гранью возможного. Плюс гуляющие по всему побережью слухи о каких-то таинственных «людях с неба», обосновавшихся на островах Южной гряды. Что характерно, парни из Морской разведки Порт-Владимира ни сном ни духом об этих загадочных пришельцах. Кроме того, наши люди, занятые торговлей с аборигенскими княжествами, все чаще докладывают о разнообразных технологических прорывах, случающихся в самых разных ремеслах, причем никаких предпосылок к этому раньше не было. На черном рынке появилось довольно много предметов домашнего обихода и орудий труда, никогда ранее не производившихся местным населением. И кто-то занялся целенаправленным демпингом, сбивает цены на наши товары. Напряженность растет, а ясности в обстановке все меньше и меньше. Поэтому мы и сделали вывод о вмешательстве наших заклятых друзей. Ваше появление пришлось как нельзя кстати, – подвел итог генерал. – Есть мнение, и не только мое, что сотрудничество с Землей куда лучше, чем оккупация чужаками. Поэтому хотелось бы узнать, что именно может предложить ваше командование в плане взаимодействия.

Злобин пристально уставился мне в глаза в ожидании ответа. Я же крепко задумался. В общем, картинка ясная. Но это для меня, новичка в этом мире. Местные специалисты пришли к выводу вполне с их точки зрения правомерному, я же разглядел одно «но». Причем такое, что перекрывало все возражения. Никто в Федерации ни разу не видел, чтобы легорийцы вступали в коммерческие отношения с людьми. Все контакты сводились либо к обмену информацией в той или иной сфере деятельности, либо к стрельбе из всех стволов. Хотя тут загадочные пришельцы торговали с аборигенами, непонятно в каком родстве с землянами состоявшими – так до сих пор и не удосужился на их счет расспросить Сашку. К тому же с трудом вери-

лось, что легорийцы будут копировать древние земные технологии, чтобы всучить их местному населению. С моей колокольни более интересной выглядела версия с нашими пиратскими кланами из Внешних миров. Вполне в их стиле повернуть изящную операцию с тайным внедрением агентов влияния, подкрепленную грамотной торговой политикой. Опять же, ключ-карту к телепорту мы именно у пиратов добыли. Однако информации для такого глобального вывода все-таки маловато, поэтому попридержу пока эти соображения при себе. Тем более что версия с легорийцами тоже имеет право на жизнь.

– Товарищ генерал, я не обладаю необходимыми полномочиями. – Я решил не юлить и выложить все начистоту. – В мою задачу входит предварительная разведка и оценка обстановки. По возможности установление связи с местным населением. Ничего более. Поэтому все, что я могу предложить, – выход на мое командование для переговоров. Но тут есть нюансы.

– Нюансы?

– Возникли проблемы чисто технического плана. Ничего сверхсложного, но потребуется некоторое время для их устранения. Ну и без вашей материальной поддержки не обойтись.

– Сроки? – Генерал начинал мне нравиться, ничего лишнего, голый прагматизм.

– От недели до месяца, может, больше.

– Ну что ж. – Злобин хлопнул ладонями по столу и поднялся. – Я и не рассчитывал на немедленный результат. Я бы начал вас подозревать, предложи вы решить проблему за сутки-двое. Считайте, что поддержка у вас есть. Детали обсудите с полковником Соломатиным и товарищами из научного отдела. Лев Валентиныч, озаботьтесь. И еще одно, – обернулся он уже от двери, – некоторые весьма влиятельные люди из руководства города и Торгового Братства не заинтересованы в разрешении кризиса. Поэтому мне хотелось бы, чтобы вы действовали инкогнито. Постарайтесь не афишировать свое происхождение. Детали, опять же, обговаривайте с полковником.

Некоторое время после ухода генерала в кабинете царило задумчивое молчание. Первым заговорил Соломатин.

– Ну что, коллеги, может, чайку? – осведомился он, заняв законное место за письменным столом.

– Не откажусь, – отозвался Зайцев. – Давай чаю, Коля, и займемся делами не столь приятными.

Чай оказался травяным сбором вроде Сашкиного – похоже, тут везде такой потребляли. Заваривал его полковник в архаичном металлическом чайнике, хоть и электрическом, причем заваривал сам, находя в этом процессе удовольствие. И кружки у него были поллитровые, не чета одноразовым стаканчикам из автоматов у нас на базе. Заполучив каждый свою долю душистого пойла, расселись за полковничьим столом.

– Ну что ж, капитан, заваливайте нас проблемами, – перешел к делу Соломатин, отхлебнув чаю.

– Давайте для начала определимся с моим статусом. – О насущном нужно заботиться в первую очередь, а то забудется, и бегай потом за начальством. – Я у вас на птичьих правах или как?

– Статус... – задумался полковник. – Со статусом дела обстоят следующим образом: генерал приказал блюсти секретность, поэтому козырять принадлежностью к ВКС Земли не стоит. Теперь вы капитан Поисковой службы Чернореченска, со всеми вытекающими последствиями. Вот ваш офицерский билет, вот продовольственный аттестат, вот аванс за месяц.

Соломатин выложил на стол два пластиковых прямоугольника и пачку бумажных банкнот. Присовокупил к ним кобуру с пистолетом – ага, старый знакомый, девятнадцать одиннадцать «правительственная модель» под парабеллумовский патрон. Не зря они ночь на подготовку выгадали. Вопрос только, когда они меня сфотографировать успели?.. Судя по ракурсу, на одном из постов срисовали.

– Форма у вас есть, – продолжил полковник, – остальное снаряжение принесут чуть позже, на склад человека уже послали. С жильем определяйтесь сами. Можете жить на территории части, у нас есть офицерское общежитие. Или снимайте квартиру в городе, с этим проблем нет. В любом случае с вашим собственным снаряжением придется расстаться, оно будет храниться в нашей оружейке, здесь, в штабе.

– КПК оставлю, – сразу уточнил я. – Он на вид от ваших не сильно отличается, не специалист и не поймет.

– Хорошо. Все остальное сдадите моему адъютанту. Вернем по первому требованию, сохранность гарантируем. Подчиняетесь непосредственно начальнику службы, то есть мне. – Соломатин выложил на стол еще одну пластиковую карточку. – Это универсальный пропуск, он же карт-бланш. Если кто-то из служивых попытается вас застроить, не стесняйтесь, показывайте. Вы сейчас сотрудник группы специального назначения, которая работает под моим непосредственным руководством, даже начальник гарнизона не может прыгать через мою голову. Если кто-то начнет интересоваться, откуда вы взялись, ссылайтесь на подписку о неразглашении, но можете пустить слух, что долго работали в Порт-Владимире. Вопросы?

– Кто еще входит в состав группы?

– Пока только вы. Группа создается для решения какой-то конкретной задачи, потом распускается. Постоянного состава нет, привлекаем специалистов по мере необходимости.

– Я бы хотел, чтобы со мной работал младший лейтенант Иволгин.

– Не вопрос. Я как раз его и планировал привлечь для вашей опеки. Будет куратором от Службы. Лев Валентинович, – обратился полковник к научнику, сосредоточенно хлебавшему чай, – от вашего департамента будет человек?

– Обязательно, – кивнул тот. – Хотелось бы самому поработать с таким интересным материалом, однако дела. Еремеева пришлю, Петрушу.

– Годится. Я думаю, вы работаетесь, – подмигнул мне полковник. – Только сразу его не убивайте, потерпите чуток. Ко мне еще вопросы есть?

– Никак нет! Со статусом все понятно. Остались технические и организационные детали.

– Насчет технических деталей к представителю научного отдела! – отрезал Соломатин. – Обговорите, составите заявку, Лев Валентинович подпишет. Насчет прикрытия, сопровождения и охраны решайте с куратором от Службы. На стадии планирования операции можете привлекать специалистов, Иволгин подскажет кого. – Полковник обновил чай, устроился удобнее за столом. – Теперь вкратце обрисуйте нам сложившуюся ситуацию.

– Если коротко, то есть проблемы, – приступил я к рассказу. – Для проникновения в ваш мир использовалась довоенная телепортационная сеть. Внутрисистемная. Не спрашивайте меня, как мы к ней подключились, я сам не понимаю. Знаю только, что удалось обнаружить три активных телепорта в разных частях планеты. Соответственно, отправились на разведку трое агентов. В момент моего перехода произошел сбой канала, я попал под энергопробой. По прибытии на место выяснилось, что вся электронная начинка снаряжения сгорела, поэтому у меня сейчас нет связи с остальными. Телепорт нестабилен, насколько я понял, энергоблок практически сдох. Чтобы поддерживать постоянный канал, не хватит запасов энергии целого флота, поэтому планировалось открывать переход каждую неделю в определенное время на пять минут. Но приемная станция в нынешнем своем состоянии не сможет обеспечить даже такое кратковременное включение. Собственно, проблема как раз в этом: нужен специалист по энергетике, ремонтное оборудование и материалы.

– Это вполне реально, – заключил Зайцев. – Найдем все необходимое.

– Неплохо было бы пообщаться со специалистом по электронике. Если удастся реанимировать мой баллистический компьютер, сможем выйти на связь с другими агентами. Если они все еще на планете, хотя в этом я сомневаюсь. Они ушли в штатном режиме, могли уже выполнить поставленные задачи и вернуться на базу.

– Поищем. Но тут никаких гарантий, с электроникой у нас туго, – не стал обнадеживать меня научник. – В Океанариум бы вам попасть, там помогут.

– Не пойдет, – вмешался Соломатин. – Время не терпит. Принимаем вариант с телепортом. Место сможете указать?

– Конечно.

– Тогда решили.

– Товарищ полковник, небольшая просьба.

– Я вас слушаю.

– У меня есть еще одно задание. Секретное, – обломал я наострившего уши полковника. – Могу лишь сказать, что оно связано с поиском довоенной информации. Я могу рассчитывать на вашу поддержку?

– Смотря в чем она будет заключаться.

– Мне бы хотелось поработать с вашими архивами и в случае необходимости получить военную помощь, если вдруг куда-то лезть придется.

– Архивы... – задумался Соломатин. – Могут возникнуть трудности.

– Меня интересует только информация о довоенном периоде. Ваши современные секреты мне не нужны. Плюс в качестве жеста доброй воли могу предложить небольшую библиотеку – в основном публицистика, исторические труды, художественной литературы немного. Из моей личной коллекции. К сожалению, ничем иным помочь не могу.

– Хорошо, я дам вам ограниченный допуск. Информацию моему адъютанту передайте. Насчет силовой поддержки будем решать по ходу дела.

– Благодарю, товарищ полковник!

Система Риггос-2, планета Ахерон, Чернореченск

2 марта 2535 года, день

Про склад я при свидетелях решил не распространяться, лучше потом полковнику скажу, наедине. Пусть прогиб засчитается, мне с вояками еще долго сотрудничать. С научниками, в принципе, тоже, но при поддержке Соломатина, думаю, проблем не возникнет. Пускай главный «мародер» разделом имущества занимается, ему по должности положено. Кстати о птичках. В штабе службы после окончания разговора с полковником я долго не задержался: сначала плотно пообщался с майором Zubовым на предмет отчета по инциденту с «мародерами», а потом за каких-то полчаса сдал свое снаряжение на ответственное хранение местному начальнику артмастерской. Соответствующее подразделение располагалось в том же здании, но в другом крыле. Привел меня туда соломатинский адъютант, но нянчиться не стал – видать, своих дел хватало. Там я незамедлительно нашел общий язык с главным оружейником, в итоге процесс передачи материальных ценностей прошел быстро и безболезненно. Сложил все приبلуды в персональный сейф, оружие и боеприпасы по описи в индивидуальную ячейку в оружейном шкафу, и остался при КПК и дареном кольте. Правда тут же был вознагражден новеньким АК-103 с положенным боекомплектom и стандартной разгрузкой. Бронежилет оставил свой, и термобелье тоже. Обул новенькие скрипучие берцы, навьючился рюкзаком с обещанными остатками снаряжения и сменной формой и в таком виде потопал на выход.

Впрочем, ушел я недалеко – остановился у стойки проходной. Наверное, вид у меня был донельзя задумчивый, потому что почти сразу меня окликнул лейтенант-дежурный:

– Товарищ капитан, вам помочь?

– Ага, – радостно кивнул я в ответ. – Было бы неплохо. Скажите, товарищ лейтенант, а можно как-нибудь связаться с лейтенантом Иволгиным из «мародерской» службы?

– Конечно, – уверил меня дежурный и поставил на стойку странного вида аппарат, в котором я с удивлением опознал старинный проводной телефон. – Вот прямо сейчас и позволим. – Приложив трубку к уху, он уверенно натякал на цифровом блоке номер. – Алло, из

штаба беспокоят. Лейтенант Иволгин у себя? Пригласите его к аппарату, пожалуйста. Ну вот, сейчас позовут его. – Лейтенант перевел взгляд на меня. – Вы, наверное, не местный?

– А что, сильно заметно? – уподобился я древним евреям.

– Есть немного. Местный бы знал, что отчеты «мародеры» пишут всегда в расположении части, причем немедленно по прибытии. У них отдельный корпус, в котором у всех есть свое рабочее место. Вот если бы вы часика через два искать начали, то пришлось бы на домашний звонить, потому как рабочий день закончился бы уже.

Угу. Все предельно просто, оказывается. Тяжело на новом месте привыкать будет. Ладно, служебных реалий не знаю. Так я еще и на мелкой бытовухе легко проколюсь, и доказывай потом, что не шпиён. Ага, тот самый, гадский. Как подумаю, что в общагу заселяться придется, так страшно становится. А все никому не нужная секретность, которую «блюдаем, раз начальство приказало».

– Товарищ капитан! – протянул лейтенант трубку, из чего я сделал вывод, что Сашка добрался до телефона.

– Алло! – нерешительно произнес я, прижав к уху шипящий пластиковый агрегат.

– Сам ты «алло»! – передразнил на том конце провода Сашка. – Чего хотел? Я отчет пишу, задолбался уже, а тут ты со своим «алло»!

– Не паясничай. Проблема нарисовалась, ты местный, вот и помогай. Тем более Солома-тин сказал, что ты со мной в спецгруппе и куратором будешь.

– В курсе, – отозвалась трубка.

– Короче, с жильем решить надо.

– Тьфу, проблему нашел. У меня жить будешь.

– В общаге, что ли?

– Смеешься? – возмутился Сашка. – Дома у меня. Сдам тебе комнату по всем правилам. Нечего по общагам ютиться, к тому же на довольствие тебя возьмем, мать рада будет. Мы-то с отцом все больше на работе пропадаем, ей готовить некому.

– Годится. Где встречаемся?

– Стой у штаба, я отчет почти добил. Минут через пятнадцать подскочу, поедem в ору-жейный лабаз, а после домой.

– Добро.

Сашка не дослушал, согласие я выражал уже гудкам.

Напарник не обманул: не прошло и двадцати минут, как он лихо подкатил к крыльцу на давешнем «бобике». Я как раз спорил с лейтенантом-дежурным о достоинствах и недостатках калибра 9х19 Para, когда с улицы донесся звук клаксона – надо сказать, сильно режущий слух. Оборвав дискуссию на полуслове, схватил пожитки и вышел на улицу. Там закинул поклажу в багажное отделение «такси» и устроился рядом с Сашкой.

– Ну поехали...

– Не нукай, не запряг! – ответил тот банальностью, воткнул передачу и плавно тронул машину с места. – Сначала в магазин заглянем, Михалыч ждет.

– Кто такой Михалыч?

– Увидишь.

Ишь ты, загадками говорить начал. Ладно, мы не гордые, подождem чуток.

– А машину тебе в постоянное пользование дали?

– Ага. Но ты не обольщайся, не из-за тебя. – Сашка лихо вырулил к КПП. – Я ж «маро-дер», мне машина по роду деятельности положена. И отвечаю я за нее материально. Вот начальство глаза и закрывает на нецелевое использование матбазы, в пределах разумного, пока за бензин плачу.

До обещанного лабаза ехать пришлось довольно далеко: мы пересекли центр, потом долго крутились по узким улочкам какой-то полупромышленной зоны. Как выяснилось, между

спальными и торговыми районами предприимчивые дельцы устроили нечто вроде складского комплекса, где честные коммерсанты могли снять помещение для перевалочной базы. Здесь же ютились несколько автосервисов и оружейных мастерских. Искомый лабаз оказался небольшим магазинчиком в полуподвальном помещении здоровенного двухэтажного склада чуть ли не в квартал длинной, причем вход был не с улицы, а со двора – если не знать дороги, то и не найдешь. Странно вообще-то, коммерческое предприятие все-таки, клиентов заманивать надо, а тут вон как. Впрочем, бывают такие заведения, из разряда «только для своих»: кто попало не зайдет, да и не привечают там случайных людей.

– Добро пожаловать в «Ларец»! – провозгласил Сашка, выпрыгнув из «бобика». – Наш рекламный слоган: «Найдем все, что закажут, а что не закажут – все равно найдем»!

Напарник выудил из багажника тук с «мосинками» и направился к внушительной бронедвери, спрятанной под бетонным козырьком. Я пошел за ним, навьючившись остатками трофеев.

– Ты еще скажи, что владеешь этим предприятием, – решил я подковырнуть парня.

– Ага. На равных долях с Михалычем! – обломал меня тот. – У нас тут не только магазин, но еще и мастерская, и сервисный центр. Занимаемся штучным товаром, работаем в основном по заказам. Что не можем найти на стороне, изготавливаем сами. Михалыч на этот счет золотой человек.

– Ну и как, доходы стабильные?

– Более-менее. Михалычу на жизнь хватает, да и мне приработок неплохой. Клиентура постоянная имеется, опять же. Причем не из последних людей.

– А нафига ты тогда в армию подался?

– Из жажды приключений и врожденной склонности к романтике, – отрезал Сашка, пинком отворив дверь.

Изнутри лабаз все-таки больше походил на магазин, чем с фасада. По крайней мере, пара витрин с образцами товара присутствовала, а стена за прилавком и вовсе представляла собой один большой стеллаж, заваленный разнообразным оружейным хламом – от стволов до штык-ножей и всяческих пружиннок-штифтов-фиксаторов. Там же имелась бронированная дверь скромных габаритов, ведущая, по-видимому, в подсобные помещения. Сашка, не чинясь, сгрузил винтовки на прилавок, и я последовал его примеру, привалив рядом баул с трофейной снарядой.

– А чей-то тут никого? – выразил я закономерное недоумение, обнаружив отсутствие персонала.

– Михаааалыыыч!!! – вместо ответа завопил Сашка, для усиления эффекта еще и подолбив рукояткой кольта по стеллажу.

Получилось хорошо: громоздкая конструкция из стальных уголков обиженно загудела, а хлам на полках издал далеко не мелодичный звон.

– От я щас кому-то конкретных людей отвешу! – донеслось из подсобки, и в дверь протиснулся очень интересный персонаж.

Молодой мужик – чуть меньше тридцати на вид – довольно субличного сложения, однако с таким глубоким прокуренным басом, что я чуть не присел от удивления. Левая сторона лица в сетке тонких шрамов, волосы длинные, убраны в хвост.левой руки нет по локоть, вместо нее сложный механический протез. Одет, как и многие горожане, в смесь военного с туристическим: потрепанные камуфляжные штаны, ботинки, куртка-ветровка с закатанными рукавами. На поясе кобура с чем-то невообразимым – я, признаться, не сразу понял, что у него там торчит охотничий револьвер могучего калибра.

– Знакомьтесь! – проигнорировал сулимые неприятности Сашка. – Это Михалыч, мой партнер по бизнесу и лучший оружейный механик города. В прошлом знаменитый охотник.

А это капитан Тарасов, мой напарник на ближайшее время. Интересуется историей Чернореченска, особенно любит охотничьи байки.

Я пожал протянутую руку и незаметно сделал Сашке страшные глаза.

– Весьма рад! – прогудел Михалыч, крепко стиснув мою ладонь.

Блин, вот это лапища! Вроде не гора мышц, а так сжал, что кости едва не хрустнули. Впрочем, ничего удивительно – работает много руками. Рукой, я имею в виду.

– Взаимно, – вернул я любезность. – А что это у вас за револьверчик такой любопытный?

– Интересуетесь? – легко пошел на контакт Михалыч. Правда, к голосу еще привыкнуть надо. – Легендарная вещь, итить! Кольт «Анаконда», калибр сорок четыре Magnum, удлиненный ствол двести три миллиметра. По заказу делали, серийный такой вовек не найдете. Я с ним охотился. Раньше...

– Разрешите?..

Чуть поколебавшись, мой собеседник все же извлек этого монстра из кобуры и протянул рукояткой вперед. Ну да, сам не люблю оружие в чужие руки отдавать. Но интересно до жути, тут уж не до вежливости. Покрутил тяжеленную железяку, осмотрел со всех сторон. С первого взгляда поразило качество изготовления: все детали идеально пригнаны, поверхности тщательно обработаны. Охотно верю, что эксклюзивная вещь. Вернул револьвер хозяину, попутно поинтересовался:

– А патроны где берете?

– Есть у нас мастерская неподалеку, на охотничьих боеприпасах специализируется, – пояснил Михалыч, махнув протезом куда-то за спину. – Любого мыслимого калибра малыми партиями клепают. Да и сам не без руки, итить, – переснаряжаю.

– А на кого охотились, если не секрет?

– Не секрет, – вздохнул оружейник. – На хищников в основном. Ну и доохотился, итить, в результате.

Сашка из-за Михалычевой спины показал кулак и закатил глаза, кивнув на партнера по бизнесу. Понял, не дурак. Надо съезжать с темы.

– Михалыч, принимай товар! – пришел мне на помощь напарник. – Партия «мосинок», почти новые. И по мелочи снаряжение всякое.

– Где взяли? – вышел из задумчивости Михалыч, выудив из сумки одну из винтовок.

Сашкины объяснения он выслушал, занятый тщательным осмотром оружия: и в ствол заглянул, и затвор оттянул, разве что не обнюхал. Хороший, видать, специалист, дело свое любит. Закончив осмотр, окинул меня оценивающим взглядом.

– Твои трофеи, говоришь... Болты нормальные, дам стандартную цену – полторы сотни за ствол. И за остальное барахло, итить, еще три сотни накину.

Сашка у него за спиной не возмущался, значит, нормальная цена. Хотя, может, и подыграл партнеру, бизнес есть бизнес. Ладно, на первый раз поверю.

– Годится. Только мне кое-что прикупить надо, давай взаимозачетом? – предложил я.

– Что нужно?

– Коллиматор нормальный к «калашу».

– «Ласточкин хвост»? Или Пикатинни предпочитаешь? – осведомился оружейник, склонившись над коробкой с автоматными приладами.

– Мне серийный армейский выдали, там планок нет.

– Не проблема, – отмахнулся Михалыч. – Сейчас ствольную накладку замену, и будет тебе счастье. Под Пикатинни у меня коллиматоры покачественнее. И вся эта роскошь, итить, обойдется тебе ровно в сто рублей.

Оп-па! Круто, тут рубли в обороте. Только сейчас на это внимание обратил. Когда Соломатин зарплату выдал, я банкноты рассмотреть не удосужился, не до того было. Хотя чему я удивляюсь? Русский город, не в долларах же им расчеты вести. Чего далеко ходить: в той же

Федерации давно уже национальных валют не осталось, единая денежная система внедрена, а расчетное средство – кредит, от «кредитная единица». Это по российской версии. А по буржуйской – просто слово credit сократили для удобства. А вот во Внешних мирах разные дензнаки, в каждой системе свои, отчего у них постоянно возникают финансовые кризисы.

– Ну давай, грабь новичка, – попытался я надавить на жалость. В ответ Михалыч лишь осклабился и помотал головой, дескать, фиг тебе, а не скидка. – Ладно, согласен. Когда забирать автомат?

– Давай сюда. Через полчаса готово будет. А вы тут пока с этим, итить, иродом, – кивок в Сашкину сторону, – чайку попейте.

Оружейник скрылся за бронедверью, а мой напарник извлек из-под прилавка электрический чайник предельно простой конструкции – с ТЭНом и питанием от розетки. Достал оттуда же здоровую, чуть ли не десятилитровую, пластиковую бутылку с водой.

Я присел на обнаруженную у стены грубую табуретку и поинтересовался:

– А кто это Михалыча так разделал? Почище, чем бог черепахи.

– Давно было дело, – отозвался Сашка, занятый хлопотами по хозяйству. – Скоро уже пять лет как. Волк его порвал на охоте.

– Ни фига себе волк! – удивился я. – Они у вас тут с быка размером?

– Угу. В Мутагенке еще и не такое бывает.

Я тут же вспомнил карту, неровное заштрихованное пятно вокруг отметки «База-центральная».

– А подробнее?

– Да хрен его знает, что это за беда такая – Мутагенка. Особая зона, мутантами кишит. Образовалась во время Бойни. Жуткое место, в общем. Суются туда только погранично-разведчики и особо отмороженные охотнички, вроде нашего Михалыча. Завтра Петруша Еремеев придет, его расспросишь.

– А ты откуда про Еремеева знаешь?

– Так он мне сам отзвонился, обрадовать поспешил. Мы с ним, как бы это помягче, заклятые друзья – как в песне про тещу, мимо дома без шуток не ходим.

Блин, еще их ребячеств мне не хватало. Ладно, будем устранять проблемы по мере их возникновения.

– Вот один раз Михалыч и полез в Мутагенку, на волков поохотиться, – продолжил между тем Сашка, задумчиво глядя на закипавший чайник. – Поохотился. Матерый попался, мимо загонщиков прошмыгнул и на ближайшего засадника напал. Им как раз Михалыч оказался. Отхрюпал руку, горло порвал, полрожи исполосовал и смылся, только его и видели. Хорошо хоть группой охотились, успели раненого до госпиталя доволочь. Вот с тех самых пор и завязал с охотой наш Михалыч.

Какая грустная история. Мораль же басни такова: а неча лезть куда не просят и пистолетиком размахивать. Никогда не понимал людей, охотившихся ради удовольствия.

– Я думаю, завтра вечером завалимся сюда, – сообщил Сашка, разливая кипяток по кружкам. – За знакомство посидим, да и Димона помянуть нужно. Заодно ты с Михалычем пообщаешься. Не смотри, что он молодой, а все охотничьи байки Чернореченска знает. Бесценный источник информации.

– Нафига мне охотничьи байки? Я вроде не в этнографической экспедиции, фольклор не собираю.

– Темнота! – хмыкнул напарник и принялся дуть на чай. – Это ж охотники, кто лучше них окрестности знает? Вот именно, никто. Даже мы, «мародеры», им в подметки не годимся. Ты ж вроде довоенными архивами интересуешься?

– Откуда информация? – ненатурально удивился я.

– От Соломатина, откуда ж еще. Он же меня к тебе в помощь определил, ну и соответственно круг интересов обрисовал. По городским архивам можешь не шариться, вряд ли что стоящее найдешь. Хотя опять же с Петрушей переговоры на эту тему. Я так думаю, что самый реальный вариант – сходить на Базу-центральную. Это единственный на всю округу объект, помимо Чернореченска, сохранившийся со времен Бойни.

– Думаешь, база цела?

– Есть такое мнение. По крайней мере, разведчики докладывали, что визуальным осмотром повреждений комплекса не выявлено.

– Давно там были?

– Последний раз так глубоко в Мутагенку лет тридцать назад забирались. После того похода одна из самых знаменитых баек родилась. Теперь тебе любой горожанин клятвенно подтвердит, что База-центральная цела, но превратилась в рассадник чудовищ.

– Н-дя... – Что-то не вызывает у меня доверия такой источник знаний. – А менее реальный вариант?

– Менее реальный – Океанариум. Там тебя с вероятностью девяносто девять процентов к архивам не допустят. Легче собрать охотничью артель, раздобыть пару бэтээров и прорваться в самое сердце Мутагенки, чем тамошних бюрократов переубедить.

Ну что ж, информация к размышлению получена, будем думать.

– Кстати, а когда ты с полковником умудрился пересечься?

– У тебя приступ шпиономании? – съехидничал Сашка в ответ. – Не видел я его после того, как отчет ушел писать. Но у нас есть такая штука – телефон называется. Даже начальство им пользоваться умеет.

Уел, и возразить нечего.

– Слушай, напарник, – задумчиво произнес я, прислушавшись к урчащему животу, – есть мнение, что неплохо было бы перекусить. Михалычевым чаем сыт не будешь.

– Фигня вопрос, – отмахнулся Сашка. – Сейчас автомат заберем и рванем ко мне домой, на постой тебя определять. Там и пожрем, мать наверняка с вечера всякого наготовила.

– А у тебя семья большая? – наконец-то выдался нормальный повод поинтересоваться, а то все неудобно было.

– Ну как тебе сказать, – задумался напарник, – если всех родственников посчитать – таки большая. А если только близких, то не очень. Мать, отец, сестра. Как у Димона.

– Жилищные условия хоть нормальные? А то, может, я лучше в общагу.

– Не вздумай, с жильем все в порядке. Отец у меня инженер на механическом заводе, и ему по статусу коттедж отдельный в Академгородке положен. Не сказать, что огромный, но пара свободных комнат имеется. В мансарде.

– Ну ладно тогда.

Тут как раз истекли затребованные Михалычем полчаса, и он выполз на свет божий из берлоги подсобки. С гордым видом протянул мне автомат, на новенькой ствольной накладке которого красовался неплохой коллиматорный прицел американского образца в виде рамки с экранчиком. Накладка была выкрашена в камуфляжные цвета и смотрелась странно на фоне стандартного черного пластика. Ну да ладно, нечего на нее любоваться, и так сойдет.

Я приложился к «калашу», навел на ближнюю витрину, резко поводит стволом, изменяя точку прицеливания – нормально. Удобная приبلуда, можно целиться и левый глаз не щурить при этом. Не хуже, чем на моем «вихре».

– Большое человеческое спасибо! – поблагодарил я мастера. – А пристрелять его где можно?

– Да прямо здесь, итить, – прогудел Михалыч. – Айда за мной.

Я вопросительно глянул на Сашку, тот ободряюще кивнул и присоединился к нам. Протиснувшись за оружейником в подсобку, мы пересекли ее и нырнули в еще более узкую дверь, оказавшись в неплохо оборудованном пятидесятиметровом тире.

– Круто! – выдохнул я, обозрев все это богатство. – А зачем вам такое стрельбище?

– Помещение это зело необходимое в нашей работе, – отозвался Михалыч. – Где, по-моему, я должен товар испытывать? На военное стрельбище не набегаешься, да и не больно туда пускают. Вот и пришлось раскошелиться. Потому и ютимся, итить, с мастерской и торговым залом в двух каморках.

Больше я ничего испытывать не стал и занялся делом.

Система Риггос-2, планета Ахерон, Чернореченск

2 марта 2535 года, ближе к вечеру

С пристрелкой справился быстро, и полчаса не прошло, как автомат удобно устроился у меня на плече, а несколько ассигнаций на общую сумму девятьсот пятьдесят рублей грели нагрудный карман кителя. Покинув Михалычеву берлогу, мы с Сашкой оседлали верный «бобик» и направились в сторону дома, порядочно попетляв по узким улочкам полупромышленной зоны. Из лабиринта складов и мастерских мы выбрались через несколько минут и тут же попали в хитросплетение многоквартирных жилых домов. Сашка уверенно вел машину, то и дело сворачивал во дворы и переулки, так что я окончательно утратил чувство направления, положившись на инстинкты напарника.

В конце концов мы миновали спальные районы и выехали в частный сектор – обширный участок земли почти у самого Периметра, застроенный аккуратными коттеджами. Что характерно, с обратной стороны стены, пришлось даже через очередной КПП проехать. Видно было, что дома типовые: два этажа либо мансарда, соток пять земли, да невысокие изгороди из пеноблоков веселой расцветки. Сашкин терем приткнулся в конце улицы, отделенный от защитной полосы «спиралей Бруно» лишь красным забором в человеческий рост и полосой обводной дороги. Зато участок при нем был несколько больше, чем у соседей, почти десять соток, и имелись различные надворные постройки, в одной из которых я опознал баню. Все это выяснилось, когда напарник лихо припарковал «бобик» у ворот и мы зашли во двор, отягощенные рюкзаками и оружием.

– Добро пожаловать в Академгородок! – буркнул Сашка, закончив возиться с запором на створке. – Пойди тут, сейчас машину загоню.

– Ага, – не стал спорить я. – Собаки у вас случайно нет?

– Случайно есть. Но ты со мной, так что не бойся. – Сашка всмотрелся куда-то в сторону сараев. – Ромка! Подь сюда, знакомиться будете!

Из-за ближайшей стены неторопливо вышел огромный кобель немецкой овчарки, стандартного для этой породы двухцветного окраса. Важно прошествовал к нам и остановился, внимательно глядя мне в глаза.

– Ромуальд! – торжественно произнес мой напарник. – Смотри и запоминай – это Александр, он у нас поживет некоторое время.

Пес понюхал мою руку, кивнул и оскалился в понимающей улыбке, дескать, будь спок, хозяин, не порвем по ошибке. Потом улегся посреди бетонированной дорожки, вывалив розовый язык.

Тем временем Сашка справился с воротами и загнал тарахтящий «бобик» во двор. Аккуратно прикрыл створки, защелкнул замком, и, подхватив рюкзак, направился к крыльцу. Я шагнул следом.

– А чего это вы за Периметром поселились? – поинтересовался я. – Не боитесь неприятностей?

– Какие, нафиг, неприятности, – отмахнулся Сашка. – Лет пятьдесят уже никто к Чернореченску не суется. А на Периметр ты не смотри, это пережиток первых лет изоляции. Тогда еще стычки с аборигенами случались, да и с бандами колонистов тоже. Сейчас он неактуален, гарнизонные службу больше по привычке несут.

– А почему тогда Злобин в авторитете, если гарнизон ничего не решает? – удивился я.

– Потому что Гарнизон – это название всей чернореченской армии, – пояснил Сашка. – Злобин, как бы тебе объяснить, не верховный главнокомандующий, скорее, министр обороны.

– Понятно. А что, с этой стороны вообще укреплений нет?

– Вон Периметр, – махнул Сашка за спину. – Какие тебе еще укрепления нужны?

– Хлипкий он что-то, после южной-то стороны.

– Ну да. Южная сторона самая мощная, оттуда в основном нападения были. А с севера и востока нас болота прикрывают, не бог весть какие, но все же. Плюс заграждения из колючки и минные поля. Патрули постоянно ездят. На западе в пяти километрах от города Форт находится, учебная база Гарнизона. Там постоянно две-три тысячи личного состава с тяжелым вооружением и техникой квартируют.

– Сам видишь, – продолжил напарник, отперев дверь, – население растет, места внутри Периметра мало, вот и селимся последние лет двадцать в пригородах. Академгородок – один из них. Тут в основном ученая братия и инженерно-технические работники с семьями живут. Еще есть Торговый район, там барыги и купцы всяческие склады оптовые держат. Потом Ярмарка – там базар и гостиницы для хуторян. И гетто, в нем аборигены из оседлых обитают.

– Они-то вам зачем? – хмыкнул я. – Острых ощущений не хватает?

– Ты будешь смеяться, но от них неприятностей меньше, чем от своих, – покачал головой Сашка. – Те же хуторяне многие во хмелю буйны, постоянно драки устраивают. А аборигены живут тихо, свои проблемы сами улаживают, в других районах тише воды ниже травы. Они в основном у купцов работают, грузчики-разносчики-курьеры. Ну и в самом Чернореченске в коммунальных службах их охотно привечают. В любом случае работа здесь гораздо легче, чем в аборигенских княжествах, а уровень жизни много выше. И всех подряд не берем, безопасники хитромудрых быстро вычисляют и пинком под зад, чтобы воду не мутили.

Дом и изнутри оказался симпатичным. Был он чистый и ухоженный, довольно просторный. Чувствовалось, что маленьких детей тут нет, а взрослые к порядку приучены. Бросив рюкзаки в прихожей, мы отправились на экскурсию. На первом этаже располагались кухня, зал, родительская спальня и две детских, в которых обитали повзрослевшие Сашка и его сестра. Здесь же уютная ванная комната, оснащенная душевой кабинкой и раковиной. Санузел раздельный, через стену. В общем, все как в лучших домах Лондона. В мансарде, заменявшей второй этаж, имелось еще две комнатухи, с большими окнами в торцевых стенах. Одну из них мне и предложили выбрать.

– Смотри сам, – рассуждал Сашка, измеряя шагами помещение, – они обе одинаковые, только окна на разные стороны выходят.

Действительно, комнаты были сделаны под копирку: обшитые деревянными панелями стены, деревянный же пол, из обстановки – односпальная кровать, тумбочка, платяной шкаф и письменный стол со стулом. Все, что необходимо для жизни. Лучшего и желать сложно.

– Тогда мне левую, – решил я. – Буду на поля из колючей проволоки и дорогу любоваться.

– Как скажешь, – кивнул Сашка. – Бросай вещи, переодевайся и спускайся на кухню. Обедать будем. Или ужинать, без разницы. Заодно оружейку покажу, у нас по городу с автоматами разгуливать как-то не принято.

*Система Риггос-2, планета Ахерон, Чернореченск
2 марта 2535 года, вечер*

Прием пищи, насчет названия которого мы так и не сошлись во мнениях, прошел бодро и в непринужденной обстановке. Сашкиных родственников не было дома – как выяснилось, отец на дежурстве, сестра после окончания занятий в университете как обычно проводит время в библиотеке, а мать еще не вернулась со смены. Поэтому предаваться чревоугодию пришлось вдвоем, благо в наличии имелся комплексный обед из трех блюд – хорошенько настоявшиеся щи, мясные зразы с грибами и отварной картошкой и настоящий домашний вишневый морс. В общем, повеселились от души. Вернее, от пуза.

– Вот это по-нашему! – удовлетворенно провозгласил я, отвалившись от стола. – Теперь я точно тут жить останусь. Давно такой кормежки на постое не было.

– Это ты сейчас так говоришь, – лениво отозвался Сашка, прихлебывая морс. – Вот познакомишься с маман поближе, взвоешь. Есть у нее одна вредная привычка: ей все кажется, что мы мало едим. Пока не слопаешь минимум двойную порцию, из-за стола не выпустит.

– Прорвемся, – легкомысленно отмахнулся я. – За постой сколько платить надо?

– Стандартная цена, две сотни в месяц. Питание включено. Я бы тебя и бесплатно поселил, только никак не придумаю, как от матери отмазываться буду. Соломатин велел секретность соблюдать, так что о твоём участии в разборке придется молчать.

– Договорились. Держи деньги, – протянул я две сотенные бумажки. – И не переживай так, все равно они халявные. Мне бы еще по магазинам прошвырнуться, прикупить кое-какие мелочи.

– Пошли хоть сейчас, – с готовностью откликнулся Сашка. – А что покупать собрался?

– Да так, предметы первой необходимости. Трусы-носки-футболки, что-нибудь типа спортивного костюма и кроссовок. Ну и тапки.

Напарник крепко задумался, и вскоре вынес вердикт:

– Это в центр тащиться придется. Магазины допоздна работают, но идти далеко. Давай «бобика» седлать.

– Погнали, – поднялся я из-за стола.

Сашка допил морс и на правах хозяина пошел первым. У дверей мы столкнулись с симпатичной светловолосой дамой лет сорока – сорока пяти, весьма стройной для своих лет, которая как раз вошла в прихожую и выискивала, куда бы поставить объемистую сумку.

– Привет, мам! – тут же среагировал напарник.

– Привет, охламон, – отозвалась женщина. – С товарищем познакомишь?

– Обязательно! – Сашка забрал у матери поклажу и пристроил рядом с вешалкой. – Это Тарасов Александр, мой новый напарник. Он только что из Порт-Владимира, поэтому я сдал ему комнату. Ты не возражаешь?

– Очень приятно, – улыбнулась мне хозяйка дома. – Ольга Сергеевна.

– Взаимно, – не остался я в долгу. – Александр Александрович, можно просто Саша. Приношу извинения за причиненные неудобства.

– Оставьте, – отмахнулась Ольга Сергеевна. – Какие неудобства, комнаты пустуют. А у нас все же лучше, чем в общежитии. Кстати, этот охламон вас не обсчитал?

– Все честно! – надулся Сашка. – Двести рублей в месяц, питание включено. Вот наличность.

– Ладно, живи, – смилостивилась женщина. – А то знаю я тебя, торгаша несчастного. А вы куда-то уходите?

– До «Военторга» доскочим, – проинформировал мать Сашка. – Напарнику кое-чего прикупить надо. Мы быстро.

– Уж постарайтесь, скоро ужин.

– Да мы только что из-за стола!.. – попытался отмазаться я.

– Ничего не знаю, – отрезала Ольга Сергеевна. – Ужинать будут все.

И скрылась на кухне, прихватив сумку.

– Видал? – осведомился Сашка, когда мы вышли на улицу и занялись воротами. – То ли еще будет. Сегодня наверняка торжественный ужин закатит, вон как сумку набила.

– Знаешь, Александр, – задумчиво произнес я, устраиваясь на пассажирском сиденье «бобика», – от обильной и вкусной еды еще никто не умирал. А уж ты, как военнослужащий, вообще к жратве обязан философски относиться и не упускать любую возможность набить брюхо. Рефлекс у тебя такой должен быть, профессиональный.

– Да ну нафиг!..

– Значит, не дорос ты еще до высокого звания солдата.

На это Сашка не нашелся, что возразить, потому просто воткнул передачу и вывел «бобик» на кольцевую.

– А ворота?!

– Пускай, мы быстро.

Действительно, ехали недолго. Проскочили КПП, на приличной скорости обогнули спальные районы и оказались в торговом квартале, застроенном супермаркетами и большими магазинами. Здесь Сашка припарковался на стоянке у двухэтажного здания с издали заметной вывеской «Военторг» на фасаде.

– Нам сюда. – Сашка заглушил мотор и выпрыгнул из джипа. – Хороший магазин, как говорили англичане, allinone. Как раз все необходимое закупишь.

– Ну пошли посмотрим, – направился я за напарником.

«Военторг» оказался прямо-таки забит всякими полезными в хозяйстве мелочами, причем ассортимент весь был с военным уклоном – вещи сугубо утилитарные и практичные, никаких излишеств. Не прошло и двадцати минут, как я стал счастливым обладателем нескольких комплектов армейского белья – трусов и маек цвета хаки, запаса крепких эластичных носков, трех полосатых черно-белых тельников (как раз в тему, я все-таки marine, то бишь морской пехотинец), а также на удивление прилично пошитого спортивного костюма синего цвета. Кроссовки брать не стал, отдал предпочтение кедам. Ну и тапочки прикупил, куда же без них.

– Вроде все, – облегченно выдохнул я, рассчитавшись с продавщицей – могучего сложения прапорщиком тыловой службы. – Можно возвращаться.

– Мыльно-рыльные принадлежности не забыл? – напомнил Сашка.

– Не-а, свое есть.

– Тогда поехали. По пути еще в «Приют рожденных ползать» заедем.

– А это что за?..

– Бар, – пояснил напарник. – Владелец, Верещагин Гена, с юмором человек. Он заведение позиционирует как настоящий ирландский паб, ассортимент и интерьер соответствующие. Так вот, он говорит, что из настоящего ирландского паба клиенты должны выползать, и никак иначе. Отсюда и название.

– Давай заглянем. – Признаться, ирландский паб в условиях Чернореченска меня заинтриговал несказанно. – Стесняюсь спросить – а зачем?

– Ну ты даешь! – удивился напарник, заняв водительское место. – За пивом конечно же. Баня без пива как пиво без водки, деньги на ветер.

Баня – это всегда хорошо. А с пивом, да в приятной компании, так и совсем замечательно. И если вы думаете, что я начну отказываться, спешу вас огорчить – не дождетесь.

Искомое заведение было недалеко, буквально в паре кварталов от «Военторга». Как и Михалычев лабаз, паб прятался в цокольном этаже большого офисного здания, однако по огромной вывеске его с легкостью мог обнаружить любой желающий. На ней так и было написано: «Приют рожденных ползать». И чуть ниже мелким шрифтом: ирландский паб. Видимо, чтобы устранить последние сомнения. В сгустившихся сумерках неоновая подсветка и вовсе сводила вероятность ошибки к нулю. Парковка у столь солидного заведения почему-то пустовала – пара угловатых «козликов» и один «бобик» не в счет. Ну и мы приткнулись сбоку.

– А чего это тут пусто? – поразился я. – Или рано еще?

– Не, – помотал головой Сашка. – Просто Гена о репутации заведения заботится, поэтому подавляющее большинство посетителей действительно из бара выползают. Ну и как в таком состоянии машину вести? Вот все и стараются пешком добираться, а до дома на общественном транспорте или на такси, если уж совсем в уматину. Это машины персонала. Ну и такие, как мы, – проездом.

Протиснувшись в низкую дверь из потемневшего дуба, мы оказались в обширном плохо освещенном зале, оформленном в псевдоирландском стиле: повсюду благородное дерево, тяжелая деревянная мебель, на столах перед посетителями кружки староанглийского стандарта – пинты и полупинты. На фоне равномерного гула голосов и стука посуды звучал какой-то кельтский мотив, наполнявший окружающее пространство стоном волынки. Действительно, атмосферное заведение.

Сашка, не обратив на царивший вокруг бардак внимания, прошествовал к барной стойке, за которой скучал парень лет двадцати пяти. При виде Иволгина тот покинул свое место и вышел нам навстречу. По виду типичный славянин – белобрысый, курносый, со смеющимися серыми глазами. Только одет странно: белая рубашка с пышным жабо, черный пиджак, килт в зеленых тонах и блестящие туфли в комплекте с белыми гольфами.

– Привет, Ген! – протянул Сашка руку. – Знакомься, это мой напарник. Тоже Александр.

Гена кивнул, ответив на мое рукопожатие, и вопросительно уставился на напарника.

– Как обычно, темного на вынос?

– Именно.

– Сейчас будет.

Хозяин заведения скрылся в подсобке, а к нам припорхнула миниатюрная девица – тоже в псевдоирландском одеянии – и предложила налить пива. Мы, понятно, отказываться не стали, и уже через несколько секунд потягивали портер из полупинтовых глиняных кружек.

– Весьма недурно, – высказался я, распробовав напиток. – Действительно портер и действительно очень похож на «Гиннесс».

– Так это он и есть, – ухмыльнулся Сашка и продемонстрировал логотип на кружке.

Точно, так и написано: «Гиннесс». Причем русскими буквами. Правда, снизу помельче приписано еще «Чернореченское особое». А еще ниже – «портер».

– Это уже фарс напоминает, – хмыкнул я. – Еще бы наказывали «Настоящий ирландский черный портер»!

– Да что бы ты понимал, – вступился за отечественную продукцию напарник. – Между прочим, Гена считает, что все эти атрибуты вокруг создают неповторимый стиль его заведения. Именно что легкий фарс с уклоном в этнику на ирландской почве. Это просто большой прикол, лубок, если хочешь. А пиво тут действительно «Гиннесс», Геннадий по оригинальной технологии и на фирменном оборудовании варит. Ему все это богатство от деда досталось, тот до Бойни как раз пивоварней в Чернореченске владел. Вон там на стене лицензия висит.

Теперь все встало на свои места. Как бы вам объяснить... Когда только-только открыли гиперпространство и люди начали робко осваивать ближайшие звездные окрестности, выяснилось, что подобные переходы очень плохо влияют на продукты питания, полученные при помощи брожения. Проще говоря, пиво, йогурты и прочие ряженки после путешествия в гипере безнадежно портились. Ученые до сих пор бьются над разгадкой этого явления, но результатов так и нет. Впрочем, при телепортации наблюдался аналогичный эффект. Вышло так, что экипажи кораблей и колонисты лишились обширной номенклатуры популярных пищевых продуктов. Особенно болезненно жители Внесемелья восприняли отсутствие пива. Понятно, что сразу нашлись умельцы на местах, которые начали возрождать традиции частного пивоварения, но их продукции не хватало на всех, да и качество оставляло желать лучшего. И вот тогда какой-то светлый ум в компании «Гиннесс» предложил продавать в колонии мини-

пивоварни, снабжая их фирменным сертификатом соответствия, ну и заодно поставлять туда же сырье, благо ни хмель, ни ячмень на гиперпространство вообще никак не реагировали. Вот и получилось, что в колониях чуть ли не в каждом поселке имелся пивзавод с громким именем. Надо отдать должное производителю оборудования – продукт эти комплексы выдавали даже более качественный, чем огромные предприятия на Земле.

Что ж, «Приют рожденных ползать» имел полное право именоваться ирландским пабом, со скидкой на местную специфику, конечно. И специфическое чувство юмора владельца.

– И давно заведение функционирует? – поинтересовался я у напарника, смаковавшего пиво.

– Два года. Гена как из армии уволился, решил возродить наследие предков. Собрал всю наличность, занял немного и запустил заводик. Начал пиво барам и ресторанам поставлять. До него никто здесь портер не варил, все больше самопальное светлое. А тут такой эксклюзив! Дела пошли в гору, Гена до того поднялся, что решил свое заведение открыть. И тут, конечно, выделился – это первый бар в Чернореченске в подобной стилистике. Все остальные такими вещами не заморачиваются: бар, значит, бар. А заведение становится все более популярным, скоро, боюсь, в элитное превратится.

Тут наш разговор прервал хозяин одного заведения, выставивший на барную стойку десятилитровый деревянный бочонок в фирменных цветах, и Сашка полез в карман за деньгами.

Видно, что ритуал был отработан до автоматизма: Сашка не глядя извлек бумажный полтинник, Гена так же равнодушно спрятал купюру в поясной кошелек, кивнул и отбыл обслуживать других клиентов. Мы же с напарником подхватили неожиданно увесистый бочонок и протолкались сквозь плотную толпу к выходу.

Глава 5

Система Риггос-2, планета Ахерон, Чернореченск

3 марта 2535 года, утро

Вчера, вернее, уже сегодня, засиделись далеко за полночь, поэтому с утра отрывать голову от подушки категорически не хотелось. Однако, как я ни пытался спрятаться от реальности, укрывшись с головой одеялом, реальность в лице сверхнастойчивого Сашки одержала убедительную победу. Пришлось вставать и тащиться в ванную. Умывание ледяной водой помогло не то чтобы сильно, но в какое-то подобие боевой формы я все же пришел. Окончательно проснулся уже за столом – после двух кружек крепкого чая, то есть, конечно, отвара из местных трав. Понятное дело, одним чаем не обошлось, умял несколько бутербродов с жареной домашней колбасой. Что бы там Сашка ни говорил, а мать у него готовила просто изумительно.

Удивительно, но после десяти литров отменного портера, потребленного в три лица, не ощущалось даже малейших признаков похмелья. Хотя обычно после пива у меня голова трещит так, что соседям слышно. В принципе, три литра пива – не та доза, чтоб поутру страдать мигренью и по стеночке добираться до крана с водой, дабы залить великую пустыню Мохаве (абсолютный максимум температуры +56,7 °С), перекочевавшую из Северной Америки в мою глотку. С другой стороны, приличное количество спиртосодержащей жидкости, достаточное, чтобы обеспечить беспробудный сон часов этак на двенадцать. А тут безжалостно разбудили уже в восемь утра, причем цинично мотивировали данное непотребство до предела банальной фразой – на службу пора.

Посидели мы на славу. Начали вдвоем с Сашкой, после сверхсытного ужина завалившись в парилку. Затем к нам присоединился обещанный научником Зайцевым Петруша Еремеев. Я еще удивился: Лев Валентиныч обещал прислать своего человека завтра, а он уже с вечера приволокся, да еще так удачно – к бане с пивом. Но оказалось, что третий участник нашей группы прибыл не по наши с Сашкой души, а вовсе даже к Сашкиной сестре. Имел на нее определенные виды, ага. Впрочем, как мне показалось, взаимности от Варвары в обозримом будущем ему вряд ли удастся добиться.

Я, признаться, был порядочно удивлен, когда за ужином познакомился с Сашкиной сестрой. Почему-то я думал, что она младше брата, однако Варвара оказалась привлекательной особой двадцати четырех лет от роду. Типичная девчонка-пацанка: среднего роста, ладная и крепко скроенная. Зеленоглазое блондинистое создание с двумя смешными косичками, одетое в стиле милитари, как и большинство населения Чернореченска моложе тридцати. Взгляд серьезный, но в уголках глаз лукавые морщинки, при этом часто и заразительно смеялась. Смех у нее на удивление мелодичный, а на смеющееся лицо правильных пропорций с чувственными губами смотреть было одно удовольствие. В общем, во всех отношениях приятная девушка. В настоящее время она заканчивала пятый курс местного университета, факультет археологии.

За ужином я на правах гостя развлекал хозяев беседой. По крайней мере, пытался – довольно скоро мое участие в ней свелось к подкакиванию с глубокомысленным видом и формулированию наводящих вопросов, а говорила в основном Варвара. Ольга Сергеевна предпочитала хранить молчание, а ехидный Сашка то и дело подкалывал сестру. Несмотря на это, беседа получилась весьма содержательной, и я убедился, что Варвара Иволгина не только красивая, но еще и умная девушка. Прямо-таки ворох достоинств, и все они объединены в одной представительнице прекрасного пола. Я даже начал подозревать, что моя собеседница воплощенный идеал, когда наконец сумел разглядеть один ее крупный недостаток: Варвара оказалась той еще язвой, нападки брата отбивала с большим для него уроном. А когда явился Петруша Еремеев, я еще больше укрепился в своем мнении – ухажера девушка отбрила моментально,

сказав тому, что нянчиться с инфантильным маньяком-программистом не входит в ее планы на вечер и ему лучше вернуться домой и заняться любимым делом, то есть просмотром контента определенного содержания. В общем, Сашкина сестра мне очень понравилась. Даже фри-вольные мысли возникли в ее отношении, которые я тут же погнал прочь, вспомнив Ольгу.

А потом тесной мужской компанией пошли в баню. Мы с Сашкой согласно ранее намеченному плану, Петруша – с горя. Кстати говоря, Варварино определение нашего нового партнера на сто процентов соответствовало объективной реальности. Действительно, программист. Действительно, маньяк. К тому же еще и инфантильный – Сашкин ровесник, недавно двадцать исполнилось, но по нему видать, что в солдатики еще не наигрался, энтузиазм из его субтильного долговязого тела так и пер. Знакомый типаж, в Федерации таких каждый третий. Хотя местный вариант программиста-маньяка от общеизвестного немного отличался. Прежде всего тем, что Петруша Еремеев окончил училище, то есть являлся хоть и бедовым, но все же военным, а потому некое представление о порядке и дисциплине имел. Тощ, но жилист, движения резкие, но не дерганные – координация неплохая, видать, натаскивали в рукопашке. Щетина на худом лице не более чем двухдневная, не сравнить с буйной спутанной бороდიцей средне-статистического программера. Патлы, опять же, не до плеч, а по-уставному аккуратный ежик. Камуфляж не сидит как влитой, но и не свисает мешком, а лейтенантские погоны на плечах вовсе не выглядят чужеродно. Короче, на первый взгляд вполне нормальный человек. И лишь при дальнейшем общении становилось ясно – все-таки маньяк.

От Петруши мы избавились только в первом часу ночи, для чего даже пришлось вызывать такси – жил он в офицерском общежитии. А это, осмелюсь напомнить, в Армейке, то есть не ближний свет. Можно было зажать финансирование столь барской привычки – не маленький, и пешком дотопает, – но нам с Сашкой стало его элементарно жалко. Больно уж вид у него был печальный после общения с Варварой. Пусть выпится перед совместной работой, а то не хватало его еще и опохмелять утром. Сами же просидели в бане еще около двух часов, и сегодняшнее пробуждение было вовсе не в радость, я даже Еремееву слегка позавидовал.

Впрочем, водные процедуры и сытный завтрак чуть скрасили недосып, и я почти ощутил себя человеком, когда ведомый Сашкой «бобик» наконец притормозил у знакомого КПП. На «мародерскую» территорию нас пропустили без вопросов, не пришлось даже документы предъявлять, а потому еще минут через пять мы с напарником поднялись на второй этаж служебного здания, где у Сашки имелся крошечный кабинет, который он раньше делил с погибшим Димоном. Теперь же мне предлагалось занять освободившуюся площадь. Признаться, я почувствовал себя неловко, когда Сашка вчера в бане мне эту новость преподнес, но тот поспешил объяснить, что ему так будет легче. Тем более что все личные вещи Дмитрия он уже упаковал и приготовил к передаче родственникам. Ну что ж, так тому и быть.

Сашкино логово действительно оказалось очень скромным, особенно по сравнению с соломатинским. Из обстановки присутствовали лишь два письменных стола, приставленных друг к другу так, что коллеги вынуждены были сидеть лицом к лицу, да оружейный шкаф, выступавший заодно и в роли платяного. Зато имелось окно почти во всю стену – с видом, что характерно, на плац – прикрытое пластиковыми жалюзи, с широким, когда-то белым, подоконником, заваленным сейчас разнообразным хламом, среди которого затерялся телефонный аппарат. Да и стулья были достаточно удобными – с мягкими сидухами и спинками, собранные из металлических трубок, то есть по определению прочные и надежные. Сашка уверенно занял правый стол, выглядевший более захламленным, и предложил мне располагаться за вторым. Что я и проделал, убедившись заодно, что доставшийся мне предмет мебели не столь прост: на рабочем месте обнаружилась выдвижная полка, на которой покоилась порядком обшарпанная сенсорная клавиатура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.